

10335
1960

საქართველოს
ბიბლიოთეკა

67

10335

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУЗИЯ

1960

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

О Р Г А Н
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

Год издания четвертый

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ПЕДАГОГ-ГРАЖДАНИН. К 120-летию со дня рождения Я. Гогешашвили	3
АЛИО МИРЦХУЛАВА. Майский снег. Стихи	5
АЛЕКСЕЙ ГОГУА. Белый конь. Рассказ	7
ГЕОРГИЙ ЛЕОНИДЗЕ. Нушара. Стихи.	11
ФРИДОН ХАЛВАШИ. Медвежий капкан. Рассказ	15
ГЕОРГИЙ КАЧАХИДЗЕ. Природа. Акация. Стихи	23
МИХАИЛ ЛОХВИЦКИЙ. Дарьяльское ущелье. Рассказ.	25
БУЛАТ ОКУДЖАВА. Из стихов о Тбилиси	35
РОСТОМ БЕЖАНИШВИЛИ. Хроника одной деревни. Продолжение	37

ПУБЛИЦИСТИКА

ЭДМУНД ОСМАНЧИК. Выборы.. развлечение миллионеров?!	72
---	----

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

ВАНО ШАДУРИ. Неизвестные варианты комедии «Горе от ума»	76
---	----

СРЕДИ КНИГ

В. ЛАПЕРАШВИЛИ—Недавнее прошлое нашей литературы; Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ — Стихи О. Чиладзе	87—89
--	-------

СПОРТ

БОРИС ПАЙЧАДЗЕ. Годы и матчи	90
--	----

64796
10

ОКТАБРЬ

1960

Редактор К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Редакционная коллегия:

**Э. АНАНИАШВИЛИ, М. ЗАВЕРИН (ответственный секретарь),
М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ, А. КУТЕЛИЯ,
В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ.**

Адрес редакции: Тбилиси, ул. Махарадзе, 14, тел. 3-87-88.

Педагог-гражданин

К 120-летию со дня рождения Я. Гогешашвили

Почти сто лет назад вступил на путь бескорыстного и самозабвенного служения своему народу Яков Семенович Гогешашвили. Но и сегодня все сделанное им так же значительно и актуально. Более того. Именно сегодня жизнь со всей очевидностью подтвердила правильность всей его многогранной и плодотворной деятельности. И потому с полным правом мы можем назвать его великим грузинским педагогом, основоположником грузинской педагогики.

Но никогда Гогешашвили не стал бы великим грузинским педагогом, не будь он, прежде всего и главным образом, великим патриотом своей многострадальной родины. Горячая любовь к своей стране привела его, испившего из родника передовых идей русских шестидесятников, революционных демократов Чернышевского, Добролюбова, Герцена, в лагерь сторонников национально-освободительного движения в Грузии, возглавляемого И. Чавчавадзе и А. Церетели.

Его глубокое убеждение: просвещение народа, рост его самосознания — важнейшее средство борьбы за свободу. А потому — со всей энергией и энтузиазмом молодости, не покинувшими его до конца жизни, Яков Гогешашвили приступил к созданию школы, которая отстаивала бы самобытность грузинской национальной культуры.

Воспитывать для обновленной, экономически, политически и культурно сильной родины людей нового типа, которые имели бы глубокое образование и высокие нравственные качества, — таков девиз педагогического учения Я. Гогешашвили, которому принадлежат следующие слова:

«Известно, что сила каждой нации зависит, главным образом, от развития и усиления национального, патриотического чувства. Там, где это чувство слабее, там народ бессильный и находится в состоянии чугуна, который ломается даже от простых ударов. Там, где это чувство первенствует, народ представляет собой мощную силу и

похож на железо, которое от ударов превращается в сталь. Вот из каких соображений я всеми силами старался усилить, возродить, развить среди грузин патриотическое чувство...»

Реальное воплощение этой идеи — созданное под его непосредственным руководством «Общество распространения грамотности среди грузин» (проведенную им огромную работу трудно переоценить); написанные им учебники «Дэда эна» и «Бунебис кари», на которых воспитывалось несколько поколений грузинской молодежи; заложенные им основы грузинской детской художественной литературы; основанный по его инициативе детский журнал «Джеджили»...

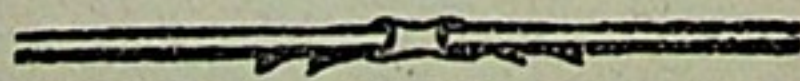
Но этим далеко не исчерпывается круг вопросов и дел, которыми занимался на протяжении своей жизни Гогешашвили. Яркий педагогический талант, широкий диапазон мысли, большая эрудиция, острое политическое чутьё, безграничная любовь к своей отчизне и к родному народу неизмеримо расширили горизонт его идей и свершений. Благодаря всему этому мы и можем с равным основанием характеризовать Якова Гогешашвили не только как великого педагога, но и как крупного публициста, выдающегося детского писателя, оставившего нам более 150 произведений для детей (одно из них будет напечатано в ближайших номерах нашего журнала), известного общественного деятеля, великого патриота и борника дружбы народов.

В педагогическом учении Гогешашвили идея патриотизма тесно связана с идеями интернационализма, братского сотрудничества, солидарности и взаимоотношений с соседними народами.

Нельзя не вспомнить также слов великого грузинского педагога о том, что без знания русского языка — этого «большого блага для каждого кавказца» — нельзя стать полноценным гражданином своей страны. И по сей день Яков Гогешашвили известен в нашей многонациональной Родине, как автор превосходного учебника «Русское слово», который до сих пор является одним из лучших пособий при изучении русского языка...

«Моя жизнь, все мои силы и знания принадлежат моей родине», — писал Яков Гогешашвили. И действительно, всю жизнь он служил своему народу, приближая его лучшее будущее. Все свои силы, знания, талант, страсть отдал воспитанию молодого поколения. А перед смертью плоды всей своей жизни — учебники и труды — завещал родному народу.

Посеянные великим педагогом-гражданином всходы бурно взошли, сторицей вознаградив его всенародным признанием и любовью.

Алио Мирцхулава

МАЙСКИЙ СНЕГ

Перевод с грузинского Э. Иодковского

Тишина —
 разноцветная,
 мирная...
Небосвод, весь прошитый лучами...
Майский снег идет, моя милая,
и снежинки смешались с цветами.

Снег идет,
 над газонами плавая...
Снег идет...
Снег идет и не тает...
Ты застигла меня,
 седина моя,
как внезапно рассвет застигает.
И огонь дальней юности вспомнил я —
разгорался он в ветрах летучих.
Наша юность
 похожа на молнию,
что блеснула в сгущавшихся тучах.
Еще были неведомы почести
нам,
 горластым парням из деревни,
и весна за собой вела полчища
молодых и веселых деревьев.
Солнце алое
 знаменем реяло,
утро каждое было надеждой.
До сих пор
 вижу это горение,
чуть сомкну я усталые вежды.
Сеял звуки —
взошли они песнями,
сеял пламя —
взошло оно звездами.

Вновь живу я надеждами прежними,
слишком смелыми,

слишком поздними.

Время,

я не боюсь твоих странностей
и усилий твоих смехотворных.

Неужель суждено мне состариться —
мне,

отцу стольких строк стихотворных?

Не боимся мы поступи времени,
я — отец!

и стихи — мои дети.

Вот опять поднимаюсь на стремяни
и скачу по полям на рассвете.

Стань же,

милая,

снова молоденькой,
побежим через горы и реки!

Не стареет вовеки мелодия,
красота не стареет вовеки.

Я с дороги своей

не сворачиваю

и призванию не изменяю.

Я ведь плотник —

я буквы сколачиваю,

я гончар —

я слова вылепляю.

Вечно славься,

земля моя мирная,
небосвод, весь прошитый лучами!

Майский снег идет,

моя милая,

и снежинки смешались с цветами.

Снова вижу я

с ясностью резкою:

все прошло, что грозило бедою,
только светит над юностью резвою
солнце белое,

солнце седое.

Снег идет над долиною розовой,
снег весенний идет против правил.

Вот и солнце поднялось над Родиной,
вот и стих

свои крылья расправил!

Алексей Гогоуа

Белый конь

РАССКАЗ

Перевод с абхазского Б. Штейна

Дорога, усыпанная гравием, огибает на краю деревни домик с фруктовым садом. Чуть поодаль, прямая, как тетива, несется горная речушка. За деревьями всегда блистают вымытые окна, в которых к вечеру огнем отражается закат.

С горы видна только добела выгоревшая на солнце крыша.

На столбах балкона красовались рога серн и предмет гордости охотника—громадные витые туры рога.

Стены дома, сбитые из крепких досок каштанового дерева, стали от времени светло-янтарными.

Дня не проходит, чтобы в дом не завернул какой-нибудь усталый путник. Там, за светлыми окнами, в любое время угостят, напоят крепким вином, ободрят теплым словом, и человек отправляется дальше, пожелав мира радушной кровле.

«Должно быть, тут живет само счастье», — думает каждый, продолжая свой путь.

В народе говорят: откуда знать другому, что лежит в моем сердце.

Рис. Д. Нодия.

И разве может случайный гость угадать, покойно ли спит хозяин или прячет в подушку горе в бессонные ночи...

...До войны Арсан Ахуба слыл первым наездником на селе. Черные закрученные усы, изогнутые густые брови и веселые глаза придавали ему молодежеский вид. С буйной юношеской удалью несся он по праздникам на коне мимо столпившихся односельчан.

— И годы его не берут! Вот так Арсан! — переговаривались старики, белые, как яблоня в цвету.

Ахра, сын Арсана, весь был в отца, и когда они вдвоем поднимались на альпийские пастбища, то в отдаленных селениях принимали их за братьев. Старший Ахуба любил го-

ворить, что кое в чем Ахра даже опередил его: получил образование и работал колхозным ветеринаром.

Пришел день, и в дом Арсана Ахуба, как и во все другие дома, нагрянула весть о войне.

Отец и сын ушли на фронт.

Через несколько лет Арсан вернулся домой один.

Загрубелой рукой расправлял отец мохнатую папаху, лежащую на кровати с одеждой Ахры. Бумага с извещением о гибели сына дрожала в непослушной руке старика. Трудно было Арсану поверить ей.

— Ахра, дад¹, что это? Почему пуля миновала меня? Ведь я все успел взять от жизни. Почему она забрала тебя — ты только начинал жить, ты был нужнее, полезнее. Почему не я, а ты остался в чужой земле?

Невидящим взором оглядывал Арсан потупившихся соседей. Глаза его, выжженные горем, были сухи...

Шел дождь. Деревья, чуть тронутые желтой осенью, стояли взъерошенные, как птицы в ненастье.

У очага сидели Арсан Ахуба и его жена Хифаф. Короткая борода и побелевшие усы Арсана прикрывали обветренные сухие губы. Разговаривая с Хифаф, он отводил в сторону воспаленные от дыма и бессонницы глаза.

Муж и жена казались спокойными, равнодушными ко всему, говорили мало и о мелочах, а в мыслях у обоих было одно.

В саду уже налились соком тяжелые гроздья винограда. Они ждут бережных и сильных хозяйских рук. Виноград даст вино. Хорошо было бы наполнить этим вином свадебные кубки...

Глядя в полуоткрытую дверь на рога серн, старик вспоминает... Как-то раз были они с сыном на охоте. Светало, когда они заметили пасущихся

серн. Выщипав шерстинки из папахы, Арсан подбросил их кверху, чтобы определить направление ветра. Слабый ветер дул на охотников. Ахра стал ползком подбираться к сернам. Притаившись, поджидал его Арсан. Ждали горы, готовые разнести по ущельям эхо выстрела. Ахра не стрелял. «Может, осечка?» — недоумевал Арсан. Вдруг Ахра встал во весь рост. Серны мгновенно сорвались с места и исчезли. Арсан ничего не понимал. Ахра постоял, глядя вслед умчавшимся животным, и повернул обратно.

— Это была семья, — смущенно объяснил он отцу, — у нее уже набухло вымя, а живот вздулся, вот вот родит. Самец стерег, пока она паслась, и терся мордой о ее золотистую шерсть... Не мог я в них стрелять...

Арсан только усмехнулся: что ж — не мог, так не мог. Серны тоже умеют любить.

Та пара, которую не тронул Ахра, наверное, уже дала большое потомство. Молодые серны смотрят на мир выпуклыми, настороженными глазами, а старые — ходят по склонам, стучаясь о нависшие скалы прямыми, загнутыми у концов, рогами. На рассвете они поднимаются со своего каменного ложа, которое кажется им таким удобным, и забывают о ночных тревогах. Они сбегают на сочные альпийские луга, усыпанные цветами в сверкающих брызгах холодной, чистой росы.

Дождь перестал. Ветер разогнал тучи, все шире становились синие прогалины неба.

Арсану стало невмоготу сидеть дома. Он поднялся, сдернул уздечку со стены и, как бы оправдываясь, сказал:

— Пойду, поищу Белого. Пора ему вернуться.

Выйдя со двора, Арсан постоял, раздумывая, где ему искать. С листьев еще падали редкие капли. Лужи на дороге под низким ветром словно покрылись морщинами. Зеленая трава стала сочной и гибкой,

¹ Да д — ласковое обращение старшего к младшему.

как волна. Арсан пошел к реке: после дождя ущелье гудело от ее шума.

Белого — коня, которого искал Арсан, объездил Ахра. В тот день, когда он уходил в армию, конь, как всегда, бродил по двору, пощипывая траву. Ахра обнял его за шею и прижался щекой к умной, настоженной морде. Что мог тогда почувствовать конь — никто не знает, но после ухода хозяина он перестал подпускать к себе людей. Он уносился в луга, пропадал иногда по нескольку дней, а когда возвращался, то только мать Ахры, одинокая Хифаф с выцветшими от слез глазами, выходила навстречу коню.

Однажды Хифаф заметила, что у Белого старательно заплетена грива.

— Кто мог его приручить? — изумилась она. — Такой конь не подпустит к себе и на сто шагов! Не иначе, как работа чертенят, недаром говорят, что они играют гривами лошадей. Плохой это признак, — решила женщина и рассказала мужу о своей тревоге.

— Никто ничего не видел, а лошадь не разговаривает, — ответил Арсан.

К Белому подкрадывалась старость, но держался он еще хорошо и даже участвовал в скачках. И по-прежнему старики восхищались Арсаном, когда он появлялся на своем скакуне...

Перейдя вброд речку, Арсан немного передохнул. На пологом склоне горы распластался огромный луг. Слева возвышался лес голостволых буков. За деревьями прятался дом, крытый потемневшей дранкой. Там жил лесник Шина, замкнутый, спокойный человек.

В лесу отчаянно растрещались сороки. Воздух был чист и звонок. Все залил радостный солнечный свет.

Наконец, Арсан увидел коня. Тот стоял неподвижно, как изваяние. Заслонившись ладонью от солн-

ца, Арсан беспокойно разглядывал его:

— Что с конем? И кто там стоит рядом? Неужели Хифаф права?

Присмотревшись получше, Арсан увидел рядом с конем мальчика лет четырех. Тот спокойно поглаживал низко опущенную мускулистую шею Белого.

— Вот чудеса! Конь послушен, как теленок!

Арсан зашепел. Белый вздрогнул, вытянул голову и, узнав хозяйина, успокоился. Мальчик стоял нахмурившись. Вьющиеся темные волосы ложились ему на лоб упругими колечками. Он исподлобья глядел черными глазами на присевшего перед ним на корточки Арсана.

— Чей ты, дад?

— Не бери коня, — вдруг захлебнулся в плаче малыш. — Это мой конь!

— Хорошо, дад. Пусть будет твой. Я же не отнимаю его у тебя, — усмехнулся Арсан.

— Когда буду большой, поскачу на нем, — расхрабрился мальчуган.

— Вижу, ты смелый мужчина, — Арсан притянул его к себе и повторил свой вопрос: — Чей ты, дад?

— Я сын Шины.

— Как же ты не побоялся подойти к коню?

— Он хороший, смирный. Если боишься, могу тебе поймать его, — уже со спокойной уверенностью мальчик посмотрел в глаза Арсану. — Мы с мамой каждый день кормим его. Мы его любим. Мама сказала, когда вырасту, я обгоню всех на белом коне.

Старый Арсан помнил жену Шины. Еще когда был жив Ахра, она считалась самой красивой девушкой в соседнем селении.

— А что еще говорит твоя мама?

— Она говорит, что этого коня любил очень хороший и смелый человек. Он всех обгонял на этом коне. Я сказал, что буду, как он. И мама меня поцеловала, а потом плакала. А я не заплакал.

Арсан вдруг ясно представил, как сын его, оседлав коня, в сумерки

ехал в соседнюю деревню и где-нибудь у придорожных буков встречался с этой милой девушкой. И в разговоре руки их касались, когда они гладили сильную шею Белого.

А когда Ахра ушел воевать, конь, наверное, сам прибежал к знакомому месту, и девушка сквозь слезы говорила ему нежные, утешающие слова.

— Подсадишь меня? — спросил мальчик, теребя ручонкой жесткую бороду Арсана.

Старик бережно поднял ребенка и усадил его на широкую спину коня.

Когда-то давно, вот так же подняв своего Ахру, Арсан пожелал ему быть смелым и сильным наездником.

Арсан придерживал сияющего от гордости малыша, пока конь неторопливо брел по лугу.

Потом мальчик слез.

— Домой надо. Мама ждет.

И вдруг деловито осведомился:

— Это твой конь?

— Мой, дад. А что?

Мальчик помолчал, обдумывая что-то, а затем попросил:

— Не запирай его. Пусть приходит. А то мама станет плакать.

— Нет, дад, не буду запирать. Пусть приходит. А хочешь — подарю его тебе. Вырастешь, возьмешь атарчей и поскачешь.

Голос Арсана дрожал.

— А что такое атарчей? — спросил мальчик.

— Атарчей... когда идут скачки, кто-нибудь берет атарчей — ну хотя бы кiset для табака — и летит во весь опор. А другие бросаются в погоню. Надо прискакать к месту и никому не отдать атарчей, понимаешь?

— Понимаю, — кивнул мальчик. — Я никому не отдам атарчей.

— Как звать тебя, дад?

В это время из дома в буковой роще донесся женский голос.

— Ахра-а-а!

— Тебя зовут Ахра? — спросил потрясенный Арсан.

— Ахра, — подтвердил малыш. — Это мама зовет.

— Ну иди, дад, — Арсан поцеловал его в щеку и слегка подтолкнул. — Иди, а то мама будет беспокоиться.

— Ахра-а-а! — позвали. опять.

— Иду-у!

— Приходи ко мне, дад. Слышишь?

— Приду, — твердо пообещал Ахра.

Арсан глядел вслед уходящему ребенку. И показалось Арсану, что он совсем еще молодой, и это сын его — маленький Ахра — идет, покачивая кудрявой головкой. Ласковый женский голос зовет сынишку, и он отвечает звонким детским баском. Живая, трепетная любовь слышится в зове матери. И далеко-далеко по склонам разносится заветное: «Ахра-а-а!».

Малыш идет по облитому солнцем лугу, идет, словно хочет дойти до самого солнца и обнять его ручонками, как шею коня.

И конь, белый, как пена водопада, тоже смотрит вслед маленькому своему хозяину...

Человек, побывавший в доме Арсана Ахуба, уходя в гору по петляющей дороге, оглядывается на светлую крышу. Издали домик кажется белым платком, который бросили на зеленую лужайку, чтобы усталый путник мог стереть пот с лица. И долго еще будет путнику вспоминаться приветливая улыбка хозяев. В этом доме живут очень хорошие люди.

Георгий Леонидзе

НУШНАРА

Перевод с грузинского В. Державина.

1

Расцветает, цветет нушнара —
Милой Картли роща миндальная...
Пролила благовония чары,
Напоила тропинки дальние.

Хоть зима тебя и студила,
Хоть морозец порой прохватывал,
Хоть бичами молния била,
Но опять живет красота твоя.

Славься, розовый цвет миндальный,
Расцветай весной беспечальной!

Я в тебе увидел одной
Все, что нам приносит предлетнее, —
Вешний мир красоты земной,
Мир — вселенной звездной несметнее...
Свет и слава моей страны,
Поросль юная в чаще старой,
Расцветаешь ты... Нет цены
Твоему сиянью, нушнара!

По тебе узнаю я вдруг
Жизнь, весну — в цвету, словно в сказке...
Лечишь ты тоску и недуг
Переливами буйных красок.

2

Утро звонкое среброкрылое
Нить сверкающих капель нижет,
И надеждой дарит, и силою,
И росой, как жемчугом, брызжет.

Не взгляну на тебя я холодно,
Хоть тобой и не пьян без просыпу,
О нушнара, — радость и молодость...
Веток яхонтовые россыпи!

Ты — нушара розоволицая
 Взор ласкающая приятно;
 Ты — луна моя и владычица,
 Восхваленная тысячекратно,
 Искра пламени первозданного,
 Обаянья мир необъятный!

Твои корни хочу окопать.
 Ведь уход за тобою нужен,
 Чтобы ты сумела впитать
 Волны сока, ливни жемчужин.

Может быть, в старину проросла
 Ты из сердца девушки нежной,
 И все тайны его впила,
 И печаль любви безнадежной.

Иль на клочьях знамен ты вновь,
 Орошенная кровью, встала.
 И впитав ту алую кровь,
 Ты так розово запылала.

Ты не веришь в зимы возврат,
 В то, что вьюга тебя коснется?
 Может быть, мой умерший брат
 Мне цветеньем твоим смеется?

Может — розовый ты пожар,
 Дочь огня и молний царица;
 Может быть, ты — сама Тамар,
 Солнцеликая в багрянице?

Может быть, ты весны этой кровь,
 Может быть, ты страстью пылаешь...
 Может быть, ты сама любовь,
 Или вовсе любви не знаешь?

Сердце есть у тебя? — как узнать —
 Я допытываться не стану.
 Ты — кристалл, ты небу под стать,
 Солнцу — дочь, сестра — океану.
 Твои корни поколебать
 Не под силу Левиафану!

Коль заслышу карканье ворона, —
 Ни на миг с тобой не расстанусь.
 Коль гроза пойдет в твою сторону,
 Охранять тебя я останусь.

Если буйный буран нагрянет,
 Снег седой клоками повалится,
 Если ночь луну затуманит —
 О тебе мое сердце печалится.

Все страшат меня опасения —
Не стряслось бы беды с тобою,
Не сожгла бы гроза небесная,
Не побилло бы градобоем.

И гоню я лошадь вспенённую,
Чтоб взглянуть: ты все та ль? Цела ли?
Ты встаешь, весной озаренная,
Ни кручин у тебя, ни печали,

Ни грозой, ни градом не ранена.
И стремлюсь я к моей нушнаре,
И пою ей песню «Арнанино»,
Как журчание струй мадчари.

Расцветает в твоём сияньи
Дней меняющаяся пряжа,
Лес кораллов в росном мерцаньи...
Если ты не моя, так чья же?

Распускай же свои цветы
Светом розового пожара.
Ты — бессмертные красоты,
Здравствуй вечно, моя нушнара!

Хорошей, цвети и живи
Век от века и год от года,
Древо жизни, древо любви,
Заповедный порыв народа!

6

Что волнение любви, коль оно
Истомит лишь сердце бесплодно?
Я любовь утратил давно,
Потерял, будто в бездне холодной.

Эта искорка никогда
Не щадила, лишь жечь умела...
Словно ласточка, навсегда
Моя молодость улетела.

Словно лодка в пене волны,
Юный век мой уплыл и скрылся.
Снеговой цветок седины
В волосах моих заструился.

Приюти меня и прими —
Не хочу я лучшего дара,
Приласкай меня, обними
Шумом веток своих, нушнара!

Под твоим зеленым шатром
Я хочу навсегда остаться,
Негасимым твоим огнем
В ночь туманную согреваться.

Приюти меня и овей
Свежей сенью своих ветвей.

Над моей головой расстели
Свои розово-снежные своды,
Чистой радостью озари,
Словно в отроческие годы!

7

Колыбель моя, детства сень!
Не тебе ль сегодня доверю я
Этот день
И грядущий день,
О простое миндальное дерево!

Защити меня и укрой
Благовонной своей полою!
Жить одною жизнью с тобой,
Слиться сердцем хочу с тобою!

Посвети мне в трудном пути,
Чтобы мог свою песнь допеть я,
Чтобы мне с тобою прийти
К маякам далеким столетья.

8

И меня ты вспомнишь, нушнара,
Лес — живой весной окропленный,
Если, полон чистого жара,
Жил и пел я, тобой вдохновленный.

Если крепок, как ты, корнями, —
Значит, верно я жизнь направил.
Если я твоими лучами
Слово грубое переплавил, —

То с рудой картлийской сравнится
И с нушнaroю Леонидзе.

Еще годы не прожиты наши,
Мы еще их не сосчитали...
Вот опять, как золотые чаши,
Дни, наполнившись, заблестали.

Так живи всегда, несравненная,
Разливай весенние чары,
Нерушимая и бесценная,
Жизнь дарующая нушнара!

Медвежий капкан

РАССКАЗ

Перевод с грузинского Эм. Фейгина

Рис. Д. Нодия

1

До чего же красивы горные леса Аджарии в осеннем наряде. Петь хочется, когда смотришь на них, так они несказанно хороши в эту, казалось бы, грустную пору увядания. Где-то, быть может, осень наводит на людей тоску, проливая на серую потускневшую землю назойливый дождь своих холодных слез, а здесь, на что ни глянешь, все радует глаз, все веселит душу.

Особенно хорош сейчас клен — осень окрасила его большие широкие листья в алый цвет, и скромное дерево чудесно преобразилось, словно расцвело оно неожиданно яркими весенними цветами.

Вспыхнул жаркий румянец и на листьях бука, но они, как только меняют цвет, сразу же, медленно вращаясь в воздухе, замятво падают на землю.

Клены стоят в лесу поодаль друг от друга, они не терпят тесноты, и оттого, что живут они на просторе,

осанка у них горделивая, величавая. Вот подул легкий ветерок, и клены, прислушиваясь к его нежной мелодии, начинают шевелить ветвями. В эти мгновения осенние клены чем-то поразительно похожи на наших девушек-горянок, когда они в праздничных платьях плавно движутся в медленном, чарующем хороводном танце.

Какая-то тайная сила подолгу удерживает осенью листья на кленах, и в поредевшем лесу, потерявшем листву, то здесь, то там они пылают высокими неугасимыми кострами. Но от древнего сгорбленного клена, что уже много лет стоит бессменным стражем у родника, все же раньше других оторвался широкий, в ладонь, лист, со старческими прожилками на тонком теле и, словно подбитая на лету птица, упал на прозрачную гладь водоема.

Салих вздрогнул. Он не видел, как падал лист, он только уловил тихий, едва слышный всплеск воды. Салих уже давно сидит здесь и за-

думчиво смотрит на неподвижную воду. Ему уже немало лет, но нелегкий крестьянский труд и годы не согнули его. На старике простая и удобная повседневная одежда горца. Брюки сшиты из грубоватой домотканной шерсти, крашенной кожурой молодого ореха, и хотя они изрядно выгорели на солнце, в складках еще сохранился их первоначальный цвет — осенний цвет листьев клена. Редкие седые волосы покрывают щеки и руки Салиха. Изрезанный морщинами лоб прикрыт такой же седой прядью. Под взлохмаченными густыми бровями глубоко спрятан единственный живой глаз, поблескивающий, словно вода на дне колодца.

Ежедневно теперь поднимается Салих на склон этой горы, чтобы проверить капкан, поставленный на медведя. Здесь, на склоне, растет колхозная кукуруза. Вот и повадился сюда медведь, потому что нет для него в горах лучшего лакомства, чем незрелый, налитый сладким молоком кукурузный початок. Каждую ночь озорует медведь на кукурузнике. Беда с ним! На рубль съест — на тысячу потопчет и ломает колхозное добро. Бригадир сна лишился из-за этого и велел Салиху во что бы то ни стало прочить лесного вора.

Салих поставил огромный капкан на единственной узкой тропинке, ведущей из леса на кукурузное поле. Он ловко замаскировал капкан: размял руками землю и засыпал его, а сверху еще прикрыл сухими ветками. Но перехитрить медведя не удалось. Должно быть, «стреляный» это был ворюга, опытный и, почуяв опасность, нашел к кукурузе другие пути. Должно быть так, потому что вот уже двенадцать дней ходит сюда Салих — и все попусту.

Сегодня Салих неожиданно обнаружил новый проход к кукурузнику. Так вот она, воровская тропа! Салих захлопнул капкан и установил его на новом месте. Пришлось ему немало повозиться. Обычно такую работу делают вдвоем или втро-

ем. Салих очень устал и, спустившись к роднику, решил здесь дождаться вечерней прохлады. Но сейчас он не думал ни о медведе, ни о капкане. Красный лист клена, упавший на воду, напомнил ему о самом страшном и тяжком дне его жизни.

2

Давно это было. Тридцать лет прошло с той поры. Тридцать лет, шутка ли! Но ничего не стерли годы. Ничего не забыл Салих.

Ему было тогда семнадцать лет. И вот однажды, в такой же прекрасный осенний день, он пришел в этот горный лес, чтобы заготовить на зиму дрова. Не желая губить молодые деревья, Салих поднялся почти на самую вершину горы и только там вынул из-за пояса топор.

После полудня Салих обрубил ветви у поваленных деревьев и по узкому и неглубокому, похожему на желоб ущелью, стал спускаться вниз. Сперва он поднимал ствол на плечо, а затем двумя руками — на уровень головы и, сделав несколько шагов вперед, изо всей силы кидал вниз. Сбросив дерево, Салих, вытянув шею, некоторое время прислушивался. Сначала ствол прорезал воздух с таким шуршанием, словно кто-то рядом разрывал шелковую ткань, а ударившись о камень, звенел тонко и протяжно, и только у родника он зарывался в песок и замирал.

Салих не чувствовал усталости, в нем весело играла молодая, нерасраченная сила. Когда он проголодался, то достал подвешенный к дереву, завернутый в полотенце обед: кукурузную лепешку и волокнистый сыр, сплетенный наподобие девичьей косы. Ел он не присаживаясь, стоя. Пообедав, сбросил еще один ствол и снова прислушался. И вдруг снизу послышался чей-то голос.

— Эгей! Кто там?

Салих, сам не зная почему, испугался и не ответил. Он влез на де-

рево, посмотрел вниз и сразу узнал своих давних недругов — Идриса и Энвера. Оба держали в руках топоры и были опоясаны веревками — видимо они, так же, как и Салих, пришли заготовлять дрова. Не дождавись ответа, братья о чем-то поговорили между собой, то и дело поглядывая навверх, и скрылись в лесной чаще.

Недобрая слава была у обоих братьев. Но особенной, шакальей злостью отличался Идрис. Везде и всюду он искал себе врагов. Идет, бывало, по сельской улице и с угрозой глядит на ребят. Одного ударит ногой, другого ни за что ни про что толкнет в грудь. Никто из ребят не смел противиться этому верзиле с огромными, беспощадными кулаками. Однажды во дворе Салиха соседские ребята играли в «чилика». Неожиданно появился «Коса Идрис» — так его прозвали в селе, потому что жестокое тупое лицо Идриса было изуродовано оспой, и ни один волос не рос на нем.

Какой-то мальчик случайно попал «чиликом» в спину Идриса. Тот, ни слова не говоря, бросился на ребят. Все разбежались, лишь Салих не тронулся с места.

— Ты это сделал? Ты?

— Я, — не дрогнув, ответил Салих, и тотчас же на него обрушился удар.

После этой стычки с Идрисом мать несколько дней не выпускала Салиха, боялась, что сын с отчаяния пойдет на все, лишь бы отомстить Идрису, и наживет опасного врага.

И в самом деле: жажда мести сжигала сердце мальчика, но, подумав, он решил:

«Подрасту — расплачусь. За мной не пропадет».

3

...И вот они встретились в лесу. Взмокшие от пота братья подошли к Салиху.

— Ах, это ты, свинья паршивая, — презрительно скривив губы, сказал Энвер.

— Разве сын козьего вора способен на что-нибудь хорошее? — добавил Идрис.

Такое не впервые слышал Салих. Отец его действительно как-то увел козу. Салих тогда еще в колыбели лежал, а в доме не было ни капли молока. Отец попросил у живущего в соседнем селе богача — Давида-ага одолжить ему козу, обещая осенью вернуть и козу и плату за нее. Но Давид-ага отказал: «Пусть лучше мои козлята сосут молоко, чем твой сын».

Другого выхода не было. Отец тайком увел козу. Летом ее доили, а осенью он доставил козу обратно, вместе с арбой самого лучшего сена. И все равно Давид-ага назвал его вором. Отец рано умер, но подлые слова богача еще долго мучили Салиха. Бедного мальчика везде называли сыном вора. В глаза и за глаза. В детстве он не раз проклинал из-за этого свою судьбу. Гордое сердце Салиха обливалось кровью. Только что может сделать мальчик, один мальчик, против жестокости и несправедливости жизни. Но шли годы, Салих подрастал, людям теперь уже как-то неловко было называть его сыном вора, постепенно эта позорная кличка и вовсе позабылась.

И вот опять ему напомнили ее. Салих с трудом сдержался. Опустив топор, он спросил:

— В чем дело, Энвер?

— Почему рубишь в нашем лесу?

— В вашем? — удивился Салих. — Что-то не слышал я об этом. Не пойму я, чего вы хотите. Леса много — всем его хватит.

— Помолчи лучше, — оборвал его Идрис. — Таким был твой отец, он воровством содержал семью. Но у тебя не пройдет.

Он шагнул к Салиху, вырвал у него из рук топор и злобно, грязно выругал ту, чье имя свято для каждого человека.

Салих уже не помнил себя. Пригнувшись, он головой, словно разъяренный тур, боднул Идриса в грудь. Тот не ожидал удара и сва-

лился. Салих бросился к поверженному оскорбителю, но Энвер тупой стороной топора ударил его по затылку.

— Задушу я это воровское отродье,— завопил, вскочив на ноги, Идрис и потянулся руками к горлу Салиха. Но душить парня уже не надо было: Энвер вторично ударил его топором. Салих упал.

Идрис не удовлетворился этим и, перехватив топор, рукояткой нанес Салиху удар в лицо. Братья увидели страшную картину: из левого глаза на щеку бездыханного Салиха текла густая, темноватая жидкость.

Братья переглянулись:

— Готов, больше не встанет,— сказал Идрис и облизнул пересохшие губы. Энвер кивнул головой, и они поспешно стали спускаться вниз, решив, что Салих мертв. Иначе они обязательно прикончили бы его. А раз не дышит человек—значит концы в воду. Мертвый никому ничего не скажет.

На всю жизнь запомнил Салих яркие красные листья, которые в вихревом хороводе закружились перед его угасающим взором, когда он падал, сраженный врагами. Всюду красные листья. Они были и на клене, у которого он упал, и на земле. И солнце было такое же, багрово-красное, похожее на окровавленный глаз, выскочивший из орбиты. И словно кто-то бросил его прочь, и оно повисло над лесом, зацепившись за кроны деревьев.

4

Нет, не в силах Салих забыть об этом. Не может. Тридцать лет прошло, но стоит только вспомнить тот страшный день—и в пустой глазнице возникает нестерпимая, обжигающая душу боль.

В те времена, тридцать лет назад, в здешних горах вражда человека с человеком означала почти всегда только одно—смерть. Если человек тебя ударил, ты должен его убить, чтобы спасти свой род, свою семью

от позора. Только кровью смывалось такое оскорбление. Только жизнью своей мог уплатить за него оскорбитель.

Оставшись без глаза, Салих мечтал об одном—отомстить братьям. О! Он им отплатит. Жестоко отплатит! Но вначале страдал лишь он один: от боли страдал, от неутоленной жажды мести, от бесчисленных обид, которые посыпались на него со всех сторон. Ему теперь причиняли боль даже те, от которых он вправе был ожидать добра. Его невесту, первую и единственную его любовь, отдали другому. «Мы хотим счастья своей дочери,—сказали родители невесты,—а у Салиха такие страшные враги... сегодня она его невеста, завтра жена, а послезавтра—вдова. Нет, не можем, пусть забудет о нашей дочери».

Пусть забудет! А разве можно забыть?

Рана на лице со временем зажила, но в душе она никогда не заживала. Никогда. И Салих все искал случая, чтобы отомстить врагам. Но случай не представлялся. Время изменилось, в аджарских горах утвердились новые, справедливые и добрые порядки. Люди из партийной ячейки и сельсовета старались примирить кровников. Салиха тоже перед всем селом примирили с Идрисом и Энвером. Примирили—но в сердце Салиха все равно осталась трещина. Годы покрыли пеплом огонь старой вражды, люди забывали о ней, но где-то, в глубине души Салиха, тлел уголек ненависти, да и как он мог погаснуть, если вся жизнь Салиха полетела под откос. Даже в том, что Салих поздно женился и поздно завел семью, были виноваты Энвер и Идрис. Это они лишили его счастья. И они все равно, рано или поздно, должны заплатить за это. Тридцать лет прошло. Поседел Салих, постарел, но и сейчас, когда он смотрит в далекое прошлое с такого расстояния, он невольно скрипит зубами от боли и ненависти. Не отплатил. Не сумел отплатить. Энвер умер своей смертью, и

он уже там, где никогда не достигнет его мечь Салиха. Ну ладно. Ты ускользнул от меня, зато брат твой остался, твой наглый и жестокий брат Идрис. Он все еще беззаботно ходит по этой земле. Беззаботно, как будто ничего не должен мне.

Тяжкую и горькую тайну хранит в своем сердце Салих. Он ни с кем не делится ею — ни с женой, ни с детьми. Ни с кем на белом свете. Только один Идрис, вероятно, знает, что происходит в душе Салиха. О да, он, конечно, знает об этом, но виду не подает. Идрис никогда не избегает Салиха, никогда не сворачивает с дороги при встрече, никогда не отводит глаз, чувствуя на себе ненавидящий взгляд Салиха. Хоть бы постыдился, негодяй! Хоть бы посторонился немного. «Когда враг сторонится тебя — это уважение к твоей силе», — говорят в народе. Но от кого жду я уважения? От Идриса? От этого зверя?

В том, что до сих пор он не отомстил своему кровному врагу, был в какой-то мере виноват Резо. Надо же было случиться такому, чтобы парень влюбился в Зекию — дочь Энвера.

Вот это и называют судьбой: у тебя есть один сын, и тот влюбляется в дочь человека, причинившего тебе столько зла.

Сын долго не говорил отцу о своей любви к Зекни, но когда Идрис захотел отдать племянницу за парня из соседнего села, Резо испугался и во всем открылся Салиху.

Бедный мальчик! Салиху было очень жаль сына, но он ничего не ответил ему, надеясь, что пока будет отмалчиваться, Идрис успеет выдать замуж племянницу. Но он забыл о том, что нынче девушки сами решают свою судьбу. Зекия сказала, что она выйдет замуж только за Резо. Только за Резо, и ни за кого другого.

Об этом и думал сейчас Салих, отдыхая у родника. А солнце тем временем скрылось за дальним ле-

сом, и на горные тропы легли густые длинные тени.

Салих поднялся. Пора домой. «На этот раз я все сделал так, что медведь обязательно попадет в капкан», — спокойно подумал Салих. Он неторопливо спускался по склону, колхозная кукуруза осталась справа, вечерний ветерок обдавал его кукурузной пылью и вкусным запахом зелени. Салих достиг опушки леса и свернул к ручью. Показалось село. И как раз в это время из леса послышался страшный крик. Кто-то звал на помощь.

— Спасите! Помогите!

Зачем-то выхватив из-за пояса топор, Салих побежал на крик.

Все в гору и в гору. Ох, сколько он еще сумеет так бежать?.. Колени подгибаются, сил больше нет.

Салих прислонился к скале и прислушался: крика он уже не уловил и удивился этому. И тогда его обожгла мысль: человек попал в капкан.

Салих снова побежал в гору.

— Помогите! — уже совсем близко и явственно услышал Салих. Он хотел ответить, но только беззвучно пошевелил губами. Теперь он уже различал не только стоны и крики, но и хриплое, тяжелое дыхание попавшего в беду человека. Вскоре Салих увидел узкую тропу, а на ней железную цепь, которой капкан был привязан к корням дуба. Там же валялась вязанка горного сена, перехваченная лыком молодого каштана. Должно быть, человек только что нес эту вязанку на своем плече. Немного ниже лежал седой мужчина. Салих сразу узнал его: «О господи! Это же Идрис!».

Но вместо того, чтобы бежать на помощь Идрису, Салих бросился ничком на землю и пальцами заткнул уши.

Что делать?

Перед таким выбором он еще никогда не стоял. Лучше бы не поднимался сюда. Лучше бы не видел этого своими глазами. Бросить его? Уйти? А что же другое ему остается делать? Как может он подать руку

помощи человеку, который так безжалостно изуродовал его тело и душу; лишил его счастья, отравил горечью всю его жизнь. Сейчас, когда судьба сама наказала Идриса, ты приди, подай ему руку, спаси его, а он потом и над твоим сыном надсмеется, а близкие отвернутся от тебя, скажут: «Трус!».

О нет! Не дожدهшься ты моей помощи, Идрис! Не дожدهшься!

Салих приподнялся и опять услышал стоны и хриплое дыхание Идриса. Как он мучается, как страдает. Хотя бы кто-нибудь кроме меня услышал его мольбу о помощи. Пусть спасут его, но только не моими руками. Пусть кто-нибудь выручит его, но только не я.

Зазвенела цепь, и в небо взметнулся протяжный, нечеловеческий вопль. Наверное Идрис еще пытался бороться с капканом, но лишь сделал себе хуже — стальные зубья только сильнее врезались в его тело.

— Помогите! — и звон цепи. — Помогите! — и звон цепи.

Какая-то неведомая сила внезапно подняла Салиха и понесла его вниз. Он бежал, не разбирая пути, зажав ладонями уши, только бы не слышать, как звенит цепь, как кричит этот человек. Только бы не слышать!

И все равно он слышал и этот крик, и этот холодный погребальный звон, словно Идрис, волоча за собой окровавленную цепь, преследовал его по пятам.

Салих хотел обернуться, но не смог. А почему у него руки пустые? Где топор? Бог с ним, с топором!

Вот и околица села. Во дворах мычат коровы, блеют овцы. Уже не слышно, как кричит Идрис. Салих на мгновение остановился, перевел дыхание. Как будто не узнавая, оглядел родное село. Дым очагов, как всегда, как обычно, струился в вечернее небо. Видимо, хозяйки уже готовили ужин. И жена Идриса тоже, наверное, склонившись над очагом, стряпает для мужа любимое блюдо.

Напрасно хлопчешь, ^{женщина,} он уже не придет к тебе, ^{твой Ид-}рис!

Вот, звеня медными ^{кувшинами,} ребяташки спешат к ближнему ручью за холодной водой. Среди них, наверное, и младший сын Идриса.

Напрасно ты спешишь к ручью, мальчик, отцу твоему уже не понадобится холодная вода!

Мог бы торжествовать Салих. Судьба сама отомстила за него оскорбителю. Но чувствует себя Салих так, словно не Идрис попался в страшную ловушку, а его, Салиха, собственное сердце, схвачено намертво стальным медвежьим капканом. Нет и не будет ему спасения. Не будет!

Кое-как добрался Салих до своего дома, свалился на тахту и горестно, безутешно заплакал.

5

Младшей, незамужней дочери Салиха не было в этот час дома. Она задержалась на ферме, там у нее много дел. Первым вернулся с работы Резо. Услышав плач Салиха, он испугался. Отец неподвижно лежал на тахте, закрыв свой единственный глаз, и слезы катились по его лицу.

— Отец, что с тобой?

Салих не ответил. Ему казалось, что он сейчас не у себя дома, а где-то далеко, на какой-то незнакомой горе, и рядом кто-то с силой бьет в огромный барабан. И Салих увидел, как в синем, очень далеком небесах разорванные куски облаков собрались вместе и начали танцевать в такт барабану. И небо тоже стало кружиться. Все быстрее и быстрее. На него больно, уже невозможно смотреть. Опустив голову, Салих посмотрел на землю и вдруг увидел перед собой огромное зеркало. Но что за чудо? Он видит в зеркале свое лицо и на нем два глаза — оба здоровы, зрячи.

Но, может, это обман? Салих зажмурился и, когда снова открыл

глаза, то перед ним распахнулось какое-то широкое окно, и там, на дворе, высокие-высокие деревья потянулись друг к другу руками и закружились в хороводе. Только одно дерево не танцует — кленовое дерево, и с его опущенных ветвей, как капли крови, падают на землю красные листья. А внизу, под кленом, сидит Резо и смеясь смотрит на отца. «Что ты смеешься, сын? Беги! Спаси Идриса... человек попал в медвежий капкан. Помоги ему, Резо! Беги!».

...Вслушиваясь в путаный, невнятный бред отца, Резо все понял.

— Я бегу, отец!

По дороге к Резо присоединились и другие колхозники. Но он первый подбежал к уже потерявшему сознание Идрису.

6

— Ты спас моего дядю.

— Почему я? Нас много было.

— Не говори так! Я знаю, ты спас дядю, Резо, шени чириме¹.

Резо взволнован не менее, чем Зекия.

— Что мне делать? Если отец выживет, то он теперь согласится на все, и мы, наконец, будем вместе, Зекия. Но ему очень плохо.

— Будь я с тобой, то помогла бы ему. Твоя сестра замучилась, бедняжка. И дом на ней, и хозяйство, и ферма.

— Шени чириме, Зекия.

Они сидят рядом — Резо и Зекия, но парень даже не притрагивается к девушке. Он хочет, чтобы она стала его женой, но отец...

— Что мне делать, Зекия?

Руки Резо смелее, чем он сам. Рука парня сама тянется к руке девушки, его нетерпеливые пальцы сплетаются с ее холодными, дрогнувшими пальцами, ладонь тесно прижимается к ладони.

На горы уже опустилась ночь. Очень темно, но внизу в ущелье тускло поблескивает в извилинах

¹ Шени чириме — ласковое обращение (груз.).

берегах неугомонная Аджарис-икали. В траве заводят свою вечернюю песню цикады. Где-то кричит заблудившийся в кустах теленок, зовет мать, и кажется, будто он молит ее: «Спаси меня!». Может, цикада тоже не поет, а зовет друга: «Спаси меня!». Из лесу слышится таинственная переключка птиц.

Ночью как-то ближе, чем обычно, чувствуешь вселенную. К безграничности земли прибавляется безграничность неба. Ты видишь землю и далекие звезды небесные и когда подумаешь о том, что это только крохотная частица вселенной, то проникаешься невольной робостью перед бесконечностью мироздания. Но когда ветерок, пошевелив листву, коснется твоего лица, ты чувствуешь, что это дыхание твоей родной земли — понятное, близкое, теплое. Нет, это даже не дыхание земли — это ее голос, ее нежный материнский шепот.

Каким маленьким ты казался себе, когда думал о бесконечности, ты терялся в ней, а сейчас такая огромная земля что-то шепчет тебе, о чем-то просит тебя, умоляет тебя о чем-то, тебя, слабого, маленького человека. Может и она говорит: «Спаси, помоги, спаси меня!».

Руки Резо переместились на плечи девушки, потом встретились и, помедлив немного, сомкнулись в теплое кольцо. Зекия молча прижалась к Резо. И вдруг ночную тишину разорвал чей-то крик. Кричала женщина. Резко, пронзительно.

— Это у нас, в нашем доме кричат, — сказал Резо. — Иди к себе, Зекия. Моего отца уже, наверное, нет в живых. Иди.

Но девушка побежала вслед за Резо, будто не слышала его слов.

У дверей родного дома Резо встретила сестра, она, плача, пропустила его в комнату. На тахте, лицом вверх, лежал Салих. Резо показалось, что он просто спит. Но единственный его глаз был открыт, и сын, заглянув в него, понял: надежды больше нет. Застывший, неподвижный зрачок уже ничего не

выражал: ни любви, ни ненависти, ни боли.

* * *

После смерти Салиха медведь почему-то больше не появлялся на курузнике. Бригадир и Резо перетащили капкан к реке и смыли с него черные пятна запекшейся кро-

ви. Потом капкан привезли в село и бросили в сарай, где неизвестно почему хранился всякий ненужный хлам.

— Теперь иди домой, — улыбаясь, сказал бригадир. — Зекия тебя, наверное, ждет не дождется.

С того вечера, как Зекия вместе с Резо пришла в его дом, она из него уже больше не уходила.

Георгий Качахидзе

П Р И Р О Д А

Перевод с грузинского И. Снеговой

Я пою, и стучит твое сердце во мне,
И вливается голос мой в шум твой и гром,
Я твой сын, о природа, как искра в огне,
Я пчела в необъятнейшем улье твоём.

Ты мне крылья дала, устремила в полет,
Мысль дала мне, и слово, и тягу к добру,
О спасибо тебе, что мой голос зовет,
Что я строю дворцы, а не рою нору.

Если б веткам в твоём бесконечном саду
Жизнь моя лучик света прибавить могла,
Я бы крикнул: спасибо, что к свету иду,
Что земля
Человеком
Меня родила!

А К А Ц И Я

Живем с тобою мы
На улице одной,
Похожа наша явь,
И схожи наши сны,
Глядит окно в окно,
Мой дом глядит на твой,
То плача под дождем,
То искрясь в день весны.

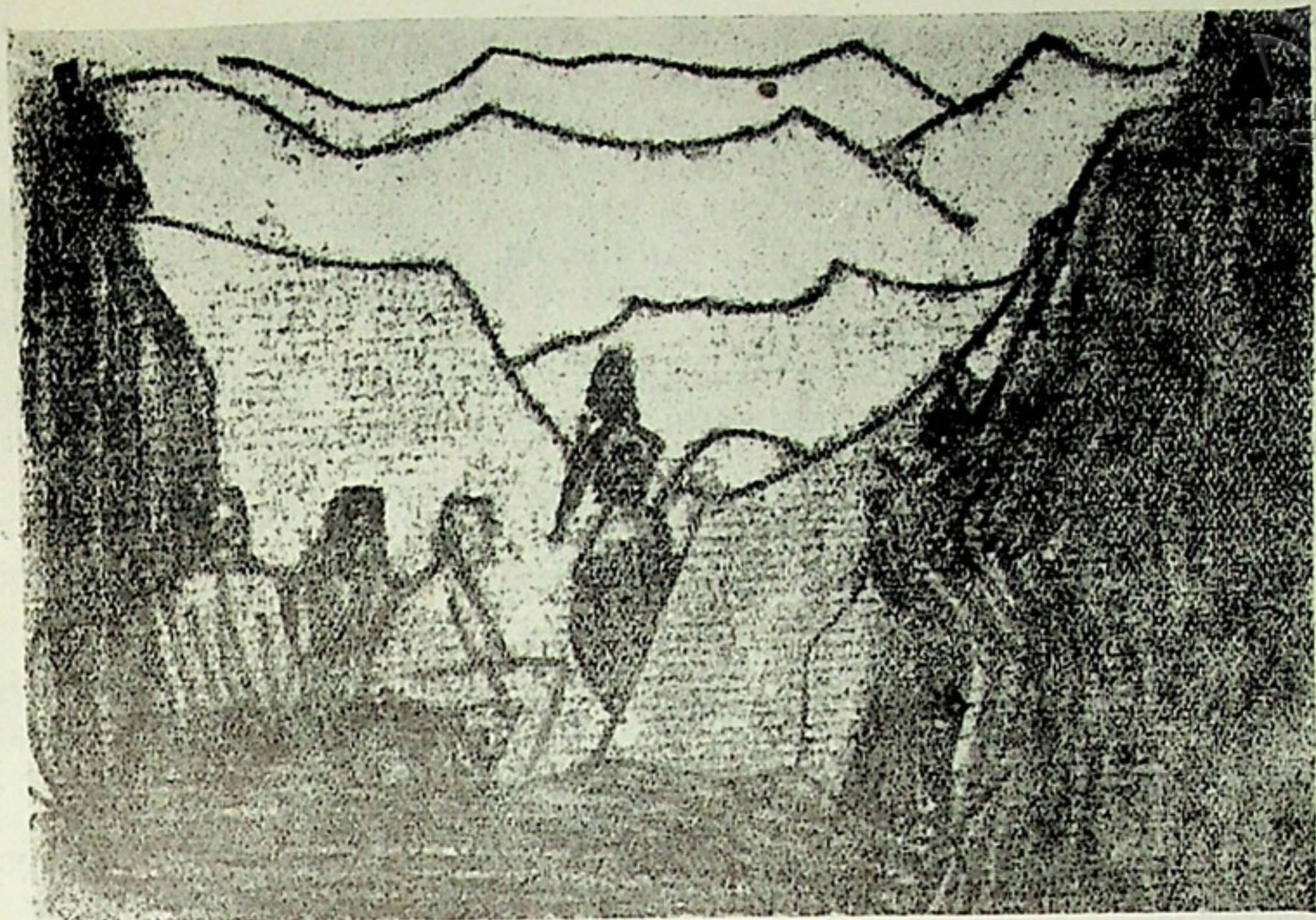
И часто на тебя
Глядел я сквозь стекло
И в мыслях воздвигал
Для нас с тобой дворец,
И в комнате моей
Вдруг делалось тепло,
И шла ко мне весна,
Неся зиме конец.

И май открыл окно
В лазурных дней разлив,
Все расцвело вокруг,
Все поднялось вокруг,
И сплошь окно твоё
Листою заслонив,
Акация рывком
Метнулась к солнцу вдруг.

И комната твоя
Мне больше не видна...
Акация шумит
Близ окон целый день,
Не зная ни о чём...
А ведала б она,
Сама бы отошла,
Подвинулась, как тень.

Не знаю, как к весне
Ты убрала жильё,
Тебе не застыт свет
Акации листы?
Я всё б до одного
Их оборвал с неё,
Но... не могу —
Она прекрасна, словно ты!

Михаил Лохвицкий

Дарьяльское ущелье

РАССКАЗ

Рис. Э. Мосева

Шоссейная дорога, вырубленная в гранитной стене, вьется над бурлящей рекой. Огромные, обточенные водой камни и остроконечные скалы, упавшие с гор, похожи на материал, заготовленный для гигантского строительства. Кажется, вот-вот перешагнут через гору великаны-каменщики, нагнутся над валунами, примутся обтесывать их, и удары молотков громом пронесутся над ледниками...

Мы идем по шоссе с рюкзаками за спиной, в широкополых, валяных из тонкой белой шерсти шляпах.

Навстречу или обгоняя нас несутся машины: рейсовые автобусы, грузовики, «Победы», «Москвичи», «Волги». Перед поворотом машины сигналият — узкое ущелье отзывается разноголосым эхом.

Нас семеро: впереди идет Галина Толмачева — маленькая девушка в синем свитере с белыми цветами на невысокой груди, в синих шароварах и широченной шляпе. Из-под шляпы блестят карие глаза и белые зубки. Рядом с ней легко шагает художник Виталий Мешков — высокий широкоплечий мужчина. Ветер играет его выющимися, выгоревшими от солнца волосами. Лицо у него красивое, загорелое, будто отлитое каслинскими мастерами из бронзы. За ними плетется, перекинув через плечо рюкзак Галины, худой нескладный парень в очках — ростовский

учитель Виктор Ус, или, как его прозвали, «Дон-Кихот». Передо мной широким шагом солдата идет инженер сталинградского стройуправления Коля Зимин, бывший фронтовик, по прозвищу «Сапер». Мы с Митой Натрошвили, моим другом и товарищем по работе, оператором прокатного стана в Рустави, плетемся в хвосте. Мы составляем ядро группы — это нам пришла в голову мысль пройти по Военно-Грузинской дороге пешком от Тбилиси до Орджоникидзе и провести дней десять где-нибудь в Дарьяльском ущелье.

Еще с нами идет Сережка Аверьянов — курносый парнишка с конопатинками на щеках и с огромными, широко раскрытыми голубыми глазами.

— Где у-упер такие глаза? — спросил, чуть заикаясь, Мито, когда мы на турбазе в Тбилиси познакомились с Сережкой.

— Г-гы... — ответил парнишка. — Возьмите меня с собой!

— Попробуй н-не взять, — развел руками Мито.

Сережку окрестили «Малышом». Мы знаем о нем, что он воспитывался в детдоме, работает на заводе и увлекается химией. В рюкзаке у него лежит коробка светящейся в темноте краски — подарок какого-то известного химика, в лаборатории у которого побывал Сережка.

Малыш то носится от нас к Гае и художнику, то отстает, собирая какие-то камешки, — вдруг это ценный минерал, — то убегает вперед — на разведку.

Подходим к ручью, размывшему дорогу. Галя, обернувшись, кричит:

— Сапер, наведите мост!

— Сейчас, — серьезно отвечает Зимин, прибавляет шаг, подходит к девушке, берет ее на руки и переходит ручей вброд, разбрызгивая воду своими большими, солдатскими сапогами. Галя хохочет и плутовски смотрит на нас.

Дон-Кихот протирает стекла очков. Лицо его, как у всех близоруких людей, снявших очки, делается добрым и беспомощным.

Мито что-то бормочет по-грузински — некоторая свобода в нашем обращении с девушкой коробит его, воспитанного в строгих правилах грузинской деревни.

Виталий смеется, но в золотистых глазах его загорается огонек. Я тоже деланно улыбаюсь.

Малыш машет нам, стоя под слоновой тушей скалы, нависшей над дорогой.

Впереди цокает копытцами по асфальту ослик. Рядом идет старик-осетин.

— Дон-Кихот, я вижу вашего коня, — говорит Галя.

— Это Санчо ездил на ишаке, а не Дон-Кихот, — в том же тоне отвечает Виктор.

— Вы правы. — Галя побежала за стариком, поговорила с ним и взобралась на ослика.

Старик улыбался, глядя на веселую девушку, и мы тоже смеялись.

Ночевали мы в стороне от дороги, в каком-то ущелье, подле ручья.

Разожгли костер. Мито нанизал на прутики мясо — получился отличный шашлык. Запили его чаем и, завернувшись в одеяла, уселись у огня.

Сухой валежник потрескивал, невероятной величины звезды заглядывали в ущелье. Временами где-то высоко скатывался с кручи камешек, за ним другой, третий — лавина камней с грохотом летела вниз, и снова наступала прозрачная тишина.

— Скажите, а война будет? — спросила задумчиво Галя.

Ей никто не ответил. Слышно было, как вдали ворчит Терек, ка-
тивший по каменистому руслу тяжелые валуны. Глухая воркотня реки
еще сильнее оттеняла ночную тишь.

По небу, прочеркнув глубокую синеву, пронеслась блестящая
искорка.

— Может, с-спутник? — спросил Мито.

— Нет, — покачал головой Дон-Кихот, — я видел спутник, он не
такой. Это метеорит.

— Эх, если бы полететь туда, а? — сказал Малыш, показав рукой
на звезды.

— Что ж, и полетишь, — равнодушно проговорил Сапер.

— А вам не хочется? — удивилась Галя.

— У меня еще на земле не закончены дела, — с усмешкой отве-
тил он, — мне еще много домов надо построить, да и вообще... буду-
щее...

— Что будущее? — вмешался Виталий. — Для меня будущее в ту-
мане. Или просветлеет, или два мира, два лагеря — мы и они —
столкнутся. Упадет бомба — все равно какая, водородная или атомная,
за ней еще с десяток — и горсточка людей, которая уцелеет, начнет че-
ловеческую историю заново. А может, и не останется никого...

Сапер приподнялся и тяжелым взглядом уперся в художника.

— А тебе после таких мыслей жить хочется?

— Еще как! — Виталий протянул к огню большие сильные руки. —
Еще больше хочется жить. Хочется все успеть, все попробовать, а
там!.. — он махнул рукой и рассмеялся.

Галя нагнулась, чтобы получше разглядеть его лицо.

Мито лежал рядом со мной и похрапывал. Сапер отвернулся от
художника. Молчание нарушил Малыш:

— Знаете, я шел сегодня по шоссейке и думал: места здесь, как
в сказке, а вдоль дороги шиты стоят — «Пейте грузинский чай», «Води-
тель, неправильный обгон ведет к авариям» — скучные такие плакаты.
А я бы надписи, знаете, какие сделал? Ну, что-нибудь вроде: «Человек—
это звучит гордо» или «Да здравствует счастье!». Правда, было бы хо-
рошо?

— Эх ты, святая простота, — снова засмеялся Виталий, — такие
надписи при коммунизме будут делать, если... если к тому времени люди
не перестанут бродить здесь.

— А почему они перестанут бродить по горам? — удивился Малыш.

— На вертолетах и ракетах летать будут, пешком никто не станет
ходить, — снисходительно пояснил Виталий.

— Вы художник, человек искусства, — сердито заявил Дон-Кихот, —
а рассуждаете как-то...

— Искусство, — скривил губы Виталий. — Скоро оно никому не бу-
дет нужно. Оно уже никому не нужно. Настал век техники.

— Значит, по-вашему, в будущем нет места искусству? — спросил
я. — Зачем же вы тогда занимаетесь живописью?

— Я — последний из могикан.

— А по-моему, — нерешительно вмешался Малыш, — все, что кра-
сиво, будет всегда. И стихи, и музыка...

Он посмотрел на Галю.

Она промолчала.

* * *

Через несколько дней мы обосновались под крутой горой, километ-
рах в пяти от селения Казбеги. Неподалеку от лагеря шумела узкая
змейка водопада с холодной снеговой водой.

Носы у нас пооблупились, легкие постепенно очищались от городской пыли, настроение у всех было отличное. Мы веселились вовсю и табуном бегали за Галей.

— Пять мальчишек — одна я, — прищурившись, сказал Виталий, глядя, как Мито помогает девушке перебраться через расселину.

Замечание больше всех задело Сапера.

— Почему пять, а не шесть?

— Я вне этого, — усмехнулся художник, — из-за сопливой девчонки...

— Ну-ну, потише, — остановил его Дон-Кихот и смягчил свои слова шуткой: — Ты не должен так говорить, у нас ведь культ женской личности. Она одна, нас...

— Дураков много, — как ни в чем не бывало закончил Виталий и остановился, опустив на камень этюдник. — Я останусь здесь, видик этот хочу изобразить.

— Я ему когда-нибудь дам в морду, — заявил Дон-Кихот, когда мы отошли от художника. — Самодовольный тип, на всех смотрит свысока.

— Ну, ему не очень-то дашь, он нас всех расшвыряет, как щенят, кулаки у него... И, кроме того, он прав — мы в самом деле ведем себя, как мальчишки, — раздраженно возразил я.

Дон-Кихот с недоумением покосился на меня. Он не знал, что девушка, которую я любил, два месяца тому назад вышла замуж. Я ни в чем ее не винил, она всегда относилась ко мне так же, как теперь Галя ко всем нам: ласково — девушки всегда ласковы к парням, которые к ним равнодушны, — и безразлично.

Виталий вернулся в лагерь, не дождавсь нас. Рядом с палитрой стоял раскрытый этюдник. На небольшом куске холста сверкал под лучами солнца Казбек — суровый, величественный и спокойный. Резкие очертания красноватых скал на переднем плане подчеркивали отрешенность и оторванность от мира одинокой снежной вершины.

Мы невольно примолкли, остановившись у этюдника.

— Как хорошо, — тихо сказала Галя.

— Е-если бы вот здесь, — показал Мито рукой, — стоял чабан, шли овцы, было бы, по-моему, лучше.

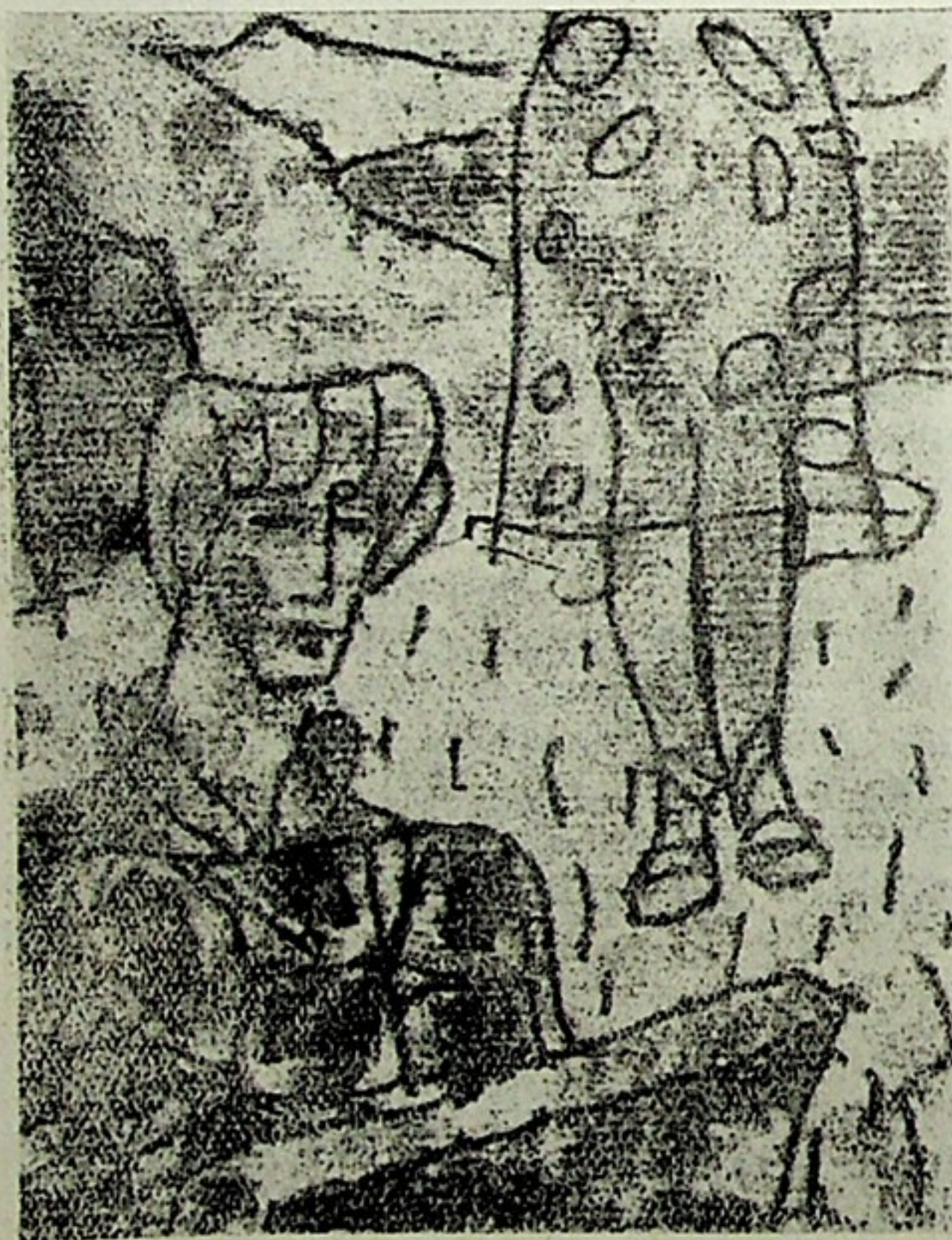
— Чудак, — возразил Сапер. — Так ведь ни чабана, ни овец там не было. Зачем же ему их добавлять? Он нарисовал, что видел.

— Именно, — заявил Дон-Кихот. — Он нарисовал так, как он видит.

— А мне очень нравится, — повторила Галя.

— И мне тоже очень-очень нравится! — поспешно подхватил Малыш.

Полог палатки зашевелился — показалось веселое лицо Виталия. Галя и Малыш остались стоять у этюдника, а мы разошлись. Я еще

оглянулся на картину — несмотря на мое искреннее восхищение талантом художника, в глубине души я был согласен с замечанием Мито.

Когда мы принялись готовить обед, к костру подошел Малыш. Голубые глаза его лучились.

— Виталий будет рисовать портрет Гали, — радостно сообщил он.

— М-м... — промычал Дон-Кихот.

На другой день утром Виталий с Галей, переодевшейся в платье, отошли в сторону от лагеря. Девушка села на обломок скалы. Художник походил вокруг нее, подумал, и, оглянувшись, крикнул:

— Малыш!

Сережка бросился к ним, остановился подле Виталия, выслушал его и полез по склону горы. Мы сидели рядком, издали смотрели на Галю и молчали.

Малыш вернулся с охапкой цветов. Виталий бросил цветы на колени девушке. Он долго стоял, прищурившись, потом присел и начал быстро водить по холсту угольком. Малыш стоял рядом с художником.

— Пошли, что ли? — угрюмо спросил Дон-Кихот. Мы вчера договорились подняться к отрогу ледника.

— Идем! — Мито вскочил. — Малыш, идешь с нами?

— Не-ет.

Проходя мимо художника, мы слышали, как он, вглядываясь в лицо Гали, говорил:

— Ты «Девушку, освещенную солнцем» Серова видала, Галочка? Ты у меня получишься лучше. В тебе будет вся жаркость юга...

— Жаркость, — проворчал Сапер. — Слово-то какое...

С того дня наша дружная компания распалась — мы бродили в горах одни, без Гали, художника и Малыша. Вечером, правда, все вместе сидели у костра. Но прежней непринужденности уже не было. Галя смотрела на Виталия покорными, потерявшими блеск глазами. А Малыш не отрывал взгляда от нее.

Однажды, когда их не было, Мито сказал:

— Ребята, надо поговорить с ней.

— Да, обязательно! — воскликнул Дон-Кихот.

Сапер пожал плечами:

— Какое право мы имеем вмешиваться? Может быть, в нем ее счастье. А если бы на месте Виталия оказался кто-нибудь из нас?.. Мы и так глупо ведем себя.

Несмотря на слова Сапера, наша неприязнь к Виталию прорвалась. Он ушел за чем-то в селение Казбеги, и Дон-Кихот очень резко проехался по его адресу — так, чтобы слышала Галя.

Она вскочила на ноги. Глаза ее наполнились слезами, но голос зазвенел от негодования:

— Какие вы все нехорошие! Вы завидуете ему, потому что он красивый, сильный, умный! Вы боитесь его! Он лучше всех, слышите, всех! Что вы знаете о нем плохого, что, скажите?

Дон-Кихот растерянно снял очки и принялся протирать стекла носовым платком. Никто из нас ничего не ответил. Галя отошла, бросив на всех холодный, отчужденный взгляд.

Когда художник вернулся, девушка села рядом с ним. Он изумился немного, потом с торжествующей улыбкой посмотрел на нас.

— Я пойду рыбу ловить, — буркнул Мито и ушел к Тереку.

— Я тоже с тобой, — сказал Дон-Кихот.

Сапер молча последовал за ними. Я остался. Растянувшись на спине, я смотрел в небо, казавшееся голубым озером, замкнутым скалистыми берегами — горами, и слушал голос водопада.

Кто-то прошел мимо. Я поднял голову: художник с Галей шли по тропинке. Малыш медленно шагал за ними. Мне захотелось остановить его, но почему-то я сдержался.

Через полчаса Малыш вернулся сумрачный, буквально почерневший, забрался в палатку — он спал в одной палатке с Виталием — и опустил полог. Я окликнул его. Но он не ответил.

Я долго валялся под солнцем. Проголодавшись, разогрел на костре банку говяжьей тушенки. Малыш есть не захотел, и я съел тушенку в одиночестве.

Вернулись Сапер, Дон-Кихот и Мито, а Гали и художника все не было.

Посоветовавшись, мы вытащили Малыша из палатки, всячески старались развлечь его. Дон-Кихот попытался осторожно выведать у него, что случилось. Но Малыш скорбно ответил:

— Так... Ничего.

Дон-Кихот, повинувшись нашим негодующим взглядам, оставил его в покое.

Они вернулись под вечер.

Проходя мимо нас, Галя опустила глаза и тотчас забралась в палатку. Художник подсел к костру, обвел всех взглядом, усмехнулся и тоже ушел спать.

На другой день утром он сунул за пазуху альбом и полез вверх по гребню горы, почти отвесно сползавшей к лагерю.

Галя с тревогой следила за тем, как Виталий медленно лез по круче. Вдруг она вскрикнула. Я поискал его глазами и нашел на каменной стене. Он, видимо, сорвался, съехал по откосу и повис, держась за еле заметный выступ скалы.

Мы оцепенели — достаточно ему разжать руки, и он рухнет вниз на острые гранитные обломки.

— Помогите, помогите ему, — шептала Галя, ломая руки и бросаясь то ко мне, то к Саперу.

Бледный, как полотно, Дон-Кихот зачем-то стянул с головы шляпу. Галя остановившись взглядом посмотрела на него, опустилась на землю и закрыла лицо руками. Я продолжал следить за Виталием, он делал отчаянные попытки спастись. Левее и чуть ниже его ног чернел выступ — нельзя было понять снизу, широкий ли он. Художник стал раскачиваться, ноги его, как маятник, двигались влево и вправо. Я не заметил, когда он отпустил руки. Мгновение — и он уже висел на нижнем выступе. Потом подтянулся, взобрался на него и сел, спиной к стене, лицом к нам. Он был дьявольски хладнокровен и ловок, черт его побери!

Мы побежали к подножию горы, остановились среди валунов и глядели вверх, на Виталия. Он сидел неподвижно, видимо, отдыхал. Передохнув, повернулся и осторожно сполз с выступа, пробуя рукой камни и цепко, словно кошка, хватаясь за них.

Когда Галя подбежала к подножию горы, ноги Виталия уже показались над нашими головами.

— Ловите! — крикнул он.

Мы подхватили его.

Виталий был немного бледен, но улыбался. Галя обхватила ладонями его голову и стала целовать.

Мы отвернулись.

— Молодец! — первым сказал Сапер. — Молодец, браток! — Он стиснул руку художника.

— Я в-в тебе ошибался, — признался Мито. — Ты настоящий...

— В жизни не видел ничего подобного, даже в цирке, — восторгался Дон-Кихот. — Думал, тебе конец, не спасешься.

Я тоже крепко пожал Виталию руку. Только Малыш не подошел к нему.

К палатке вернулись прежними хорошими товарищами. Даже лучшими, чем прежде.

Решили дать в честь Виталия праздничный обед. Дон-Кихот с Мито сходили в Казбеги и принесли несколько бутылок кахетинского. Мы выпили вино за здоровье Виталия, Гали и за всех нас.

После обеда легли отдыхать, все вместе, вповалку, на разостланных на земле одеялах. Малыш лежал рядом со мной. Я заметил его грустный и нежный взгляд — он смотрел на Галю, которая гладила курчавую голову Виталия.

— Главное для человека, — рассуждал художник, — быть закаленным, иметь крепкие нервы, стальные мускулы, уметь боксировать, плавать, грести, ездить верхом, на мотоцикле, водить автомашину... Я все это умею. — Он по-хозяйски положил руку на плечо девушки.

— Вот так-то, Галочка... А все эти разговоры о смелости и воспитании духа, о том, что человек, слабый физически, может совершить невозможное — чепуха, выдумки писателей.

— Не согласен, — сказал Сапер. — Важнее именно сила духа. Крепкий физически солдат иногда оказывался трусом, а какой-нибудь слабый юнец отдавал жизнь, спасая товарища.

— И что толку? — Виталий пожал плечами. — Оба, значит, погибли? Если уж идешь вытаскивать кого-то с поля боя, надо быть уверенным, что вернешься.

Мы, понятно, не могли не спорить с Виталием. И на этот раз завязался общий спор. В нем не принимали участия только Галя и Малыш.

— Я признаю разумный риск, риск рассчитанный, — утверждал художник.

— Почему же ты п-полез на ту кручу? — спросил Мито. — Ты ведь чуть не п-погиб.

— Я забрался туда потому, что мне это было нужно. Я создаю серию картин о горах — о величественных, мощных и гордых вершинах. Если бы не вид, который открывается оттуда, черта с два я бы полез ломать себе шею!

— А людей ты не рисуешь? — спросил Дон-Кихот.

— Почему нет, иногда пишу. Вот Галю ведь написал.

— Мы так и не видели ее п-портрета, — вспомнил Мито, — покажи нам.

— Пожалуйста, — Виталий направился к палатке.

Художник принес холст, растянутый на подрамнике, и поставил его

на камне. Мы стали разглядывать портрет. На обломке скалы сидела смуглая девушка. В плавном повороте тонкого тела, обтянутого светлым платьем, в ленивом и томном движении руки, перебиравшей яркие фиолетовые цветы, в неясной улыбке, таившейся в уголках губ, и в полуопущенных веках — во всем было что-то чужое. Такую Галю, зовущую к себе и порочную, я не знал. Даже маленькую спокойную грудь девушки художник подчеркнул тенями и разделил на два упругих небольших конуса. Не знаю, как восприняли портрет другие, но мне кровь бросилась в голову. Виталий надсмеялся над всеми нами и больше всего над Галей. Неужели она этого не понимает?

— Как живая! — одобрил Сапер. — Сразу чувствуешь, что солнце палит и Гале жарко. Даже капельки пота на лбу блестят.

Ага, он тоже что-то по-своему уловил!

Дон-Кихот и Мито молчали. Неожиданно высказал свое мнение Малыш.

— Совсем не похожа. Она не такая! — сердито сказал он.

Галя, наверное, уже видела свой портрет. Она посмотрела на Малыша и задумалась.

Художник унес холст, почему-то усмехаясь.

— Я буду спать на воздухе, возле костра, — сказал мне Мито. — В палатке душно.

— Хочешь перейти ко мне? — спросил я Малыша.

— Хочу.

Он тут же перенес свой рюкзак в мою палатку.

Ночью я отчего-то проснулся. Малыша рядом не было. Встревожившись, я выбрался из палатки, растолкал Мито. Но он тоже не знал, куда делся Малыш. Мы с Мито прошли до водопада и вернулись, решили обождать часок.

Мито снова лег, а я, завернувшись в одеяло, уселся у костра. Было холодно, одеяло согрело меня — я задремал сидя. Услышав шаги, очнулся. Над горами уже брезжил рассвет.

— Куда ты ходил?

Малыш смущенно смотрел на меня.

— Гулял, не спалось...

— Нечего шляться по ночам! Иди спать.

— А?.. Что? — проснулся Мито.

— Ничего, вернулся он.

— А-а, хорошо. — Мито снова заснул.

Утром я заметил, что руки у Малыша были расцарапаны. Все мои попытки выяснить, куда он ходил ночью, остались безрезультатными.

После завтрака Малыш объявил мне, что уезжает.

— Куда? — удивился я.

— Обрато. В Тбилиси. Я должен, я обязательно должен сегодня уехать, — опустив голову, очень твердо сказал он.

Что-то подсказало мне, что его не стоит уговаривать.

— Ну, как знаешь, тебе видней.

— Как, уезжаешь? — воскликнул Дон-Кихот, услышав, что Малыш прощается с Мито.

— Да.

— Случилось что-нибудь за ночь, браток? — спросил Сапер.

— Н-нет. Я должен ехать, — снова повторил Малыш.

— Мы п-проводим тебя, п-посадим в автобус, — предложил Мито.

— Нет, не надо.

Малыш оглянулся.

— Галя с Виталием ушли к Тереку, — сказал Дон-Кихот.

— Проводи немножко, — попросил меня Малыш. Я кивнул головой.

Он пожал всем руки и надел рюкзак.

Когда мы с ним дошли до шоссе, он остановился.

— До свиданья. Я хотел... — Малыш замялся, посмотрел мне в лицо своими ясными голубыми глазами и сказал: — Не обижайте ее, ладно? Она хорошая... Прощай.

— Передать Гале привет? — невольно вырвалось у меня.

— Нет.

Я стоял у дороги и глядел, как Малыш шагал по шоссе — маленькая, щуплая фигурка, наполовину скрытая большим рюкзаком. У поворота он обернулся, махнул мне рукой и скрылся за горой...

— Даже не попрощался, — обиженно протянула Галя, узнав, что Малыш покинул нас. Виталий стал насвистывать свою любимую песенку.

— Да перестань ты! — обозлился Сапер. — Терпеть не могу, когда свистят.

— Извини, я не заметил, что ты не в духе, — спокойно произнес художник.

Вечером мы, как всегда, сидели у огня.

Костер угас, шум автомашин с шоссе доносился все реже и реже. Лишь изредка далеко за скалами возникало сияние, слышалось надрывное гудение мотора, и снова становилось тихо. Отблеск автомобильных фар таял. Только водопад звенел, падая с высоты.

— Ах! — вскрикнула Галя, вскочила и стала показывать пальцем куда-то вверх. Мы тоже невольно вскочили.

На темной громаде горы, той самой, с которой чуть не упал художник, таинственным синим светом горели небольшие, но ясно различимые буквы: «Слава любви!».

— У меня мороз п-по коже п-пробежал, — говорил мне потом Мито.

Мы были настолько ошеломлены, что долго простояли молча, охваченные суеверным ужасом.

Я пришел в себя первым — я вспомнил, как Малыш рассказывал, что у него в рюкзаке хранится светящаяся в темноте краска — недавнее изобретение наших химиков, вспомнил его исчезновение ночью и израненные пальцы. Очевидно, он взобрался наверх по отвесной стене и сделал на скалах надпись светящейся краской.

Синие буквы переливались на горе, как последний привет Гале от Малыша.

Я еще немного подождал, а потом рассказал все, что знал.

Художник презрительно фыркнул:

— Дурак! Мог пропасть ни за копейку.

Все другие молчали.

Галя посмотрела на Виталия. Костер снова вспыхнул. Отблески огня двигались по ее лицу, застывшему в какой-то тревоге, в глазах загорались и угасали алые точки.

Мы еще долго не могли заснуть — трудно было оторваться от этих двух огненных слов, светящихся в ночной тьме: «Слава любви!».

На другой день что-то произошло между Галей и художником.

Они шли к Тереку, остановились у валуна, и я увидел, что Виталий пытается обнять ее, а она отстраняет его рукой и что-то говорит. Тогда он рассмеялся и стал быстро подниматься по пологому склону. Он не оглядывался. По-моему, он был уверен, что Галя побежит за ним.

Она смотрела ему вслед. Но художник исчез за скалами. Она направилась к лагерю, подошла к костру и села между Сапером и Дон-Кихотом, уронившим от радости свои очки.

Виталия не было весь день. Он возвратился, когда из ущелья стали вылезать клочья тумана, и, остановившись поодаль, позвал Галю. Она

медленно, словно против воли, встала и подошла к нему. Мы поняли, что он спрашивал ее, потому что она отрицательно покачала головой...

А утром художника уже не было. Он ушел, не попрощавшись ни с кем, захватив с собой палатку, которую мы с Мито должны были сдать на турбазе после возвращения.

Мы провели в Дарьяльском ущелье еще три дня.

Каждый вечер мы садились у тлеющего костра и ждали, когда на скалах загорится сперва бледно-голубой, потом ярко-синий огонь надписи: «Слава любви!».

Мы невольно поглядывали на Галю. Она сидела, обняв руками колени, и смотрела на гору. Выражения лица ее в темноте нельзя было разглядеть, и никто не знал, о чем она думает.

Мы же вспоминали худенького мальчишку с конопатинками на лице и чистыми голубыми глазами, мальчишку, который, как ни странно, был самым мудрым из нас...

И ночами,
уже не подвластные богу,
околдованные шарманкой земной,
перезрелые звезды
упадают к порогу
и ночуют со мной,
и кочуют со мной.

Г О Р О Д

Он меня измучил
во сне и наяву,
и в будний гром, и в тишине,
город,
но не тот,
в котором я живу,
а который громоздится во мне.
Над которым,
как над его людьми,
сто сорок бурь пронеслось,
город тихого камня,
трудной любви
и коротких слез.
Он меня в колыбели своей качал,
и ложился щенком у ног.
Он — как женщина,
входящая по ночам
в комнату,
когда одинок.
И как голубая вода реки,
озаренная цепью огней,
над которой задумчивые рыбаки
упускают с руки
золотых своих окуней.
Он, как новые улицы,
что лежат
по дороге к моей судьбе,
и как Федоринин —
старший сержант,
обучивший меня стрельбе.
Я окопной воды свою норму испил,
губы свои пережег...
Я вдоволь настрелялся,
но мало любил,
а город меня бережет.
Он, как нянька за мною —
след в след,
пух расстиляет мне,
как будто я — единственный свет,
свет
у него
в окне.

Ростом Бежанишвили

Хроника одной деревни

Перевод с грузинского Ф. Твалтвадзе, М. Эсакия

Продолжение

Рис. З. Нижарадзе

2

Ни единой капли дождя не упало на землю в течение всего ноября. С начала же декабря густо повалил снег, и за каких-нибудь два-три дня пожелтевшие склоны гор, поля и луга покрылись белым покрывалом. Лишь одинокие лозы, как ружейные дула, местами торчали из-под снега.

Ударили морозы. Низкое зимнее солнце выглянет иной раз ненадолго, и снег засверкает под его лучами чудесными переливами, а ночью опять хватит мороз и проймет все вокруг.

В один из холодных зимних дней в кабинете главного агронома собрались работники совхоза. В печной трубе уныло завывала вьюга, окна в помещении запотели. Иногда из печи выплескивались длинные языки пламени, и тогда часть комнаты окрашивалась в трепетный желтый цвет. Анания молча смотрел в окно на крупные снежные хлопья, изредка оглядываясь на задумчивые лица собравшихся. Пламя, извиваясь, то затихало, то вспыхивало с новой силой. «А нельзя ли огнем сломить мороз?» — мелькнула в голове мысль.

Рука потянулась к камину.

— Вот! — указывая на пламя, тихо сказал Анания.

— Огонь? — спросил Сандро, сразу что-то сообразив.

Анания утвердительно кивнул головой.

В наступившей тишине слышалось только гудение огня.

— Разведем костры, согреем воздух под лозами и спасем наши виноградники, — прервал затянувшееся молчание Анания.

3

Все село: мужчины и женщины, стар и млад вышли на виноградные плантации.

— Жарко ему придется от наших горячих сердец! — шутил Анания, бодро шагая впереди всех.

Колхозники дружно расчистили от снега тропки между рядами, потом наметили места для разведения костров.

К вечеру над белыми просторами полей вспыхнуло более ста костров. Медленно разгорался огонь и обволакивал густым дымом виноградные лозы.

— Просто замечательно! — Анания размашисто шагал между кострами, как победитель.

И видно, таково свойство колеблющихся огненных языков — воскресли в памяти картины далекого прошлого.

Вспомнилось то утро, когда Анания сторожил свой виноградник, и вдруг откуда-то потянуло дымом, и возникли перед глазами зловещие черные клубы над виноградником Джамбара. В мгновение ока перемахнул через изгородь Анания, придя на помощь соседу. Сухой хворост, раскиданный между лозами, был охвачен красно-бурым пламенем. Очертя голову кинулся Анания тушить огонь.

А сегодня он сам, своими руками развел такой же огонь на огромной площади совхозных виноградников, чтобы сломить мороз и спасти от гибели нежные побеги.

Гудит, рычит на винограднике огромный желтогривый лев, прирученный людьми, окутывает и согревает сизым дымом, словно покрывалом, нежные, беспомощные виноградные лозы.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

1

Сидо прислонилась плечом к столбу навеса, скрестила на груди руки и с выражением явного нетерпения на лице выслушивала упреки Мелано:

— Всю свою жизнь я в ситцевых платьях ходила, а вам шелка подавай! Подумаешь, княгиня какая! Забыла, как мы взяли тебя в дом разутую, раздетую, одели с ног до головы, поили, кормили, а ты еще недовольна. Неблагодарная! На все село позоришь нас! Матушка, святая богородица, пошли свое проклятие на голову такой снохи, сотри с лица земли ее породу!

Сноха не оставалась в долгу:

— Только и слышишь от вас одни попреки да проклятия. «Я тебя вскормила, вспоила!..» А кто за какой-нибудь год спустил все мое приданное? Чего доброго, еще скажете, что и на свет вы меня породили.

— Упаси бог, только этого нехватало! — все более горячилась Мелано. — Хоть бы померк тот день, когда Степане ввел тебя в дом и назвал своей женой! Подумай, в какой дом ты вошла...

— В какой? — насмешливо переспросила Сидо. — Подумаешь, дворец! Если что в нем и осталось, то по моей милости. Люди не зря говорят, что только при Джамбаре под этой крышей достаток был.

— Люди языки точат, а ты веришь! А что они про нас могут знать? Ты у меня спроси. Если бы не мы — я да Степане — над головой

Джамбара крыша давно бы провалилась. Все нами создано здесь, вот этими руками.

Сидо в сердцах схватила метлу и принялась изо всех сил мести двор. На землю закапали слезы обиды, но она крепилась, боясь показать свекрови свою слабость. Подмела двор, потом пошла убирать свинарник и птичник, лишь бы не оставаться с Мелано.

— Никак не заставлю ни сына, ни отца дверь поправить, — ворчала она про себя, когда дверь свинарника, едва она ее тронула, с грохотом повалилась наземь.

С тех пор, как Джамбар умер, прошло двадцать с лишком лет. За это время налаживаемое им из года в год хозяйство пришло в упадок. Каменный дом разрушался, крыша протекала, черепица на ней поросла мхом.

Не раз Степане утверждал, что доберется до крыши и всю покроет новой черепицей, припасенной еще при жизни Джамбара. Но лишь только кончался дождь, он забывал и про крышу, и про черепицу.

Сырость, между тем, просачивалась в комнату, кусками осыпалась штукатурка, по стенам пошли трещины. Оконные рамы, сделанные руками Джамбара, покосились. Дневной свет едва проникал в комнаты, и в пасмурные дни приходилось зажигать лампу.

Не лучше выглядел и двор с обветшалыми постройками. Свиньи и куры слонялись без присмотра, всегда голодные. Мелано редко давала им корм.

В доме не чувствовалось хозяйской руки. Мелано была занята

только собой. Степане тоже не интересовался хозяйством, он заведовал складом, где хранились винные кувшины, купорос, сельскохозяйственный инвентарь. Сын его, Гуджа, при этом же складе работал шофером.

Частые попойки, которые Степане любил, как и его сын, прежде времени состарили его. Кожа на лице отливала мертвенно-серым оттенком, он заметно сутулился.

Сидо тоже не прочь была приложиться к рюмке. Поэтому, видимо, глаза ее светились всегда недобрым болезненным блеском, печальная улыбка не сходила с лица.

Не было в семье тепла и уюта.

Особенно озлобилась на жизнь Мелано. Ни одна из ее надежд не оправдалась. Единственный сын, которому она посвятила всю свою жизнь и от которого ждала заботы и внимания, был груб с ней. Меж-

ду ней и снохой не прекращались ссоры. А Гуджа только тогда и бывал ласков, когда собирался выманить у бабушки деньги. Однажды, проиграв в карты тысячу рублей, он явился к бабушке, но уже не с лаской, а с угрозой, — если она не уплатит его долга, то он обратится в милицию и сообщит о ее «темных» делах. Мелано безропотно уплатила деньги.

...Сидо, бормоча вполголоса проклятия, прибрала двор, потихоньку от свекрови насыпала курам корм, когда пришла в дом, чтобы замесить тесто, заметила, что Мелано в своей комнате озабоченно роется в ящиках комода. Она торопливо искала что-то, то и дело с опаской поглядывая на дверь.

Сидо сгорала от любопытства. От кого прячется свекровь, что она ищет?

Мелано просунула голову в дверь, окликнула бежавшего мимо двора мальчишку и послала его за Пелом.

Та не заставила себя долго ждать. Тотчас же явившись, она пылко, с увлечением стала выкладывать свежие сплетни.

— Слышала про дочь Гио? Из города притащилась к нам, агрономом определилась в совхоз. Анания так рад, так рад, что она к нам пожаловала! А того и не знает, что девку из города выгнали...

— Да неужто выгнали?! — удивилась Мелано.

— Выгнали! Как же иначе? Из города сам никто не возвращается. Кто едет туда учиться, там и остается, — тараторила Пело.

— Будет тебе болтать! — попыталась прервать ее Мелано.

— Верно говорю, — не унималась Пело. — Опустело наше село. Кто в люди вышел, тот так и норовит в город удрать. Поучился год-другой в городе, и уже обратно в село ехать не хочет. Теперь каждый мнит себя большим человеком, даже сын сторожа в профессора лезет!

— Потому и не отпустила я Степане, — с горечью проговорила Мелано. — Не вернулся бы он обратно в село.

— Ну и нет ничего в том хорошего, что не отпустила. Поучился бы там, человеком стал.

Мелано вскинулась, как потревоженная наседка:

— Что ты болтаешь, Пело! Степане и так парень, дай бог каждому.

— В складе сидеть день-деньской — немного ума надо.

Взволнованная Мелано метала на Пело сердитые взгляды, но ту не так легко было заставить замолчать.

— Вот я и говорю, милая, — продолжала Пело как ни в чем не бывало. — Все стремятся в город, а обратно никто уезжать не хочет. Наши сельчане не возвращаются к родному дому, что уж говорить о тамошних.

— Ну, не все нос задирают, многие и образованные, а в село ехать не отказываются, — вмешалась в разговор Сидо.

— Вот Нино, дочку Гио возьмите, — захихикала Пело. — Если бы она хорошо училась — ее из города не отпустили бы.

Мелано в знак согласия закивала головой. Пело хитро взглянула на нее и как бы мимоходом добавила:

— Для тебя ее приезд совсем некстати...

— А я-то при чем? — Глядя на Мелано со стороны, можно было предположить, что она и в самом деле не догадывается, что общего между нею и дочерью Гио.

— Гио-то не забыл ни о чем! — Пело уже не скрывала торжества и ехидства. — Он может этот дом назад потребовать... Закон-то ведь на его стороне.

Мелано медленно приподнялась. Ее большое тело, облаченное в темные одежды, грозно возвышалось над собеседницей.

— Сколько лет живу я в этом доме! Никто, слышишь, никто не сможет отнять его у меня. Тем более, какая-то девчонка, у которой молоко на губах не высохло.

Хитрая Пело почуяла, что если тотчас же не переменит тему разговора, грозы не миновать. Понимающе глянув на молчаливую Сидо, она затараторила:

— Девушка, говорят, толковая... Анания сказал давеча — хороший, мол, агроном будет в совхозе... Но у нас и свои глаза есть, сами посмотрим, что она за работник... Анания, старый хрыч, видать, себе на уме — метит Нино за своего сына замуж...

— Будет языком трепать, — прервала Мелано словоохотливую подругу. — Делом занимайся, давай шерсть прясть...

2

Старенькая трехтонка с грохотом и лязгом въехала во двор конторы совхоза и лихо остановилась возле склада. Шофер одним прыжком соскочил на землю и с такой силой захлопнул дверцу кабины, что затряслась вся машина.

— Здорово, братец, — обратился он к дремавшему в тени раскидистого ореха товарищу.

— Чего ты шумишь, как испорченный глушитель! — возмутился тот. — Не даст человеку поспать минутку.

— Не время спать, когда на свете такое творится.

Лежавший сладко потянулся и лениво приподнял голову.

— Что, Гуджа, снова в аварию угодил?

— Чудом спасся, — беззаботно сплюнул Гуджа. — Полчаса автоинспектора уговаривал, чтобы номер не записал.

Гуджа, сын Степане, походил на отца, как одна половинка разрезанного яблока походит на другую. На вид ему было чуть больше двадцати. Дорожные ветры беспорядочно спутали густую черную гриву волос. Тонкие усы блестели на смуглом лице, словно он только что смазал их постным маслом. Жилы на больших сильных руках вспухли, — видать, немало пришлось ему крутить баранку, прежде чем его трехтонка добралась сюда. Гуджа двигался легко и уверенно, маленькие черные глазки дерзко оглядывали все вокруг, словно выискивая, к чему бы придраться.

— Вставай, сонная королева, — снова напал Гуджа на своего товарища. — Выспишься после смерти, а теперь...

— Коньяк?! — с готовностью вскочил второй шофер, увидев в его руках бутылку.

— Пять звездочек! — Гуджа поднял бутылку против солнца, и желтый теплый блик задрожал на его лице. Он привычным ударом ладони выбил пробку.

Вскоре друзья сидели рядом под развесистым деревом. Среди шоферских припасов нашелся один граненый стакан на двоих, полбуханки хлеба, соль. Кола, товарищ и собутыльник Гуджа, обнаружил в кабине своей машины даже селедку. Сон уже окончательно слетел с Кола, он был необычайно деловит и серьезен. Разложив на развернутой газете все свои припасы, он налил коньяк в стакан. Несколько капель пролилось ему на руку. Кола растер их пальцами и, жадно раздувая ноздри,

с наслаждением понюхал. Поднял стакан, еще раз вдохнул воздух и начал:

— Этим стаканом я предлагаю выпить за наше шоферское братство...

— Пей, говорить потом будем, — прервал Гуджа.

...Скоро коньяк был выпит, небогатая закуска съедена. Кола с сожалением посмотрел на пустую бутылку, несколько раз покрутил ее в руке и с размаху ударил о ствол дерева. Гуджа, полулежа, с сосредоточенным видом дымил папиросой. Кола прилег рядом с ним и низким, заунывным голосом затянул:

Я не мерзну на морозе,
При тебе лишь холодею!
Ты меня теперь согреешь
Теплой ласкою твоею...

Гуджа от удовольствия жмурил глаза и подпевал вполголоса:

Каждый, кто тебя увидит,
Счастлив, словно он в раю.
О тебе, моя красотка,
Днем и ночью я пою...

Любил Гуджа послушать своего постоянного собутыльника: Кола знал множество песен и всегда с готовностью распевал их по первой же просьбе своих друзей.

— Хороший ты парень, Кола, — снисходительно похлопывая по плечу друга, говорил Гуджа. — Шофер ты неплохой, и главное — товарищу ни в чем не откажешь. Что самое важное на свете? Дружба и взаимная поддержка. Ты меня уважь, а потом и я тебя уважу...

— Постой, Гуджа! — прервал Кола его пьяные излияния. — Кто это идет — не директор наш?

Шоферы разом поднялись. Они поддерживали друг друга, чтобы не шататься. По двору усадьбы, оживленно переговариваясь, шли Саба и Нино.

Когда они зашли в контору, Кола с облегчением вздохнул и отер пот со лба:

— Пронесло! Саба уже два раза предупреждал меня: замечу, говорит, еще раз пьяным — выгоню!

— А ты испугался! — презрительно сплюнул Гуджа. Он старался всем своим видом показать, что ни во что не ставит любое начальство и его предупреждение. Но прежнее умиротворенное настроение уже исчезло, и Гуджа злился.

— Вот и посмотрели на нового агронома, — ухмыльнулся Кола. — А то все на селе говорят — такая она и такая, а видеть ее не пришлось. Хорошая девочка, а, Гуджа, что ты скажешь?

— Тебе, когда ты выпьешь, все красавицами кажутся!

Кола не скрывал удивления: он не мог догадаться, что могло послужить причиной столь резкого изменения настроения его друга.

— Нет, Нино и правда ничего, — настаивал он на своем. — Кстати, она тебе, кажется, даже родственницей доводится?

— Такие родственники мне не нужны! Ее отец вместо того, чтобы помочь моему отцу за домом и хозяйством смотреть, в город удрал. Никто даже не помнит, когда они из Вардиани уехали, десять поколений с тех пор сменило друг друга. А теперь эта красавица заявила на готовенькое и хочет дом у меня отнять. Не выйдет!

Кола снова взглянул на товарища: сколько лет знает он Гуджа,

но никогда не слышал, чтобы тот с такой заинтересованностью говорил о своем доме и хозяйстве. Первый раз в их разговор вошло что-то новое.

— Что-то не нравишься ты мне, Гуджа! — серьезно проговорил Кола. — Не думал я, что из-за этой девчонки можно так разволноваться. Ладно, забудем о ней! Дай-ка ты мне лучше немного бензина, а то я давеча в лужу попал, пока выбрался — весь бак опустошил.

— Иди и слей сколько угодно, — сердито пробормотал Гуджа. — С каких это пор ты стал разрешения спрашивать?

Кола, взяв канистру, скрылся за грузовиком. Гуджа остался один. Дверь склада была заложена железной щеколдой, на которой висел устрашающих размеров замок. Даже рассерженный Гуджа, глянув на этот огромный замок, не мог сдержать улыбки:

— Запоров-то на складе много, но известно, что крепость изнутри легче открывается. Эх, хитер мой отец, старый черт!

Гуджа присел на ступеньке и стал дожидаться отца. Степане появился в сопровождении Сандро, при виде которого Гуджа вскочил и с показной почтительностью поклонился.

— Как жизнь, Гуджа? — весело приветствовал его Сандро. — Как твой трехтонный тигр, бегаешь?

— Не беспокойтесь, товарищ Сандро, — беззаботно ответил шофер, — пока я за рулем...

Складчик громко жаловался:

— Вот этот купорос, посмотрите. Я просил — не присылайте с полевого склада, подмоченный он, говорю. А они все же прислали. Вот Гуджа спросите, он сам возил.

Гуджа, не столь искушенный, как его отец, во всякого рода мошенничествах и комбинациях, растерянно заморгал глазами, но Степане не дал ему и рта раскрыть:

— Молод он еще, неопытен, вот его и обманули.

Сандро заинтересовался, вопросительно глядел на шофера. Тот, сообразив, чего от него ждет отец, наконец произнес:

— Говорили мне, когда я ехал на склад к Алазани — не бери купорос оттуда, сырой он. А тамошний складчик уперся, или, говорит, этот бери, или совсем ничего не дам...

Воспрянувший духом Степане подхватил:

— Вот и пришлось мальчику везти негодный купорос. По квитанции выдали все сполна — три тонны сто килограммов. А сегодня взвесил я его, как подсох он, за голову схватился — сто кило как не бывало!

— Да, Степане, — покачал головой Сандро. — Высох купорос, уменьшился — простой закон физики.

— Не знаю, какой там закон физики, а по судебным законам с меня могут голову снять!..

Убежденный искренним тоном и пространными объяснениями Степане, Сандро, уходя, заметил:

— Надо будет составить акт.

Только этого и ждал старый мошенник. Довольно потирая руки, он выговаривал сыну:

— Ты успел уже глотнуть где-то. Еще дело не обстряпано, а ты уже обмывал его, что-ли? погоди, переберемся в город, там: кути сколько душе угодно. А здесь потерпи — слишком заметно, люди судачить начнут. В городе же... — Гуджа услышал в голосе отца мечтательные нотки. — Таким людям, как мы, не годится на одном месте долго.

задерживаться. Скоро отсюда снимемся — напишу заявление и выйду отсюда по собственному желанию!

Гуджа долго прислушивался к разглагольствованиям своего отца и наконец, не сдержавшись, высказал свою затаенную мечту:

— Вот тогда-то я себе мотоцикл куплю!

3

Нино снимала комнату у пожилой вдовы, которая давно уже тяготилась одиночеством и теперь была безмерно рада, найдя собеседницу. Она с удовольствием вызвалась готовить для Нино обед, следила за ней, как родная. Две женщины — молодая и старая — быстро подружились. Нино чувствовала себя, как в родной семье. И только изредка, пробегая по селу мимо старого дома своих родителей, она бросала грустный взгляд на высокий забор, наглухо отгородивший дом Степане от целого мира.

В селе многие чесали языки по поводу молодого агронома. Нино старалась не принимать близко к сердцу, когда до нее доходили все сплетни и выдумки, распространяемые кумушками на ее счет. Она знала, что подлинная цена человека определяется делами и трудом, и потому работала не покладая рук.

Хозяйка Нино и сама любила поговорить. Поэтому она всегда была в курсе последних вардианских новостей и сплетен. И вечером с возмущением сообщала Нино все, что касалось ее.

Уставшая от работы в поле девушка низко склонилась над миской с дымящимся супом. Дуса, ее хозяйка, сидит напротив нее и, сложив руки на груди, сочувственно поглядывает на Нино.

— Людям на рот платок не накинешь, милая, — начинает Дуса таким тоном, словно продолжает давно начатый разговор. — Говорят кому что вздумается.

Нино вовсе не интересуется все, что может сообщить ей хозяйка. С большим удовольствием она легла бы в постель отдохнуть, поспать. Но надо отвечать, иначе старая женщина может обидеться.

— Устала я, Дуса, лучше утром поговорим.

— Знаю я тебя, девушка. Утром ни свет ни заря удерешь на виноградники. А у меня за тебя душа болит. И так все село говорит — зачем ей снимать комнату у чужого человека (это я-то чужой человек!). Ведь у нее, говорят, свой дом есть, не зря Джамбар по бревнышку, по камешку хозяйство собирал... Слышать я не могу таких разговоров!

— Эх, Дуса, мне и самой нелегко. Приехала в родное село — а никого близких здесь у меня нет. Отец уже столько лет, как уехал в город, да и я впервые здесь.

— А Мелано и Степане разве не родные тебе?!

Нино вздохнула:

— Я столько слышала от отца об их скупости и жадности, что видеть их не хочу. Да и они, судя по всему, не жаждут помириться.

Но сердобольную Дусу не так легко было успокоить.

— Нет, милая, половина дома по закону принадлежит тебе, и ты должна получить ее. Я, конечно, не имею права вмешиваться в чужие дела, но ты мне как родная стала, и я тебе говорю — пойди, Нино, обязательно пойди туда!

Девушка ничего не ответила хозяйке. Пообедав, она встала из-за

стола и сладко потянулась. Потом пошла к своей постели и легла, но заснуть ей не удалось. Разговор с хозяйкой расстроил ее, заставил вспомнить о всех обидах и неприятностях. Нет, когда она после окончания института решила ехать в родное село, у девушки и в мыслях не было, что может подняться подобный разговор. Она ехала в Вардиани работать, а не заводить тяжбу по разделу имущества своего деда. Но Степане и Мелано решили, что истинная причина ее приезда заключается именно в этом, и сами подняли тревогу. Откровенно говоря, Нино была уверена, что они и были источником всех сплетен и пересудов, поднявшихся на селе. Мелано со своей стороны решила предупредить события и отправилась к председателю сельсовета, чтобы заручиться его поддержкой. Но достаточно было ей намекнуть, что в случае благоприятного разрешения дела она не постоит за благодарностью, как тут же очутилась за дверью. Вдогонку ей долго еще несся крик возмущенного председателя, угрожавшего отдать ее под суд. Эта новость моментально облетела все село, и, конечно, вездесущая Дуса не преминула довести ее до Нино.

Долго не могла уснуть Нино в эту ночь. В памяти возникали все новые и новые картины ее беспокойного житья-бытья за последнее время. Вспомнилось, как пригласил ее к себе председатель сельсовета. Он посадил ее на старенький диванчик в своей комнате, сам уселся рядом и начал по-отечески увещевать:

— Ты девушка молодая, тебе надо создавать свою семью. Сама знаешь, какие разговоры могут по селу пойти. Мы и решили — поделить все хозяйство Степане, половина по праву твоя...

Тут уж девушка не выдержала. слезы хлынули из глаз, она уткнулась головой в грудь растерявшегося председателя. Он с трудом разбирал сквозь рыдания невнятные слова:

— И вы тоже... Все только и говорят об этом доме... Я живу себе, никого не беспокою... Ничего мне не надо, только бы оставили в покое...

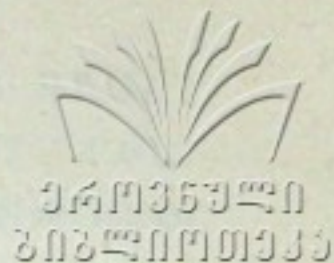
Долго успокаивал ее тогда председатель, говорил, что, если только она пожелает, ей выделят участок для застройки, помогут в строительстве дома, поддержат, что их совхоз очень нуждается в таком знающем и исполнительном агрономе, как она...

И сейчас при воспоминании об этом разговоре глаза у Нино влажнеют: давно никто не высказывал столько искренней заинтересованности в ее судьбе, отеческого тепла и заботы. «Только председатель, да Анания, да старая Дуса», — улыбнулась в темноту Нино. Хозяйка не могла ей простить, что она решительно отказалась от своей доли хозяйства. Большую часть жизни прожила старая женщина в том мире, где имущество и своя земля определяли меру человеческого счастья. И теперь никак не могла понять своей беззаботной и непредусмотрительной агрономши, которая на все ее упреки и сетования весело улыбалась.

— Сегодня я здесь, тетя Дуса, а завтра министерство может послать меня за тридевять земель. Не смогу же я свой дом в чемодане с собой увезти! Что прикажешь — в каждом селе, где я буду работать, мне по дому построить?

Но Дуса упрямо повторяла:

— Был бы у тебя свой дом, свой участок — тогда мы бы зажили! И я бы к тебе перешла, за хозяйством глядела, сад развели бы, огород. Летом фрукты и овощи в город продавать возила бы. А ты от всего отказалась, ни о чем не подумала. Эх, молодо-зелено!..

Степане все время казалось, что в Вардиани каждый старается обмануть его, заманить в западню. Как ни пытался он успокоиться, убедить себя, что все это — пустые страхи, ум его все время оставался настороженным, как взведенный курок.

Прошли времена, когда Степане любил перекинуться с друзьями веселой шуткой, посидеть за праздничным столом. Сейчас он ходил молчаливый и нахмуренный, как медведь. И только с одним человеком он становился прежним Степане — с нищенкой Куспой. Никто во всем Вардиани не мог бы сказать, как Куспе удалось сблизиться с семьей Мелано. Почти каждый вечер, как на дежурство, являлась она, оборванная и голодная. И Степане, словно получая какое-то неизъяснимое удовольствие, балагурил:

— Куспа, тебе не дуется, женщина?

— Ветер пронизывает меня до костей, — отвечала Куспа и натягивала подол старенькой юбки на плечи, тщетно пытаясь согреть свое вечно мерзнувшее тело.

Однажды Степане привез из Сигнахи колбасу. Кусочек он припрятал для Куспы: «Дай, мол, погляжу, как она ее съест». Нищенка долго потом хвалилась по всему селу: «Какую мягкую чурчхелу ела я у Степане — до сих пор слюнки текут!..»

Мелано, разумеется, не могла долго терпеть, чтобы в ее дом ходил хоть один человек, от которого пользы — как с козла молока. Поэтому она скоро приспособила Куспу к работе:

— Нечего зря хлеб есть, будешь огород стеречь, чтобы соседские куры не лазали.

С того дня на огороде Мелано можно было постоянно видеть изогнутую в три погибели Куспу. С длинной хворостиной в руках обходила она порученные ей владения, бдительно охраняя их от всевозможных недругов. И скоро не то что куры, — даже птицы боялись показываться в этих местах.

Мелано оценила такое прилежание новоявленной сторожихи и в знак одобрения и поощрения подарила ей свое старое платье. Куспа понемногу приохотилась к своему занятию и с течением времени по собственной инициативе даже расширила сферу деятельности.

У Анания, ближайшего соседа Степане, было множество кур. Магдана, как всякая хозяйка, держала их на дворе, не давая перелезть через изгородь в чужие дворы. Но у Куспы оказалось достаточно ума, чтобы перехитрить ничего не подозревающих беззащитных хохлушек. Она насыпала у самой изгороди зерно, потом постепенно заманивала кур на верх ограды и, улучив время, подкрадывалась и хватала их. Ворованную курицу она потихоньку уносила домой и только на следующий день доставляла Мелано:

— Иду я, милая, по дороге, гляжу — курица беспризорная. Все равно, думаю, пропадет, вот я и прихватила ее. Ты уж найдешь, что с ней сделать...

Магдана вначале не замечала убыли в своем курятнике. Но после двухнедельных набегов Куспы она не досчиталась целого десятка кур, забила тревогу.

Однажды, проходя по поселку, Куспа заметила вардианских кукушек, которые оживленно о чем-то судачили. Могла ли она пройти мимо, хотя бы краем уха не послушав, о чем идет речь?

— И что нашла Мелано в Куспе?.. Такие друзья закадычные стали — водой не разольешь, — говорила одна женщина.

— В этой нищенке хоть год ищи — не найдешь ничего хорошего, возразила другая. — Видно, просто жалеет ее Мелано, вот и подкармливает...

Тут уж Куспа не выдержала. Растолкала женщин, пробралась в самый центр тесного кружка, закатила рукава, грозно уперла руки в бока и начала:

— Это во мне-то ничего не найти?! Нет, Мелано не задаром меня кормит и поит — который месяц я ее курятиной снабжаю, вот она и платит добром за добро! Нет, милые, даром я ничей хлеб есть не стану...

Разумеется, не прошло и часу, как весь этот разговор был доведен досужими доброжелательницами до сведения Мелано. Она и вообще-то в долгу не любила оставаться, а тут — тем более: будучи уверена в своей правоте и безгрешности, она набросилась на Куспу.

— Что ты там наболтала, старая ведьма?! Это ты меня курятинкой снабжаешь?! Ты мне добро делаешь?! Принесла когда-то одну издохшую курицу и еще говоришь? А сколько я тебе добра делаю — этого ты не видишь? У нищенки и душа нищенская, никакой благодарности в ней быть не может...

Куспа вскинулась в ответ (что-что, а ругаться она умела!):

— Ты уже и считать разучилась, так у тебя разум помутился! Сколько кур ты сожрала, мною принесенных, — чтоб столько горячих пуль тебе в сердце! Я себя не жалела, кур с таким трудом добывала, чтоб тебе угодить, а ты... — старуха всхлипнула раз, другой, а потом заплакала навзрыд.

— О чем ты говоришь, Куспа, — удивилась Мелано, — что за труд беспризорную курицу с дороги принести!

— Хороши беспризорные — всех по одной у Магданы со двора переманила.

— Украла?!

— Не по своей же воле они через изгородь стали бы лезть!

— Совсем из ума выжила, старуха, — возмутилась Мелано. — Дознаются — арестуют ведь...

— Меня-то за что? — Куспа уже перестала плакать и хитро улыбалась. — Ты ближайшая соседка Магданы, тебя и возьмут в оборот...

После этого разговора Куспа куда-то исчезла и не показывалась. Мелано готовилась к неприятному разговору с Магданой один на один.

Прошло несколько дней. Магдана подошла к изгороди и позвала:

— Соседка, эй, соседка! Выглянь-ка на минутку.

Мелано вышла во двор и холодно поздоровалась.

— У меня куры пропадают в последнее время, целый десяток исчез. К тебе они, случаем, не забрели?

— Чужих кур не держим! — отрезала Мелано.

— Посмотрела бы все же...

— Ты что — думаешь, украла я их?!

Магдана удивленно пожала плечами:

— Я ведь тебя воровкой не обзывала.

— Лучше тебе за твоим больным мужем приглядывать, — перешла в атаку Мелано. — Женщине надо о докторах думать, а она о курах заботится...

— Чего ты вскипятилась, не пойму, я ведь просто спросила, — Магдана повернулась и пошла к дому, сопровождаемая злобым, насмешливым взглядом Мелано.

ЭЛН 35320
ЭНБ 40110333

2

И снова вспыхнула давняя вражда между соседями. Степане оказался достойным союзником Мелано в этой расправе.

Анания при встречах со Степане всегда старался избегать всяких разговоров, кроме деловых, не давал появиться неприязни. Но Степане почему-то никак не мог отделаться от подозрения, что сосед исподтишка наблюдает за ним, знает обо всех его не очень чистых делах и со дня на день собирается заявить о них в милицию. Правда, Анания вовсе не давал повода для подобных подозрений: он и вся его семья готовы были ради доброго соседства даже позабыть о злополучном случае с курами. Магдана по-прежнему готова была при случае оказать помощь соседке: то кастрюлю одолжит, то огня даст из своего очага...

Но лихой человек всех людей своей меркой мерит. Мелано не могла верить в искренность Магданы и затаила в душе зло. Собственно говоря, она вовсе не нуждалась в том, чтобы одалживаться по чужим домам кастрюлей и чем другим: слава богу, у самой всего вдоволь. Но, думала, пусть знают, в какой нужде живет семья Степане. То хлеба займет у кого-нибудь, то сыра, то из кухонной утвари чего-нибудь. А то, чего доброго, начнут завидовать, судачить по всем углам: «Дом у Степане полная чаша, какими такими трудами праведными нажил он все это!?» Уж кто-кто, а Мелано лучше других знает, какие у вардианских кумушек острые глаза да злые язычки. А ее Степане надо побережиться острого глаза, ох, как надо...

Правда, сама Мелано к Магдане старалась не обращаться ни за чем. Посылала Сидо — тебе, мол, она не откажет. И Магдана, действительно, никогда не отпускала Сидо с пустыми руками.

Мир между соседскими домами, казалось, был восстановлен. Но только до поры до времени. Стоило Степане найти повод, как все началось сызнова.

Однажды Степане под вечер возвращался домой. С утра он был не в духе, потом на работе с кем-то из друзей выпил немного. Теперь он шел медленно, тяжело, оглядываясь по сторонам, словно выискивая, на кого бы излить накопившуюся за целый день злость.

Была весна. Солнце уже скрылось, однако даже ранние сумерки не принесли с собой прохлады. С земли поднимался душный белый пар. Степане рванул ворот рубахи и еще раз, у самой калитки, огляделся. Вдруг до него донеслось из-под забора негромкое довольное похрюкивание — это свинья Анания, подрывшись под изгородью, пролезла к ним во двор.

«Я покажу тебе, как под меня подкапываться», — подумал Степане. Тихо, чтобы не спугнуть нарушительницу, подкрался он к колоде, в которую был вогнан топор, взял его, вернулся и, размахнувшись что было силы, ударил свинью по голове.

Пронзительный визг разнесся вокруг.

3

Возле вардианского кооператива, где проселочная дорога пересекается с сельской улицей, по вечерам собирались старики для обсуждения всевозможных дел и новостей. Прежде новостями их систематически снабжал продавец кооператива, который через каждые два дня на третий ездил по своим делам в Сигнахи и почти каждые две недели отправлялся в Тбилиси. Собственно говоря, в столь частых отлучках вовсе не было необходимости. Вардианцы жаловались, что когда ни придешь в магазин — видишь только огромный замок на двери.

Только старики не осуждали страсти продавца к путешествиям: он привозил с собой целый ворох новостей, необыкновенных рассказов, порой таких удивительных и необычных, что слушателям оставалось только разинуть рот от восхищения. Лишь один Степане всегда оставался равнодушным — он-то, слава богу, достаточно повидал на этом свете городов и сел, чтобы ничему не поражаться. При случае он и сам мог рассказать что-нибудь совершенно невероятное, сохраняя при этом такой самоуверенный и неприступный вид, словно хотел сказать: верьте мне, а не тому, что в каких-то там газетах пишется. Продавец кооператива попытался было состязаться с ним, но потерпел такой крах, что раз и навсегда признал за Степане преимущественное право снабжать новостями сельские сборища. С этих пор авторитет Степане был незыблем, каждое высказывание — непререкаемо.

— Слушай, Степане, — взволнованно спрашивает однорукий инвалид, — говорят, что Саба объявил: кто не работает у них — половину участка отнимут, мол. Правда это?

— Состоялось совещание руководителей и решили, чтобы все обязательно работали, — без малейшего колебания поясняет Степане.

— Мы ведь и так работаем, — вступает в беседу другой старик.

— Это ты-то работаешь?! Меня ведь не обманешь! Да и в совхозе не глупее меня люди сидят. Они знают, кто работает, а кто на базаре поторговать норовит. Или есть еще — пристраиваются кто в клуб, кто сторожем, кто снабженцем... Нет, братцы, так не пойдет. Мы так решили, — все в поле должны работать!

— Это-то хорошо, — вставил седобородый крестьянин, — сразу трут-ни выявятся, что на чужом горбу в рай въехать собираются.

— Да, это неплохо, — согласился Степане, бросив искоса взгляд на говорившего.

— А тебе оставят участок, Степане?

— Мне, уважаемые старики, не маленькое дело доверено, Заведывать складом, где товара на полмиллиона — шутка! И не слышал я, чтобы кто-нибудь где-нибудь обо мне дурное говорил...

— Про хорошего работника кто плохое скажет, — льстиво улыбнулся одорукий.

Степане сделал вид, будто не услышал комплимента и важно продолжал:

— Вы знаете — рос я сиротой, в нужде, на сухом хлебе. Все, чего добился, — своими руками да трудами матери моей.

Старики согласно закивали. Один из них решил все же вставить:

— Степане, милый, когда будут распределять приусадебные участки, не забудь замолвить за меня слово. Знаешь ведь — за мной не пропадет!

Складчик, найдя аудиторию, которая безропотно выслушивала все его разглагольствования, не мог остановиться:

— Я не из тех, кто любит на собраниях попусту болтать. Но зато уж если скажу, то... Семья моя всем известна, расходов у нас немало. Но судьба справедлива: позавчера, вот, проверял я таблицу выигрышей, глядь — на мою облигацию две тысячи выпало...

— Повезло-о-о, — протянул кто-то из слушателей. Остальные молчали — давно начали поговаривать в Вардиани, что слишком уж часто судьба благоволит к Степане, в каждый тираж он выигрывает.

— Если люди мне помогать не хотят, зато бог не забывает, — продолжал Степане жалостливым голосом. — Работаешь всю жизнь, из сил выбиваешься, чтобы семью прокормить, а потом умрешь — никто о тебе и не вспомнит...

— Не дай бог, что ты говоришь, Степане! — заволновались крестьяне.

Но Степане уже не мог успокоиться. Каждый раз после подобных разговоров он возвращался домой расстроенный и подозрительный. Нередко он придирался к какому-нибудь пустяку, и начинался в его семье скандал.

— Говорил я тебе — без меня носа на улицу не высовывай, — ревниво кричал Степане на свою жену.

— Я не курица, чтобы день-деньской по двору слоняться, — отвечала Сидо.

— И чего тебе дома не сидится, чего таскаешься по всему селу без дела?..

— Уж не твоими подарками соседей удивлять! Я не привыкла к такой жизни. Не забывай — я в Сигнахи воспитывалась, и одеваться хочу не хуже людей, и погулять. А ты... Две копейки лишних потратить жалеешь, а сам всякими махинациями занят... Тьфу!

От возмущения Степане не знал, что ответить. Долго стоял он молча, глотая воздух широко открытым ртом. Потом подбежал к Сидо, схватил ее за плечо и зашептал:

— Молчи, дура, услышат! Для вас ведь стараюсь, для вас головой рискую! Молчи!

Но не так легко было унять женщину.

— Я твоих денег и в глаза не видела ни разу. По всему селу раззвонил, небось, будто выиграл две тысячи рублей. А что ты с ними делать собираешься? Для кого нужны?

— Для вас же и нужны, дура, — тебе и твоему сынку-недотепе пой-

дут. Сама избаловала его, пристал с ножом к горлу — хочешь не хочешь, а покупай ему мотоцикл. А тут еще на новый дом откладывает...

— Не нужен мне дом, — вспыхнула Сидо. — И на мотоцикле раскатываться не собираюсь. Все село в креп-жоржетах ходит и крепдешинах, одна я хожу голая... — Женщина даже пустила слезу, чтобы разжалобить мужа. Степане развел руками:

— Что-то не замечал я этого! Сидишь целый день барыней, сложив руки, чего тебе еще надо.

— Нехватало, чтобы я на огороде землю копала! Не забывай — я не чета вашим вардианкам, в Сигнахи меня землю рыть не приучали!..

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Анания поднялся до петухов. Медленно обходил он каждую лозу в своем винограднике, бережно наклонялся, нежно трогал веточку. Садовый нож в его большой, грубой руке двигался осторожно, словно боясь причинить боль лозе. Анания обошел уже почти весь виноградник. Распрямылся, разогнул затекшую спину, взглянул на солнце, поднявшееся уже довольно высоко. Заметил на соседнем винограднике двух людей: это Степане и Гуджа решили тоже поработать на своем участке. Степане, боясь порезаться, держал садовый нож на расстоянии от себя. «Как купец саблю», — подумал про себя с улыбкой Анания. Но увидев, как неумело и безжалостно рубит ветки Степане своим ножом, сразу насутился. Ему стало так больно, словно не лоза, а он сам стоял под ножом. Забыты были все старые обиды и ссоры, — когда крестьянин видит в беде виноградную лозу, ему не до старых счетов. Решительным шагом подошел Анания к изгороди и с такой силой схватился за колья, словно собирался выдернуть их из земли.

— Доброе утро, сосед! — окликнул он Степане.

— Здравствуй, — ответил тот, не поднимая головы.

— Осторожней! — не выдержал Анания, — не так надо нож держать, не так. Вот, смотри... — И он перешагнул через изгородь, пошел между рядами, быстрыми и точными движениями обреза лишние ветки, поправляя спутавшиеся листья, поглаживая молодые побеги. В эту минуту он забыл и о Степане, наблюдавшем за ним с раскрытым от неожиданности ртом, и об обидах, нанесенных ему ни за что ни про что, и обо всем на свете. Перед ним был только виноградник, возвращенный неустанным трудом его предков. Пробираясь между лозами, он приговаривал:

— Вот так, вот видишь, как надо... Осторожно, чтобы не повредить молодых побегов. Эти побеги — как дети. Чуть-чуть поцарапаешь его, он заплачет, потекут слезы. И следить за ними надо, как за детьми. Ухаживать, беречь... Вот как надо, вот так... Видишь? Если не знаешь — спроси, я тебе покажу, объясню. И ничего в этом нету зазорного — спросить, когда не знаешь.

Ошеломленный Степане не знал, что и подумать. Он никак не мог понять, чем, какими побуждениями вызван этот поступок Анания. После всего, что между ними было. Нет, это решительно не укладывалось в его голове. И Степане, не произнося ни слова, наблюдал за Ананией, который продолжал свою душевную беседу с виноградными гроздьями.

— Ты отчего выглядываешь из-под листа так грустно? Заболела? Не бойся, я тебя вылечу. Вот освобожу тебя от этого листка. Вот так...

И этот уберем... Видишь, ты увидела солнце... Сейчас и тебе помогу, не бойся...

Солнце уже стояло совсем низко, когда Анания обошел весь виноградник и собрался уходить.

— Ну что ж, спасибо тебе, — не очень охотно проговорил Степане. — А теперь пойдем, хлеба-соли со мной отведай.

Только сейчас взглянул Анания на Степане и Гуджу. Увлеченный работой, он забыл об их существовании и теперь, услышав голос Степане, сразу вспомнил все: и незаслуженные обиды, и грязные сплетни, и то, что именно благодаря им оказался в таком запущенном состоянии виноградник. И ему предлагают с этими людьми преломить кусок хлеба. Нет! Анания решительно отстранил Степане от калитки и, не попрощавшись, ушел к себе.

Магдана накрывала стол к обеду. Проголодавшийся Котэ, не дожидаясь родителей, взял кусок хлеба и с аппетитом хрустел поджаристой коркой. После обеда завязался разговор. И снова, в который уже раз, вспомнила Магдана о Мелано и Степане.

— Из-за них потеряли мы такую свинью, целый десяток кур у меня со двора покрали, а ты, Анания, все им прощаешь. Дай им волю, они и нас всех перережут.

— Не беспокойся, Магдана, — спокойно ответил Анания. — Степане больше нам зла не сделает.

— С чего это он вдруг станет таким добрым?

— Я ему сегодня помог немного на винограднике...

Что могла ответить Магдана? Она знала характер своего мужа, знала его отходчивый нрав и жадность к работе. Только почему-то слезы подступили к самому горлу, и она с трудом сдерживала их. Но вот уже она не может сдержаться, плачет. Почему? Вспомнилось ей, как Анания несмело признался ей в первый раз в любви — она и тогда не смогла удержаться, заплакала. И Анания всегда посмеивался над ней — ты, говорит, все слезами разбавляешь — и радость, и горе... Слезинка скатилась из уголка глаза, проложила дорожку по щеке и сбегала к подбородку. Там она подождала, пока прибежит к ней еще одна, из другого глаза, они соединились, и тяжелая капля упала на стол.

Анания молча поднялся, подошел к жене и положил ей на плечи свои усталые ладони. Магдана прижалась головой к широкой мужниной груди и, виновато улыбаясь, вытирала мокрые глаза. Котэ хлопнул рукой по столу:

— Эх, мама, и мягкое же у тебя сердце. Сдерживаться не умеешь.

Анания засмеялся.

— Кто бы говорил! Небось, у самого все как на ладони. Понравилась тебе Нино — все село уже знает.

— Ничего подобного, — вспыхнул Котэ. — Нино просто хороший агроном и все.

— Разве тебе она не нравится? — наступал отец. — Ну-ка положи руку на сердце.

— Говорю — ничего подобного. А что она хороший специалист — об этом все село говорит.

Магдана, уже успокоившись, сказала:

— Такую девушку в каждую семью с радостью примут: красивая, умная, скромная...

— Уж такая скромная, — подхватил сын. — Другая на ее месте:

заноситься стала бы: я, мол, из города, институт кончила, диплом агронома имею, все на свете умею. А Нино недавно собрала крестьян, спрашивала — сколько почек на лозе оставляют.

— У бывалых людей поучиться никому не вредно, — одобрил Анания. — Не зря сказано — старый конь борозды не испортит.

— Верно, отец, только и по-старинке далеко не уедешь. Нино вот говорила — лозу мы слишком оберегали, жалели. А если на каждой вместо десяти-двенадцати по тридцать почек оставлять, то и урожай втрое больше будет.

— Правильно, сынок, и я об этом подумывал...

— И еще Нино говорила...

— Вы только послушайте нашего Котэ! — засмеялась Магдана. — «Нино», «Нино» — только о ней и говорит мальчик.

Анания рассудительно покачал головой и заметил:

— Всеу свое время на свете: есть время лозе цвести, и есть время молодым любить. Таков закон жизни. Нино — девушка работающая. Но надо подумать и какой она в семье будет.

— Дурной человек обо всех дурное думает, — сказала Магдана. — Все эти слухи о девушке Мелано распускает. Голову дам на отсечение, если это не так. За свой дом дрожит, вот и порочит хорошую девушку.

Котэ вскочил со стула и, горячо размахивая руками, заговорил:

— У Нино в Вардиани много друзей, мы не дадим никому на ее счет языки чесать. А если Мелано...

— Постой, сынок, постой. Нино и сама не маленькая, сможет сделать правильный выбор, распознать — где друг, где враг. А на селе у нее и помимо вас, молодых, друзей немало найдется. Так что успокойся — в наше время хорошего человека в обиду не дадут.

Магдана убирала со стола посуду после обеда. Котэ снял висевшую на стене двустволку и, присев тут же, на тахту, стал разбирать ружье. Анания вышел во двор, выпустил собаку из конуры и стал прилаживать цепь.

Радостное повизгивание собаки далеко разносилось по селу в наступившей тишине. Крупные звезды проступали все яснее на потемневшем пологие неба и словно приближались, чтобы внимательней приглядеться к земным делам. Одинокий порыв ветра прошумел в листьях деревьев и заглох где-то вдали.

Ночь пришла в Вардиани.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

1

Мелано ходила злая, сердитая. Причиной этого была не какая-нибудь беда, свалившаяся на женщину неожиданно-негаданно, — злость накапливалась исподволь, постепенно нарастала и наконец достигла предела. Женщина уже не могла сдерживаться: душа у нее горела, как накалившаяся докрасна печь, и если не приоткрыть дверцу этой печи, горячие уголья сожгут в ней все. И Мелано отводила душу в ежедневных ссорах и ругани со всеми, кто подворачивался под руку. Поверенной всех душевных мук и переживаний старой женщины по-прежнему была Пело. Много лет провели подружки бок о бок, вместе прошагали почти весь свой век, и ни время, ни размолвки, которые часто случались между ними, не смогли нарушить их испытанного союза. Каждый день.

в любое время года, в дождь и снег, в жару или промозглую осеннюю изморозь, Пело с раннего утра появлялась у Мелано. И начинались долгие, на весь день, разговоры. О чем? Да о чем угодно: сплетни и пересуды, сельские новости и фантастические слухи, были и небылицы — все давало им повод почесать языки.

— Любишь ты поболтать, соседка, — говаривала порой Мелано.

— Разговор для женщины не грех, — отвечала ей товарка. — Да и ты, пожалуй, себе на рот замка не вешаешь.

— Я свою меру во всем соблюдаю. Знаю с кем и о чем поговорить..

— То-то твой родной сын Степане с тобой двумя словами в месяц не перекинется.

Старая Пело знала, как побольней уколоть подругу. Мелано не могла оставить этот выпад без ответа. Вспыхнув от возмущения, она закричала:

— Чтоб ты так жила, женщина! Просто мой сын не любит зря языком трепать, как некоторые. Бывает, мужчина, как хорошая баба-сплетница болтает, язык без костей. А Степане слова лишнего не скажет. Настоящий мужчина так и должен: до поры до времени свое слово, как саблю в ножнах, держать. Зато коли скажет — отрубит.

Пело криво ухмыльнулась: мол, кого ты хочешь обмануть своими рассуждениями? Кто-кто, а уж я тебя как облупленную знаю... Вслух же она сказала:

— В наше время дети с родителями куда ласковее были.

— Эх, милая, ласки да добра теперь ни от кого не дождешься! Я от рождения до старости ни одного теплого слова не слышала. Одна ругань да попреки: и дети, и родственники, и соседи, и друг, и враг — все норовят за добро злом отплатить.

Пело недоуменно всплеснула руками:

— Да что с тобой, Мелано, родная? Нынче тебя просто не узнать: всех ругаешь, судьбой недовольна. Я считала, что несчастнее меня во всем Вардиани человека нет, а тебя послушаешь — прямо от жалости слезы на глаза наворачиваются.

Мелано совсем расчувствовалась:

— Прежде я помоложе была, теперь и здоровья убавилось, и силы. Солнце мое к закату склоняться начало. Все, что судьба на мой век предназначила, уже отошло в прошлое. Впереди ни надежд, ни желаний. Одно мне в жизни осталось: дожидаться смерти. И чувствую — недолго мне ждать ее.

— Чего ты по себе панихиду служить вздумала? — удивилась Пело. — Не иначе — с левой ноги встала нынче.

— Скоро и панихиду отслужите...

Пело не могла прийти в себя от удивления:

— И чего тебе плакаться, не понимаю? Женщина ты здоровая, двух мужей, слава богу, пережила. Не было ни кола, ни двора, а теперь глянь, какое хозяйство нажила. Так что грех тебе на судьбу роптать. Жизнь ты лучше меня прожила и в смерти счастливее будешь...

— Недолго осталось мне жить на свете, и решила я провести эти дни в посте и молитве, — продолжала Мелано, не обращая внимания на горькие слова своей подруги. — Все, что я делала — все для моего Степане, для его счастья. Теперь пусть бог нас рассудит...

Поняла Пело, что Мелано высказывает накипевшее на душе. Решив поддержать расстроенную подругу, она глубоко вздохнула, надула щеки, как музыкант, собирающийся заиграть на зурне, и громким голосом начала:

— Да разве теперь дети умеют ценить родителей? Растишь их, воспитываешь, а они... Думаешь, они за любовь и заботу золотой памятник тебе после смерти поставят? Если доведется мне пережить тебя, посмотрю я, как Степане оценит твои труды. Небось, в могилу зароет и забудет тотчас.

— Молчи, ведьма проклятая! — не выдержала Мелано.

— Ругайся, ругайся... Мне к ругани не привыкать — сколько на моем веку я обиды видела, дай бог мне столько счастья. А все почему? Потому что правду люблю людям в глаза говорить. Люди же не любят правду, ох, не любят... Но я не боюсь. Вот и тебе прямо скажу: ты почему Гио из дому выгнала? Теперь хоть постись, хоть молись, а этого греха вовек не замолишь!

— Не замолю?! — не смогла сдержать испуга Мелано. — Ты ведь знаешь, Пело, я его не прогоняла, он сам в город подался.

Но Пело не унималась:

— Я все знаю, все помню! И ты не забывай. Кости Джамбара из могилы не дадут покоя тебе, женщина.

— Замолчи! — отчаянно воскликнула Мелано. — Что ты привязалась ко мне со своими разговорами.

— Что ж, замолчу, замолчу, но бог... — снова начала было Пело. Но закончить фразу ей не удалось. Разгневанная Мелано, сорвав с ноги шлепанец, изо всей силы запустила им в подругу.

— Горе мне, убивают, — завопила та, стараясь прикрыть лицо обеими руками. Ворча и ругаясь вполголоса, она припустила без оглядки со двора негостеприимной хозяйки, однако все же успела на бегу схватить свой старенький шерстяной платок.

Мелано осталась одна. Собственно говоря, она сама не смогла бы дать ответ, почему ее так взволновали слова Пело. Ведь та во многом повторяла ее мысли, высказав вслух истину об отношении к ней Степане и Сидо. Но, видно, слишком горькой была эта истина, не смогло материнское сердце выслушать ее. И вот Мелано прогнала свою единственную подругу и собеседницу, много лет верой и правдой служившую ей. Прогнала, и на этот раз, пожалуй, навсегда. Прежде, бывало, раскричится она на Пело, отругает на чем свет стоит, а та молчит, все терпит, как собака, которую бьет хозяин за чужую вину. А теперь Пело ушла, а кроме нее некому будет пролить слезу над ее гробом, помянуть добрым словом после смерти... Все из-за сына, из-за Степане. Мелано ждала от нее утешения, успокоения, а та, наоборот, — подлила масла в огонь материнской души.

Внезапно ужас охватил Мелано, оставшуюся в страшном одиночестве. Ей казалось, что все люди отвернулись от нее, оставили лицом к лицу со смертью. И вот смерть уже показалась вдали, вот она приближается медленно, неотвратно, и некому помочь ей, поддержать в это ужасное мгновение, некому отогнать леденящее душу видение — костлявую старуху с острой косой в руках...

Когда Степане вернулся домой, он увидел, что мать свалилась с тахты и лежит без чувств на полу. Схватив глиняный кувшин, он стал пригоршнями брызгать воду в лицо матери. Мелано долго не приходила в себя. Степане совершенно растерялся, не знал, что предпринять. Наконец, стал лить воду прямо из горлышка кувшина. Вода струйками стекала по лицу женщины, лилась за ворот, намочила платок. Дрогнули ресницы, Мелано глубоко вздохнула и открыла глаза.

— Это ты, сынок? — слабым голосом проговорила она.

Степане не произнес в ответ ни одного слова, только переступил с ноги на ногу, как застоявшийся конь, готовый сорваться с привязи.

— Что ты молчишь? — повторила Мелано. — Неужели тебе трудно сказать умирающей матери хоть одно слово? Я тебя растила, кормила, воспитывала, а тебе для меня слова жалко...

— Ну, завела, — буркнул Степане. — Что-то не видно, чтобы ты умирала.

Мелано побелела, похоже было, что еще немного, и она снова потеряет сознание. «Неужели в его сердце нет ни капли сыновнего чувства, — думала она, — неужели он ждет моей смерти? Не зря Пело о нем так говорила».

Степане, заметив состояние матери, недовольно махнул рукой и сказал:

— Сидо! Где ты там запронастилась? Иди сюда поскорее.

Сидо выглянула из другой комнаты заспанная, растрепанная, обеими ладонями протирая глаза.

— Сколько можно спать, женщина! — рассердился Степане. — У тебя свекровь умирает, а ты себе хранишь.

— Умирает? — оживилась Сидо.

— Нечего радоваться, иди, пригляди за ней.

Сидо прибегла к такому же способу лечения, что и ее муж: полила лежавшую без чувств женщину водой из кувшина. Скоро Мелано пришла в себя. Степане вздохнул с облегчением и присел к матери на тахту. Мелано рукой показала: пусть Сидо выйдет, им надо поговорить наедине. Заметив этот знак, невестка довольно громко проговорила, не боясь, что ее услышат:

— И о чем это им секретничать? Днями и ночами о чем-то шепчутся, настраивает мужа против меня...

Грозно насупленные брови и сердитый взгляд Степане достаточно ясно показали Сидо, что продолжать дальше небезопасно. Поэтому она предпочла добровольно выйти в другую комнату.

Степане также выразительно глянул в сторону матери: мол, мы одни, можешь говорить, что хочешь.

— Сынок, ты уже не молод, да и мой век недолог. А я до сих пор не могу понять, что ты думаешь, чего хочешь добиться, о чем мечтаешь. Сердце у меня разрывается, когда я вижу, что ты во всем селе ни с кем не дружишь, никого не любишь. В одиночку жизнь не проживешь — я убедилась в этом. Об одном жалею я — надо было все же тебя отправить в город учиться. Вышел бы ты агрономом, в село человеком вернулся. Я думала — будешь ты мне по хозяйству помогать, а что вышло: виноградник у нас отобрали, из всего хозяйства один дом остался в нашей собственности.

— Как бы не так, — прервал ее Степане. — И так все село говорит о нашем доме после того, как эта проклятая дочка Гио вернулась в Вардиани.

— Собственность я не сохранила, зато честь нашей семьи сберегла, — ответила Мелано на скрытый упрек сына. — И тебе завещаю: следи за собой, и особенно, за женой своей. Ей наша честь не дорога.

— Что ты заладила: «жена», «жена»! — вспыхнул Степане. — И какой я несчастный человек — ни в чем счастья нет: ни в родных, ни в работе, ни в жене!.. Что же мне делать, кого спросить, кто научит?

— Плохо человеку одному, — словно эхо отозвалась Мелано на невысказанные мысли сына.

Для Мелано настало тяжелое время: время горестных раздумий и тнеющего одиночества. Казалось, все на свете позабыли о ее существовании, и никому нет дела, жива она или умерла. Ни сын, ни невестка не заговаривали с ней, обиженная Пело не заходила. Мелано оставалось одно-единственное занятие: воспоминания. Воспоминания осаждали больную женщину, не давали ей покоя, вызывая беспочвенные сожаления о безвозвратно ушедших днях и непоправимых ошибках прошлого. Вся ее жизнь могла пойти по-другому, если бы... Могла, но не пошла! Погоня за собственным домом, собственным виноградником, собственным земельным наделом загубила ее жизнь. А теперь это же слово — «собственный!» — полностью завладело душой ее сына.

Степане... Ничего она не жалела, весь свой век трудилась для его благополучия, а теперь... Она замечала, что с односельчанами он был груб и неприветлив, говорил отрывисто, резко. Если же приезжал кто-нибудь из города, то с ними Степане умел говорить вежливо, обходительно время от времени вставляя в разговор мудреные, «городские» слова, которые обычно никогда не употреблял. Мелано знала, что это были нужные, полезные люди. Им обычно устраивали торжественные обеды, не жалели вина и приятных слов, лишь бы завязать и упрочить дружбу.

Именно благодаря подобного рода полезным связям сумел Степане пересидеть в тылу всю войну, и не просто пересидеть, а устроиться на теплое местечко уполномоченного по заготовке табака. Почти через день он гонял груженную табаком машину из Лагодехи в Тбилиси. Дорога проходила через ущелье Лочинис-хеви. Отчитываясь перед начальством, Степане то и дело докладывал об авариях в этом узком месте. В то время некому было обратить внимание на неправдоподобно большое количество аварий — война, не до того. Никто не удивлялся и тому, что, перенеся столько катастроф, уполномоченный не получил ни одной царапинки — видно, счастье такое человеку: машина с табаком летит с дороги в ущелье, а ему хоть бы что! В итоге подобных операций не один раз табак отправлялся везучим заготовителем прямо на черный рынок.

Помнит Мелано, все помнит! Вардианские женщины с глубоко затаенной в глазах тоской после целого дня работы глядели на почтальона — какие вести несет с фронта от мужей и сыновей его черная коленкоровая сумка. Ей же приходилось со страхом вслушиваться в ночную тьму, пока ее сын вернется из очередного путешествия. Так и прожили всю войну в страхе, наживаясь на народном горе. Не раз казалось, что Степане не удержится, сорвется с кончика ножа, но в нужный момент вмешивались «городские» знакомые, помогали «нужные» люди, и до поры до времени все замолкало... И Мелано тоже молчала, не пыталась увести сына с крутой дорожки, закрывала глаза на его делишки: так было удобнее и выгоднее.

...Многое еще вспоминает Мелано — сколько было в жизни всякого, и хорошего, и плохого. Лежит она целый день в постели, наедине со своими невеселыми мыслями. Никто не мешает ей, и вся жизнь словно заново проходит перед глазами. Но теперь она все видит по-иному, по-новому.

Только дважды в день на минутку в комнату больной свекрови Сидо принесет поесть, приберет наспех и тут же норовит удрать. Мелано сердится:

— Что вертишься кругом, как хромая собака. Присядь на минутку, поговори со мной, спроси хоть, жива я или умерла...

— Вижу, что не умерла, — огрызается Сидо.

— А ты, бесстыдница, только и ждешь моей смерти. Оставила меня одну умирать, даже не спрашиваешь.

Но невестка и не думает отступать:

— Разве я одна? Со всем миром перессорилась, а теперь жалуется! По-волчьи жили, по-волчьи и умирать приходится, в одиночку.

Опять одиночество! Все отвернулись от нее. И ее же во всем винят. Жизнь прожита, и теперь ничего не поправишь! Мелано застонала от сознания своего бессилия. Ей показалось, что она в одиночку сумела одолеть жизнь, но нет!

Размышления больной женщины вновь прерывает резкий, неприятный голос Сидо:

— Как бы наш дом не перемерили!

Мелано всполошилась.

— Эх, не лежала бы я в постели, я бы им показала, как дом перемерять. Своими руками облила бы дом керосином, да подожгла: пусть ни нам, ни им не достанется.

— И упекли бы за это тебя в тюрьму! — Сидо проговорила это легко и беззаботно, присев перед зеркалом и натирая щеки обеими руками. Мелано прямо вскинулась от возмущения:

— Что ты делаешь там? Хотя бы меня постыдилась.

— Румянец усилится, — коротко объяснила невестка.

— У, бесстыдница, — ругнулась Мелано. — Ни стыда у тебя нет, ни совести! Румянишься, а сама, небось, не о муже думаешь! Знаю я, красотка, все твои мысли, насквозь тебя вижу. Только запомни накрепко: честь моей семьи я тебе замарать не дам! Запомни... — у нее стал срываться голос, тяжелая одышка помешала договорить. Но молодая женщина, не смущаясь, продолжала свое занятие.

— Вам меня попрекать нечем. Да только должна я сказать, что при таком муже не мудрено и на стороне искать развлечения.

— Чем тебе не нравится Степане, чем?! — задыхаясь, бессильно бормотала Мелано.

— А что в нем хорошего? Я могла такого мужа добыть, чтоб в Тбилиси работать устроился. Жили бы мы там, каждый день в театр ходили, в кино. Здесь, в вашем Вардиани, от тоски помереть можно.

— Ах, развлечений ей захотелось! А чего тебе у нас не хватает, одета, обута, сыта, — чего же еще?! Прежде женщина не о тряпках да украшениях думала, а о деле, о хозяйстве. Теперь же...

Но Сидо не стала дослушивать свекровь. Напевая что-то себе под нос, она легкой, пританцовывающей походкой вышла из комнаты. Оторопевшая Мелано осталась с открытым ртом. Долго молчала она, потом махнула рукой:

— Погодите, дайте мне только с постели подняться, уж я с вами со всеми разделаюсь!..

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

1

На полях растаял снег. Горные вершины скинули с себя белые плащи. Голые ветви деревьев покрылись нежным зеленым пушком.

Белогрудые ласточки на своих острых крыльях принесли весну. Назябшиеся за зиму воробьи ожили под теплыми солнечными лучами и теперь деловито переговаривались под карнизами домов о каких-то птичьих делах. Их щебетанье разбудило дремавшие цветочные бутоны, и вот они уже взорвались маленькими многоцветными дымками. Весенняя мелодия дополнялась низким ровным гудением пчел и мушек, по-вылазивших из зимних щелей.

Весна-победительница шествовала по Алазанской долине.

Вардианские мальчишки бегали босиком по молодой травке, ловили красных божьих коровок, покрытых черными крапинками и, посадив их на ладонь, распевали во все горло:

Божья коровка,
высунь головку.
Я тебя не погублю —
платье красное куплю.

Крупные бабочки, как дубовые листья, летели навстречу солнцу и теплу. Только-только раскрывшиеся бутоны роз алели в садах, словно кто-то щедро рассыпал среди зелени целые пригоршни рубинов.

Природа праздновала весну. Горячая кровь прилиwała к жилам, хотелось петь, смеяться, любить. Все изменилось, все подчинилось властному нашествию весны. И только там, вдали, холодный и неприступный, равнодушный к солнцу и свету, по-прежнему высился Кавкасион.

2

Жизнь Нино текла своим чередом. Целые дни проводила она на своем участке, стараясь на практике применить полученные в институте знания. Вардианцы полюбили девушку, которая не боялась никакой работы, старалась вывести свой участок в передовые. Однако в действительности многое оказалось гораздо более сложным, чем это казалось по институтским учебникам. Да и вардианцы не сразу поверили в знания молодого агронома. Каждая неудача рождала косые взгляды и недовольные перешептывания. Причем Нино сама понимала, что далеко не всегда они были незаслуженными. К сожалению, опыт потомственных хлеборобов оказывался порой гораздо надежнее книжных знаний.

Правда, каждому было ясно, что девушку нельзя было обвинить в отсутствии желания или старательности. Наоборот, трудно было во всем совхозе найти человека, который бы проводил в поле столько времени, сколько Нино. Но результаты далеко не всегда соответствовали нашим желаниям. Нино увлеклась проведением всевозможных опытов на своем участке, порой словно даже забывая, что она находится на своем рабочем участке, а не на институтской практике.

Однажды даже Сандро, не выдержав, сделал ей замечание.

— Нино, — начал он, стараясь не обидеть девушку, — мне кажется, что ты еще не достаточно ясно разобралась в своих обязанностях.

— Не считай меня маленькой девочкой, я сама знаю, что к чему, — вспыхнула Нино.

— Ты, конечно, уже не девочка, а полноправный агроном. Однако порой мне кажется, что ты считаешь себя научным работником ботанического сада, а не начальником совхозного участка.

— Тебе кажется, что я уделяю своему участку недостаточно внимания? — окончательно разобиделась девушка.

— Нет, я вовсе не хотел этого сказать, однако на других участках:

заканчивают весенний сев, а ты только начинаешь вносить удобрения. Правда, эксперименты — вещь хорошая, но для нас прежде всего план

Расстроенная девушка не смогла сдержать слез.

— Плохо ты меня знаешь... — всхлиывая, проговорила она. — Ты думаешь, для меня... только опыты, только личный успех... — Но слезы не дали ей договорить, и она убежала, закрыв лицо руками.

Вечером, после того, как закончилось совещание у Саба и все разошлись, Нино осталась в его кабинете. Возмущенно рассказала она о своем разговоре с Сандро. Потом замолчала, ожидая, что скажет старший, уважаемый ею человек. Но Саба долго не произносил ни слова, — казалось, он обдумывает, взвешивает каждое предложение, которое собирается произнести. Наконец он заметил, что, если молчание затянется еще на минуту, Нино не выдержит и заплачет, и заговорил:

— Опыты, эксперименты, поиски — разумеется, не только полезны, но и необходимы. И тот, кто отрицает это, не видит ничего дальше своего носа. Но не думаю, чтобы Сандро не понимал этого. И — ты уж на меня не обижайся, Нино, не называй в душе черствым, недальновидным делягой, — но я скажу, что мне по душе то, что он говорил. Наша главная задача — выполнить обязательства, которые Вардианский совхоз взял перед государством. А твои опыты нам очень пригодятся, конечно, если будут идти не в ущерб работе. Ищи, дочка, и в свободное время и я, и Сандро и все остальные с удовольствием тебе поможем.

Саба встал, обошел широкий письменный стол, подошел к девушке, у которой щеки покраснели, а глаза были полны слез, положил обе руки ей на плечи и закончил:

— Так-то, Нино, дорогая. Иди, подумай над тем, что произошло. А на будущее крепко-накрепко запомни: если люди недовольны тобой, твоей работой, пересмотри все свои дела, найди ошибку — народ зря слова не скажет. Сама знаешь, вардианцы полюбили тебя, но кривить душой они не умеют. Так-то, дочка, — повторил он.

...Нино возвращалась одна, глубоко задумавшись. Ей сейчас не хотелось никого видеть, ни с кем разговаривать. И обида постепенно тонула в этой глубокой, спокойной тишине, охватившей предвечерний мир. Внезапный резкий шум вывел девушку из задумчивости. Она довольно долго с недоумением оглядывалась вокруг, не могла понять, где она находится. Машинально следуя по извилистой проселочной дороге, Нино забрела к дальнему полю. За поворотом она увидела машину, возле которой кто-то копошится, присев на корточки. Нино узнала Котэ.

— Что случилось, машина стала? — спросила девушка.

Услышав ее голос, Котэ оглянулся и быстро залез под машину так, что из-под нее торчала только его голова.

— О, Нино, это ты? — проговорил он с деланным удивлением, словно только теперь заметил девушку. — Здравствуй, как себя чувствуешь?

— Я-то ничего, а вот что с машиной?

— Стала, проклятая! — в сердцах ругнулся Котэ. — Налетела на камень, видно, дифер сломался.

— Что ж, — вздохнула Нино, — а я думала, что ты подвезешь меня. Впрочем, мне не к спеху, я посижу где-нибудь в сторонке.

Девушка обошла машину кругом и вдруг заметила, что на ветке дерева висели измазанные в грязи брюки. Она весело расхохоталась:

никакой дифер, конечно, не ломался, просто машина увязла задними колесами в грязи, Котэ безуспешно пытался вытащить ее, приход девушки застал его врасплох, и теперь он не мог вылезти из-под машины в одних трусах.

— Выходи, Котэ, я отвернусь, — смилостивилась Нино над беспомощным юношей. — Недалеко трактор работает, попроси тракториста — поможет...

...Вечер наступил неожиданно, сумрак опустился сразу, как это всегда бывает в Кахетии. Повеяло прохладой. Нино зябко повела плечами и подняла окно кабины. Трогательное и удивительно женственное движение девушки не укрылось от сидевшего за рулем Котэ. Только сейчас почувствовал он со всей ясностью, что сидит рядом с девушкой, которая ему нравилась, что они совсем одни. Ему захотелось петь, смеяться, руки крепко сжали баранку. В горле что-то защекотало. Он смущенно кашлянул и, чтобы нарушить казавшееся ему невыносимым молчание, хрипло заговорил:

— Ты не проголодалась? — Это было первое, что пришло ему в голову.

Бросив искоса лукавый взгляд на соседа, девушка ответила:

— Еще как! А у тебя есть что перекусить?

— Хоть бы закусочная какая-нибудь была поблизости, — с облегчением ухватился за спасительную тему Котэ. — Впрочем, заедем к паромщику. Мы с ним давние друзья, уж он сообразит что-нибудь ради такого случая...

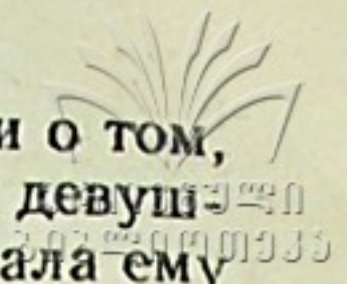
Старый паромщик от души обрадовался неожиданным гостям — много людей приходилось видеть ему за день, но каждый при деле, каждый куда-то спешит, торопится, едва успеешь перекинуться парой слов с кем-нибудь, глядишь — его уже и след простыл. И теперь одинокий старик радушно выставил на стол все свои нехитрые запасы: крупного сома собственного улова, свежие шоти, зелень с огородика, который он разбил здесь же, у берега, кувшин вина. Нино с удовольствием ела, не отказалась и от стаканчика вина, которым потчевал гостей хлебосольный хозяин. Радости Котэ не было предела. Он не отрывал глаз от развеселившейся девушки, время от времени машинально подкивая паромщику, который обрадовался появлению покладистых собеседников и теперь излагал им свои взгляды на международное положение.

День, наполненный работой, переживаниями и приключениями, утомил Нино.

— Котэ, я отдохну немного, а потом поедем, можно? — попросила она.

И мог ли найтись на свете человек, который отказал бы любимой девушке в подобной просьбе. Котэ сейчас же вынул из кабинки сидение, приладил его, чтобы девушке было удобно, в тени огромного стога свежескошенного сена. Нино прилегла на траву, и скоро усталость смежила ей глаза. Пара стаканов вина, выпитых Котэ, придала ему смелости: он опустился рядом с девушкой, молча, пристально разглядывая ее лицо. Настойчивый взгляд разбудил девушку. Так же не нарушая молчания, она широко открыла свои задумчивые черные глаза и устремила их на юношу, словно спрашивая: «Ты что-то хочешь сказать?»

Многое хотел сказать Котэ: и о том, какой сегодня чудесный тихий весенний вечер: и о первой звезде, загоревшейся за рекой над самым

горизонтом; и о чувстве огромной радости, переполнявшем его, и о том, что он любит ее, самую красивую, самую хорошую во всем мире девушку... Многие хотел сказать Котэ. Но какая-то странная сила сковала ему челюсти. Он не может сказать ничего этого, и только губы сами по себе, совершенно произвольно произносятся:

— Ты больше не голодна, Нино?

Он краснеет, он знает, что это страшно глупо и смешно. Но девушка не смеется, ее внимательные, серьезные глаза совсем близко. Они смотрят изучающе — неужели ей удалось прочитать в его взоре самое сокровенное, то, о чем он думает и мечтает, тысячи раз повторяет, оставаясь наедине, и не может произнести, когда рядом с ним она?

Нино медленно покачала головой. Вот ее глаза все ближе, они кажутся еще больше, какие они необыкновенно большие и лучистые! В них уже нет вопроса, словно девушка поверила: это — настоящее, на всю жизнь. И вот Котэ уже склонился к самым губам Нино — влажным, полуоткрытым. «Мы будем всегда вместе», — хочет сказать он. Но опять не может произнести те слова. А может, слов и не нужно — они задали друг другу все вопросы, получили все ответы.

...Так же молча простились они у двора Нино. Тихонько скрипнула калитка, словно и она не хотела нарушать торжественной тишины, царившей над миром. Но чуткое ухо Дусы уловило этот скрип. Накинув одеяло, она взволнованно выглянула в дверь.

— Где ты была столько времени, моя девочка? Не случилось ли чего-нибудь плохого?

— Не бойся, Дуса, ложись спать, — ответила Нино. — Все очень хорошо.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Сандро, хоть и сделал Нино довольно резкое замечание, не сердился на нее: глядя на молодого агронома, он вспоминал свои первые шаги, когда после окончания сельскохозяйственного института он начал практическую работу. Скорее даже наоборот — Сандро боялся, чтобы девушка не обиделась на него, не расстроилась и не забросила свои во многом интересные и полезные опыты.

Однако, встретив Нино впервые после того памятного дня, Сандро не заметил, чтобы она предавалась грусти и отчаянию. Напротив, Нино оставляла впечатление счастливого и довольного жизнью человека. При встрече девушка ни словом не напомнила о стычке. Как ни в чем не бывало протянула она Сандро четко разграфленный листок бумаги: это был составленный ею план вспашки на участке. Сандро пробежал план — он был составлен толково, со знанием дела. «Видно, урок впрок пошел», — хотел сказать он девушке в обычном полушутливом тоне. Но, взглянув на нее, сдержался — какое-то выражение тихой сосредоточенной радости на ее лице заставило его промолчать.

В последние дни Нино все время жила странной двойственной жизнью: разговаривала с людьми, выполняла все свои обязанности, спорила, отвечала на шутки и в то же время все время ощущала в себе недоступный ни для кого собственный мир счастья.

С этим чувством она, завершив утренние дела, собиралась выходить из своего кабинета, когда дверь открылась и показалась встрепанная голова Гуджа. По его опухшему, помятому лицу, по острому смешанному запаху чеснока и водки нетрудно было догадаться, что он тоже

завершил привычную для себя утреннюю «заправку». Увидев, что Нино в комнате одна, он шагнул через порог и прикрыл за собою дверь.

— Доброе утро, товарищ Нино!

В его необычной напускной вежливости чувствовалась скрытая насмешка.

— Что тебе надо? — спросила Нино, направляясь к выходу. — Говори скорей, мне некогда.

Но Гуджа не собирался уступать дорогу: раскинув руки, он загородил дверь:

— Э, нет, товарищ агроном, вам придется выслушать рядового труженика. Я, конечно, прошу прощения, если оторвал вас от важных дел — вы большой начальник...

— Довольно болтать, говори о деле, — прервала его девушка.

— Сейчас и о деле поговорим, мадам, а пока присядем. — Девушке пришлось уступить.

— Хватит дурака валять, слушай меня, — внезапно сделавшись серьезным и трезвым, продолжал Гуджа. — Ты слышала, сельсовет постановил отобрать у нас половину приусадебного участка и дома.

— А я-то здесь при чем?

— Ах, ни при чем! — вспылil шофер. — Пока тебя здесь не было, никому и в голову ничего не приходило. А теперь ты, верно, всех на свою сторону перетянула — и Сандро, и Саба, небось и в райисполком бегала. Добром тебе говорю — отступись, не то хуже будет.

— Я же говорю — моей вины ни в чем нет. А если спросят — я правду расскажу и о доме вашем, и обо всем. Потом пусть решают по закону.

— Тебе по закону жить хочется? Что ж, попробуй. Пока же подпиши мне путевку на один рейс — всего-то на пятьдесят рублей дело. После того, что у нас отнимают по твоей милости, это гроши...

— Но ведь это обман! — Нино была скорее удивлена, чем рассержена, настолько неожиданно и поразительно было для нее предложение Гуджа.

— А ты-то — честная?! — зловеще зашипел тот. — Все я о тебе знаю, милая, все! Так что ты не очень заносись, а то... — Он наступал на девушку, раскинутые в стороны руки угрожающе покачивались на ходу, словно он собирался заключить ее в свои железные клещи.

— А то — что?! — Возмущенная Нино отталкивала от себя Гуджа, от которого несло бензином, маслом и водочным перегаром.

Она размахнулась, чтобы ударить его, но Гуджа уклонился, и девушка больно ударилась о стену. Гуджа трусливо огляделся — не видел ли его кто-нибудь — и предпочел за лучшее потихоньку удрать.

Долго сидела Нино, опустив голову, спрятав в ладони пылающие от обиды и возмущения щеки. Чего хотел Гуджа, чем угрожал, на что намекал своей грязной двусмысленной улыбкой? Что он может знать? Неужели, Котэ... А если все стало известно Гуджа, значит об этом знает вся деревня! Сердце девушки билось часто и неровно, как у зажатого в кулаке воробышка. Кто знает, сколько времени просидела бы еще девушка так, не двигаясь, если бы ее не вывели из задумчивости громкие голоса трактористов.

— Эй, Нино, где ты там запропастилась?

— Агроном, погляди, какие борозды мы на твоём участке сделали — ровные, глубокие, точно по линейке!

— Видать, нет ее здесь: уже на участок убежала...

И как завершение этого краткого разговора прозвучала произнесенная кем-то вполголоса фраза:

— Хорошая она девушка, светлая, вся так и лучится, как солнышко.

Нино вздрогнула, словно пробудившись от долгого сна, провела рукой по лбу, потом упрямо тряхнула головой, словно отбрасывая от себя неприятные воспоминания, и решительно отворила дверь на крыльцо. В полумрак темной комнаты агронома ворвался яркий сноп солнца, пылинки беспорядочно заметались в потоке лучей и в смятении устремились к темным углам...

На пути ей встретилась Мзекала. «Начальница шоферов!» — вспомнила Нино шутливое прозвище своей подруги, и в ее памяти непроизвольно возникло одутловатое лицо Гуджа с мешками под глазами.

— Что случилось, Мзекала? — спросила Нино, заметив, что Мзекала тоже была чем-то расстроена.

— И не спрашивай, — горячо отозвалась девушка, словно обрадованная возможностью поделиться своим возмущением. — Я готова разорвать на части этого Гуджа, пусть только он мне попадется.

— Чем же он еще отличился?

— А чем может отличиться шофер — очередная авария. Я даже не могу вспомнить, какая по счету!

— Видно, пьян был, как всегда.

— Больше, чем всегда, — Мзекала безнадежно махнула рукой. — Он с этим бездельником Кола пробрался потихоньку в марани, пробили гвоздем дно винной бочки и по очереди тянули оттуда вино, словно телята-близнецы. Можешь себе представить, до чего они перепились, если не могли узнать друг друга. И в таком виде Гуджа пролез в гараж, уселся в новенькую машину, — только что получили ее из Кутанси, прямо с автозавода, еще и пятисот километров не прошла — и погнал. Была бы я тогда в гараже — показала бы ему, как пьяным за баранку садиться. Только заболталась, как на грех, в бухгалтерии. Прихожу, и мне сообщают приятную новость — Гуджа свалился в кювет и машину разбил.

— А сам? — не выдержала Нино.

— С таким ничего не делается. И как ухитряются они, не понимаю: от машины одни колеса остаются, а шоферам-пьянчужкам хоть бы что, ни одной царапины. Так и Гуджа — руку только вывихнул: через два дня снова с собутыльниками гулять будет. — Мзекала снова махнула рукой, выражая свое полное презрение к подобным типам. Потом без всякого перехода, как это бывает с людьми, всегда и при любых обстоятельствах помнящих о своей работе, внезапно переменяла тему разговора:

— Известь и купорос на твой участок вовремя ребята привезли?

— Большое спасибо, Мзекала, они подспели, как говорится, прямо с ложкой к обеду.

— Что ж, не за что благодарить. Мы, шофера, всегда готовы человеку на помощь прийти.

Нино улыбнулась:

— Какой ты шофер — девушка инженером работаешь, институт кончила!

— А с шоферами, будь ты хоть профессором, все равно сам шо-

фером захочешь стать. Такой это народ — веселый, работающий, дружный, конечно, если не считать таких выродков, как этот Гуджа.

Агроному понравилась скромность и простота подруги, ее преданность любимому делу. Нино и сама передумала сейчас идти домой, решив еще раз взглянуть на свой участок. Но по пути вспомнила, что не мешало бы поговорить с главным агрономом о повторном окучивании лозы. Анания еще утром как-то говорил, что Сандро будет обедать у него. Там и решила Нино поймать Сандро. О делах поговорит, а заодно повидает и Котэ... Впрочем, Нино где-то в глубине души мечтала об этой возможности, но ни за что даже самой себе она не хотела бы признаться в этом. Конечно, только деловой разговор с главным агрономом был единственной причиной того, что Нино свернула со своего пути и довольно нерешительно приоткрыла калитку дома Анания. Там никого не было. Только Магдана хлопотала на заднем дворе у пылающего очага. Заметив гостью, она быстро спустила закатанные рукава платья и поспешила навстречу девушке.

— Заходи, Нино, заходи! Ты, дочка, совсем забыла нас.

— Некогда, тетя Магдана, дел по горло. Целыми днями на участке, мы еще пахоту не закончили.

— Анания уже давно вспахал у себя, а ты чего припоздала?

Магдана удивилась.

— Не послушалась старших, мудрить начала у себя на участке, вот и приходится теперь других догонять.

«Хорошая она девушка, — ласково думала Магдана. — Прямая, откровенная, — другая бы на ее месте ни за что не признала за собой вины. А такая, как она, и ошибку свою выправит, и еще других со временем поучит...» А вслух говорила:

— Ты, верно, проголодалась, дочка! Подождем немного, подойдут наши мужчины, вместе и пообедаем. Еще и Сандро должен прийти. Не забыть бы мне в марани за вином сходить... Пойду-ка я, а ты, Нино, за огнем пригляди, чтобы не погас..

Скоро Магдана вернулась и стала расставлять на столе глиняные кувшины с вином, время от времени бросая нежные взгляды на присевшую у огня девушку.

— Тетя Магдана, я помогу вам, — встрепенулась Нино.

— Сиди, сиди, ты и так за день набегалась, устала, я уж сама как-нибудь справлюсь.

Нино улыбнулась:

— Одного человека ждете в гости, а столько посуды поставили, как на свадебном столе.

— Эх, дочка, мы всегда так обедаем, а если доведет господь моему Котэ свадьбу справить, такой стол накроем, что врагам завидно станет, — Магдана вздохнула и так выразительно поглядела в сторону гостьи, словно хотела сказать: «Привел бы сын в семью такую девушку, как ты, я бы от счастья к небу взлетела. И где только глаза у него, чего смотрит. Впрочем, вы, молодежь, сами свое дело знаете». Как красноречив может быть взор матери, когда она думает о счастье сына!

Нино, покраснев, молча опустила глаза.

— Дочка! — еле слышно прошептала Магдана, и столько ласки, столько нежности услышала Нино в этом слове, столько забытого материнского тепла, что слезы сами собой появились на ее ресницах. Девушка стряхнула их и улыбнулась так же, как улыбалась она Котэ в тот памятный вечер.

Во дворе слышались громкие голоса мужчин.

— ...Вот и мне кажется, Сандро, — говорил Анания, — что опыты Котэ на участке закончились успешно.

— Об успехе поговорим, когда урожай соберем, — поддразнил главный агроном.

— Что?! — вскипятился Анания. — Ты еще не веришь! Сам ведь видел, что те полгектара, которые мы обработали по-новому...

Магдана усмехнулась, заговорщически глянула в сторону Нино и заторопилась навстречу мужу.

— Входите, входите, нечего посреди двора стоять, — захлопотала она. — И что за характер у моего муженька — позвал человека в гости, а сам не дает покоя, деловыми разговорами донимает! Ты, Сандро, не слушай его, прямо за стол садись...

Предводительствуемые хозяйкой, мужчины вошли в столовую. Нино вежливо поздоровалась с Анания и Сандро. Когда же вслед за ними появился все время сохранявший молчание Котэ, она почувствовала, как горячая волна прилила к ее щекам.

В течение всего обеда Анания не мог успокоиться, то и дело пытался вновь завязать деловой разговор с главным агрономом, но Магдана тотчас же прерывала его. Что же касается молодежи — Нино и Котэ — то они ничего не слышали, никого не замечали, кроме друг друга. Закончился обед, когда уже начинало темнеть. Как сигнал наступившего вечера, прошелестел по листьям один-единственный порыв ветра. И сразу же все стихло, словно солнце, спрятавшись за горизонт, взяло с собой дневные звуки.

Нино и Котэ вышли в сад. Они шли молча, не глядя друг на друга. Девушка многое хотела сказать, и прежде всего ей надо было узнать, на чем основывались непонятные намеки Гуджа, сопровождаемые грязноватой улыбкой. Неужели Котэ?.. Нино искоса глянула на молча идущего рядом юношу. Потом вдруг взмахнула рукой, хлопнула себя по плечу.

— Что случилось? — нарушил молчание Котэ.

— Комар, — односложно ответила девушка. Она не знала, как начать разговор. Наконец, решила начать без всяких предисловий: — Котэ, помнишь, в тот вечер мы условились говорить друг другу обо всем без утайки. Я хочу задать тебе один вопрос и прошу также прямо ответить на него.

Нино рассказала о том, что у нее произошло с Гуджа, но долго не могла напрямик спросить: «Не рассказал ли ты кому-нибудь о том вечере?» Котэ, всплыв, грозно озирался кругом, словно на Нино собиралась напасть шайка разбойников и он должен был защитить ее. Во всяком случае, если бы сейчас ему под руку подвернулся Гуджа, его судьбе нельзя было позавидовать. Однако юноша чувствовал, что Нино чего-то недоговаривает.

— Скажи, что еще болтал этот пьянчужка. Я у него за все ответ спрошу!

Нино поняла, что Гуджа все выдумал, и Котэ к этому никакого отношения не имеет. Поэтому ей уже не хотелось говорить о своих подозрениях — вспыльчивый Котэ мог всерьез столкнуться с Гуджа, и, кто знает, к чему все это могло привести. Однако, вспомнив о волнениях и подозрениях того дня, девушка не смогла больше сдерживаться — уткнувшись, как маленький ребенок, в грудь Котэ, она разрыдалась. Рас-

терявшийся Котэ не знал, как успокоить Нино. Он бережно обхватил ее за плечи, и они пошли по темной сельской дороге.

Тишина. Только одинокая дворняжка облаяла какого-то запоздавшего прохожего. Но вот не слышно больше ее лая, затихли и шаги. И кажется, что под этим бесконечным звездным пологом только они одни на свете идут в обнимку по проселку. Котэ готов был так, рядом с любимой, пройти по всем дорогам мира, трижды обойти земной шар, преодолевая все препятствия, которые встретятся им на пути.

Внезапно из ночного мрака бесшумно выступила какая-то темная тень.

— Это ты, Нино? — раздался голос.

Нино узнала Дусу, свою квартирную хозяйку. Молодые люди и не заметили, как наступила глубокая ночь, кто знает, сколько часов проходили они под безмолвно перемигивающимися звездами. И беспокойное сердце старой женщины не выдержало, заставило покинуть теплую постель и отправиться на поиски своей жилички, которую Дуса полюбила, как родную дочь.

— Я, Дуса, я, — виновато ответила Нино. — Попала на обед к Анания и засиделась, — начала оправдываться она.

— И не страшно тебе, молодой девушке, на безлюдной дороге, за полночь?..

Нино счастливо рассмеялась:

— А я не одна — Котэ, сын Анания, вызвался провожать меня.

Котэ молча стоял в отдалении, надеясь в глубине души, что его могут не заметить. Теперь он выступил вперед и что-то невнятно залепетал:

— Я... Мы с Нино... И нечего бояться за нее... Я...

— Ну, вы идите, идите, — понимающе закивала Дуса. — Что вам меня, старуху, ждаты, у вас ноги молодые, быстрые, идите вперед. Мезя-то никто не похитит.

И Нино с Котэ продолжали свой путь. Правда, они все время помнили, что где-то сзади семенит за ними старая Дуса. Но даже это не помешало им потратить больше часа на дорогу длиною в десять минут. И когда Нино добралась наконец до дома, она увидела, что Дуса спокойно спит на своей кровати.

Нино улыбнулась и ласково поцеловала спящую женщину.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Котэ проснулся с криком петухов. Утомленное бессонными ночами и долгими прогулками тело долго сопротивлялось пробуждению. Юноша крутился в постели, пытался устроиться поудобнее и соснуть хотя бы еще часок, но сознание уже высвободилось из-под оков сна и властно приказывало приступить к дневным делам.

Когда он вышел во двор, было еще темно. Быстро бегущие по небу облака не закрывали склонившейся к горизонту луны: казалось, они старательно обходили ее, чтобы ненароком не задеть в своем стремительном беге к какой-то неведомой цели. Чуткие тени, пересекавшие двор, дрожали и трепетали в ожидании рассвета. С лощины тянул сыроватый холодный ветер.

Окончательно проснувшись от бодрящей предрассветной свежести, Котэ вспомнил, что собирался менять покрышку. Машина стояла тут же,

во дворе: решив заняться этим делом с утра. Котэ специально приснажил ее вечером из совхозного гаража.

Решительно подойдя к машине, он открыл дверцу, вытащил из полусиденья все необходимые инструменты и аккуратно разложил их. Однако стоило ему бросить один-единственный взгляд на окружающую красоту, как его деловое настроение моментально испарилось. Лунный свет казался сказочно прекрасным. Он сиял на древесных кронах, словно каждая из них была специально освещена опытным мастером световых эффектов. И в этот волшебный предрассветный час, час ежедневно повторяющегося чуда, люди безмятежно спят, ни о чем не подозревая. Нет, он должен поделиться своим замечательным открытием с кем-нибудь.

С кем-нибудь? Нет, конечно, только один-единственный человек на всей земле достоин разделить с ним этот торжественный миг... И Котэ с удивлением заметил, что еще раньше, чем он успел подумать обо всем этом, ноги сами понесли его по знакомой дороге, тысячу раз пройденной и утром, и вечером, и глубокой ночью.

Внезапно чьи-то приглушенные голоса привлекли внимание Котэ. Он уже был возле самого дома Нино. Голоса раздавались глухо и неразборчиво, говорящие были скрыты тенью высокой изгороди, сплошь поросшей повителем.

— Мы заставим эту девчонку пожалеть о той минуте, когда она приехала в наше село, — Котэ скорее догадался о смысле сказанного, чем отчетливо разобрал его.

Кто бы мог быть здесь в этот глухой час? Ясно, что не друг. Юноша готов был поклясться, что догадывается, кому это понадобилось нарушать сон ни о чем не подозревавшей девушки. Конечно, тут не обошлось без Гуджа! Но, судя по голосам, там должны скрываться двое. Кто же они? И что они собирались делать? И что следовало предпринять ему, чтобы разоблачить злые намерения этих людей и в то же время не повредить доброму имени девушки. Если бы под окнами молодого агронома подрались мужчины, неизвестно почему оказавшиеся здесь в этот час, вардианские кумушки получили бы отличную пищу для всевозможных догадок и пересудов. Но как быть? Нельзя ведь сделать вид, что ты проходил здесь случайно!

Между тем, пока юноша размышлял, ночные гости продолжали переговариваться между собой:

— Скорей, уже светает!

— Вот ее окно, слева, не перепутай, а то попадешь к Дусе, с этой старухой лучше не связываться.

— Как-нибудь разберусь, где лево, а где право!

— Значит, заберешься в комнату и станешь мяукать, а когда она проснется, скажешь: «Убирайся, откуда приехала!» Говори так, чтобы она не разобрала — черт это или привидение...

— Да ладно уж, так пугану, что ничего разобрать не сможет! — И Котэ увидел, как черная тень тяжело перевалилась через изгородь. Ветви зашумели, зашелестели листья, взволнованно переговариваясь между собой. И все стихло. Медлить больше было нельзя. «Надо действовать!» — сказал себе Котэ. Он уже решил, как поступит, и теперь старался не обратить на себя внимание второго злоумышленника, оставшегося на карауле...

Отчаянный женский крик прорезал настороженную тишину.

— Стой! — кричала Дуса. — Стой, я тебе говорю, не то худо бу-

дет) — Определив по шуму, что забравшийся в ее комнату человек собирается улизнуть, она, не раздумывая, схватила свой башмак и изо всей силы швырнула в ту сторону, откуда раздавалось учащенное дыхание. Короткий стон подтвердил, что она не промахнулась.

«Ну, конечно, этот дурень попал к старухе», — пробормотал стоявший под изгородью мужчина.

Безнадежно махнув рукой, он собирался удрать — в таких случаях не до товарищеской выручки, лишь бы собственную шкуру спасти! Но звук подъехавшей машины и ослепительный свет зажженных фар пригвоздил его к месту.

— Сюда! — обрадовалась подмоге Дуса. — Вот он, вор, я держу его.

На крыльцо выскочила полуодетая испуганная Нино, ничего не понимающая спросонок. Открывшаяся ее взору картина заставила девушку изумленно раскрыть рот. Выскочивший из машины Котэ держал за ворот Гуджа, который, как червяк на крючке, извивался под ярким светом автомобильных фар. Из комнаты пристыженно, опустив голову, появился Кола под охраной Дусы, державшей в качестве оружия второй башмак.

— Я поймала вора! — торжествующе объявила она. Разглядев своего нежданного помощника, старая женщина добавила: — Ты вовремя проезжал на своей машине, сынок, спасибо тебе. А теперь — вези их в милицию!

Котэ подошел к Кола, посмотрел ему в глаза:

— А ты чего ради связался с этим подонком? — и добавил: — Теперь бегите оба отсюда, и чтобы вы около этой девушки близко не появлялись, не то — пеняйте на себя!

Женщины удивленно переглядывались, ничего не могли понять. Кола уразумел одно: надо поскорее убираться, и одним прыжком, как кузнечик, скрылся в темноте. Гуджа долго оглядывался, что-то бормотал, а на его лице странно смешивались выражение злобы и трусость.

Промчалась по тенистой сельской улице машина, давно простыл след двух неудачливых дружков, а Дуса и Нино все не могли успокоиться. Особенно волновалась старая женщина: волна лихой, отчаянной отваги, охватившей ее при виде «вора», схлынула, и теперь она со всей ясностью представляла, какой опасности подвергалась ее жизнь по вине беспокойной жилички.

— Одни хлопоты с тобой, — ворчала она, — то тебя среди ночи по всему селу искать надо, а теперь еще молодые люди с предрассветными визитами пожаловали. Говорила я тебе, — одинокой девушке на селе не прожить, выходи замуж, а чужих парней в мой дом не приваживай.

Нино от возмущения долго не могла ничего ответить, наконец заговорила хриплым, прерывающимся голосом:

— Что ты говоришь, Дуса!? Кто их приваживал? Грешно тебе так думать обо мне. А замуж когда выходить, я уж сама решу.

— Не может девушка одна жить, — не унималась, однако, хозяйка. — Небось многим голову кружила, вот они и столкнулись сегодня. Эх, была бы ты моей дочерью...

— Дуса! — снова прервала девушка ее рассуждения. — Думай, о чем говоришь. Я тебя люблю и почитаю, но такого даже от матери не стерпела бы. — И порывисто поднявшись со стула, чтобы не показать Дусе хлынувших из глаз слез, убежала в свою комнату.

— Пстой, девушка, куда ты? — встрепенулась Дуса. — Что на меня, старуху, обижаться? Может, и сболтнула я чего-нибудь с пересуду, да ты не ко всему прислушивайся...

Но девушка уже ничего не слышала. Расстроенная и взволнованная всем происшедшим, она не могла сдержаться. Рыдания подступали к горлу. Нино стала торопливо доставать из шкафа свои платья, приготовила чемодан. «Уйду, уйду отсюда!» — твердила она себе. Но руки не слушались ее, дрожали. Тогда, накинув на плечи платок и оставив все в своей комнате как было, она стремглав бросилась с крыльца и помчалась прочь. Растерявшаяся вконец Дуса услышала только:

— За чемоданом пришло потом!

— Пстой, куда ты, Нино! — Но та уже пропала в сером мареве рассветного тумана. Звезды одна за другой тонули в этом тумане, и скоро он смазал ночные краски над Вардиани, утверждая свое всемогущество, окутал все кругом. Казалось, ничто не сможет пробиться сквозь плотную давящую завесу. Но первый — еще такой робкий и несмелый — утренний луч рассек туман, и скоро, разорванный в мелкие клочья, он в панике устремился прочь, в ложбины и овраги, безуспешно пытаясь спрятаться от победного наступления дня.

Нино бежала по проселку, не замечая ничего кругом. Куда? — Она и сама не могла бы ответить на этот вопрос. Запыхавшись от бега, она вынуждена была остановиться, перевести дух, и только тогда смогла обдумать свое положение. Оглядевшись, девушка заметила, что сгораяча пробежала из конца в конец через все пустынное село. Неподалеку виднелся дом Мзекалы.

«Шоферская начальница» удивилась неожиданному и неурочному посещению подруги.

— Нино?! — она не смогла скрыть тревоги. — Что случилось, почему в такую рань? Ты с участка?

— Нет, со своей квартиры. Вернее — с бывшей «своей». Не волнуйся, ничего не произошло. Просто я поссорилась с Дусой и ушла.

— Из-за чего было вам ссориться? — недоуменно пожала плечами Мзекала.

— Так, пустяки...

По односложному ответу подруги Мзекала поняла, что сейчас не время докучать ей расспросами. Она начала готовить завтрак с таким видом, словно визиты подруг в этот ранний час — самое обычное для нее дело...

Когда Нино подходила к конторе, ей навстречу попался Степане. Хитрое выражение его маленьких маслянистых глазок показалось девушке подозрительным: видно, не случайно произошла эта встреча, и вовсе не преданность работе заставила старого складчика в такую рань покинуть свою теплую постель.

— Здравствуй, Нино! — голос его звучал ласково и вкрадчиво. — Как поживаешь, зачем не заходишь, совсем забыла нас.

— Не так уж вы рады были бы моему посещению!

— Зачем так говоришь, дочка. Ты, как никак, наших корней, а старые люди говорили, что яблоко от яблони недалеко падает. Еще Джамбар, дед твой, жалел, что гибнет единство нашей семьи. Но не мы были виноваты — жизнь так сложилась, ничего не поделаешь. Вот и отец твой вынужден был покинуть родное лоно, — Степане говорил вежливо, «по-городскому». Нино не могла понять причины его разговорчивости и с нетерпением поглядывала на часы.

— Торопишься, Нино? — заметил ее нетерпение складчик. — Ну, не буду больше тебя задерживать. Только, смотри, заходи к нам почаще. Не забывай — ты моя племянница, а с Гуджа вы должны быть как родные брат и сестра...

— Ничего себе — хорош братец, ночами мне хулиганов подсылает. Лисьи глазки Степане метнулись в сторону и снова стали в упор буравить Нино.

— Молод он еще, не остепенился. Ты уж прости его по-родственному, не жалуйся. А то, знаешь, начнут тебя таскать по судам и милициям — не обрадуешься. Да и лоботрясу моему ничего хорошего не будет. Я уже устроил ему баню, так что ты в милицию не сообщай... — Степане просительно понизил голос. — Хочешь, он придет, извинится перед тобой, а ты обругай его как следует, поучи. Только не жалуйся...

— Сама я никуда не заявляла, — брезгливо поморщившись, ответила Нино. — Но если спрашивать будут — я все расскажу, как было.

— Вот-вот, — засуетился складчик. — Сама не заявляй, а противозаконного я у тебя ничего не прошу...

Когда Степане отворил калитку своего двора, казалось, что это совершенно другой человек: куда девались его льстивая улыбка, семенящая походка, просительно-виноватый взгляд. Домой пришел хозяин — властный, расчетливый, жестокий. Гуджа заметил его из окна и поспешил навстречу.

— Ну как? — издали спросил он.

— Пойдешь извиняться, — тоном приказа ответил отец. — Девка свою силу чувствует, ни на какие переговоры не шла. Болван, одного дела поручить тебе нельзя — обязательно завалишь.

— Сам бы и шел, — буркнул Гуджа.

— Молчать! — прикрикнул на него отец. — У меня своих дел достаточно. Вас, паразитов, прокормить не шутка. А ты, молокосос, с беззащитными женщинами справиться не смог.

Гуджа не собирался сдаваться и продолжал ворчать:

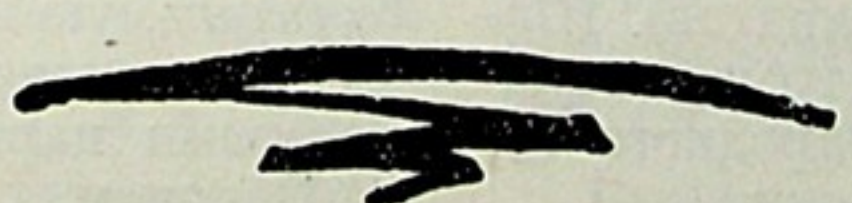
— И ты хорош, хапать все мастера, а как под удар ставить — тотчас обо мне вспоминаете.

Из комнаты донесся слабый голос больной Мелано:

— Хватит вам, вечно грызетесь, как собаки над одной костью. Принесли бы мне стакан воды, пить хочется...

— Некогда мне с тобой возиться, — огрызнулся Степане. — На склад опаздываю. И ты со мной, — крикнул он сыну.

Окончание следует

Эдмунд Османчик

польский публицист

Выборы... развлечение миллионеров?!

Мне довелось дважды, — как говорится, «своими глазами», да еще и вблизи — видеть предвыборную лихорадку в Соединенных Штатах, поэтому я несколько разбираюсь в странном механизме этого стопроцентно-американского представления и не удивляюсь тому, что за пределами Америки мало кто понимает, кто с кем борется и за что именно.

Поэтому я хотел бы рассказать читателям «Литературной Грузии» то, что сам знаю и видел.

Начнем с предварительного утверждения, что американские выборы очень нравятся детям. Взрослым выборы нравятся значительно меньше, и этим обусловлено то, что в голосовании принимает участие обычно меньше половины избирателей, а нередко и одна треть. Детям нравятся выборы потому, что в это время, в каждом населенном пункте, начинается многонедельная ярмарка рекламы обеих партий, а если дело происходит в Южных штатах, то одной партии. По улицам, под оглушающий грохот оркестра, шествуют слоны (символ республиканцев) или маленькие ослики (символ демократов). Шествия эти — яркие, пестрые, шумные — некая смесь народного гулянья и разудалой ярмарки.

Официальным организатором этого странного спектакля является концерт из двух еще более странных партий: республиканской и демократической. Если бы в Соединенных Штатах — по примеру всех других государств мира — организация выборов исходила от государственных органов, то, вероятно, тогда в США не

было бы никаких партий, а лишь местные комитеты поддержки кандидата «мистера Икс» или «мистера Игрек». Пожалуй, партии в США и возникли лишь для того, чтобы государство возложило на них обязанности по организации выборов. Разделение на партии происходит самым удивительным способом — путем добровольной регистрации граждан, готовых принять участие в голосовании. Избиратель может зарегистрироваться как демократ, республиканец или как независимый. Кроме выражения воли к регистрации, от него ничего больше не требуют, а следовательно и не понуждают ни подписывать идейной декларации данной партии, ни излагать своих политических взглядов. Фактически американцы регистрируются в качестве демократов, республиканцев или независимых либо по семейной традиции, либо ради компании, либо по личным интересам, по капризу, но никогда — в силу убеждений, ибо партийная линия всегда туманна и устанавливается только на период выборов, представляя собой так называемую «избирательную платформу», утвержденную съездом делегатов или так называемыми партийными конвенциями.

Впрочем, эта «линия» несущественна, поскольку американский гражданин становится членом той или иной партии лишь путем регистрации и не может быть исключен из партии другими членами, он может высказывать взгляды, какие ему заблагорассудится. Партийные собрания созываются только в предвыборный период, чтобы выдвинуть местных кан-

дидатов, а также избрать делегатов на партийный конвент. После такого «огромного усилия» жизнь партийной организации замирает на два года — до следующих выборов. Таков срок выборов в федеральный конгресс и конгрессы штатов. К этому необходимо добавить выборы судей и чиновников различных учреждений местных, окружных и штатов. В дополнение ко всему этому каждые четыре года, в тот же самый день, когда избираются вершители судеб города, округа, штата, американцы выбирают президента и вице-президента США.

Замечу кстати, что по этому случаю шум такого «народного» спектакля становится особенно оглушительным, но это ничего не изменяет в основном политическом облике Соединенных Штатов. В одном округе или штате под понятием «демократы» могут скрываться чистейшей воды расисты и фашисты, а «республиканцы» способны удивлять «светлостью» умов и прогрессивностью. В другом штате или округе может в то же самое время быть совершенно иная политическая ситуация.

Необходимость обобщений приводит к тому, что здесь привыкли говорить твердо: демократы на севере — либеральны, на юге — реакционны, а республиканцы наоборот. Но эти утверждения совершенно несостоятельны. Единственное обобщение, которое можно сделать без риска ошибиться, это то, что повсюду во время выборов обе партии стараются представить себя народу в качестве провозвестников всеобщего счастья, радости и развлечений. Яркие и пестрые цирковые манифестации, оркестры, красивые девушки, разбрасывающие конфетти и улыбки, а также «все для рекламы» и восхваления партийных кандидатов — таково народное представление, в полном объеме сохранившееся с XIX века. Это дорогостоящее развлечение финансируется миллионерами, видимо, за то, что они могут обогащаться за счет труда американского народа и в результате именно такой, а не иной избирательной системы.

Для того, чтобы стать кандидатом в Конгресс или в правительство штата, нужно иметь деньги, чтобы оплатить высокие затраты на описанную

выше народную забаву. Практически это означает, что надо либо самому быть миллионером, либо быть ставленником миллионеров. В 1960 году оба эти обстоятельства выявились во всей своей полноте на президентских выборах: миллиардер Джон Кеннеди борется с креатурой других миллиардеров — Ричардом Никсоном. То, что первый считается демократом, а второй республиканцем, мало что объясняет, если учесть, что нынешний президент Эйзенхауэр должен был стать кандидатом демократов в 1948 году, но в 1952 году неожиданно явился кандидатом республиканцев, а «республиканец» Никсон начал свою политическую карьеру 20 лет назад с записи в реестр демократической партии!

Не являясь присяжным членом партии, американский избиратель руководствуется своим собственным мнением о кандидате. Поэтому не имеет никакого значения тот факт, что в 1960 году в реестрах избирателей большинство имеют демократы. В 1956 году было точно так же, но «республиканец» Эйзенхауэр одержал верх, разумеется, за счет голосов... демократов! На это же рассчитывает в 1960 году и Ричард Никсон.

Тем не менее в этом году обстановка выборов является исключительно запутанной, поскольку в борьбу за кресло президента вступили два вполне равных по силе кандидата. Кроме того, многие данные указывают на то, что за кулисами предвыборной борьбы в настоящее время в Соединенных Штатах происходит какая-то перегруппировка. Это видно по расстановке сил отдельных капиталистических монополий США в связи с возрастающим могуществом электротехнической и химической промышленности, влияние которых теперь куда значительнее, чем у ведущей прежде стальной промышленности.

Выборы президента в этом году тесным образом связаны с направлением американской внешней политики и позиции США в мире. Это обширный вопрос, о котором не скажешь в двух словах, однако стоит напомнить следующее: на сей раз в американских выборах в меньшей степени сталкиваются домашние, внутренние вопросы, а в большей степени — проб-

лемы современного мира и современной атомно-ракетной техники.

Это столкновение более или менее равных сил и примерно равноценных кандидатов должно влиять и влияет на позиции американских избирателей, которые (по оценкам многих специалистов) задумаются, прежде чем решить, за кого им голосовать, и поэтому результат выборов до конца останется загадкой. Разве что, один из кандидатов совершит какую-либо исключительную предвыборную ошибку и даст этим самым в руки противника явное преимущество. Но оба кандидата — искусные политики и пользуются к тому же услугами отличных советников.

Кеннеди и Никсон являются представителями молодого поколения, которое выросло в период второй мировой войны, а сейчас все увереннее завоевывает позиции в политической жизни Соединенных Штатов, оттесняя ветеранов первой мировой войны.

Сорокалетние (с хвостиком) Кеннеди и Никсон имеют за своими плечами по 14 лет политической деятельности в палате представителей и сенате. Кеннеди сначала был конгрессменом, а затем сенатором, Никсон же конгрессменом, сенатором, а затем и председателем сената, ввиду своего положения вице-президента. Оба они «специализировались» на внешней политике и оба объездили все континенты: Кеннеди как частное лицо и богатый человек, Никсон в качестве официального представителя США. Оба обладают той пресловутой политической силой, с помощью которой располагают к себе избирателей. И если Кеннеди чарует своих поклонников успехами в бизнесе, Никсон увлекает их своими выступлениями.

Значительно различие и в их внешнем облике: Кеннеди стройный, красивый, «очаровательный», у него миловидная жена и трое детей. Никсон — несколько неуклюжий, с квадратной головой и грубо выступающей нижней челюстью, не импонирует американцам, к тому же и жена у него малопредставительная. Это немаловажное обстоятельство для избирательниц, имеющих определенный вес на выборах. Но важно другое: кандидаты показывают уже сейчас, что оба они — отличные организаторы предвыборного спектак-

ля и оба используют, по примеру Рузвельта, огромные «мозговые тресты», — коллективы советников, специалистов по вопросам политики, экономики и военным проблемам.

Сталкиваясь в предвыборной борьбе, оба кандидата пока избегают нападок друг на друга, но мне думается, что это — затишье перед бурей. То, что наблюдается в их отношениях сейчас, — это несомненно выжидание прояснения международной обстановки к осени текущего года. Если положение будет напряженным, то при неистовстве Никсона можно ожидать очень острого антисоветского выступления, что, конечно, не будет способствовать популярности Соединенных Штатов в мире и авторитету нового президента — безотносительно к тому, кто будет им: Никсон или Кеннеди.

Отношение к Советскому Союзу является сейчас узловой проблемой для обоих кандидатов, как, впрочем, и для всех граждан США, которые отдадут себе отчет в том, что грядущие годы могут стать решающими для отношений США — СССР.

То, что Никсон весьма непопулярен в СССР, — для одних избирателей является фактором негативным, а для некоторых других позитивным. Разумеется, Никсон пытается использовать это в качестве своего козыря, хвастаясь утверждением, что он для СССР страшнее. Но все здесь знают, что речь идет об ином: о соучастии Никсона в антисоветской политике правительства Эйзенхауэра, политике весьма неудачливой, поскольку она скомпрометирована аферами шпионских полетов над СССР и срывом парижского совещания глав четырех великих держав.

Избиратели знают также, что безотносительно к тому, кто станет президентом — Кеннеди или Никсон, — Соединенные Штаты будут вынуждены в ближайшие годы принять советский вызов о мирном соревновании. «Соревнования» же в гонке вооружений, которых ни Кеннеди, ни Никсон не собираются ослаблять (слишком сильны милитаристские силы в сегодняшних Штатах, чтобы какой-либо кандидат в президенты отважился противоборствовать им), останутся альфой американской политики, но омегой будет одновременно и мирное

соревнование. Могучее и бурное развитие экономики СССР и всей мировой социалистической системы заставит американский империализм принять мирный вызов Советского Союза.

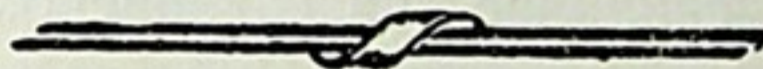
Поэтому не подлежит сомнению, что оба кандидата выйдут в последний бой не только с программой милитаризации, но и с предложением мирного соревнования с СССР. И если в военном соперничестве принципиальной разницы между Кеннеди и Никсоном не будет, то в концепциях мирного соревнования с Советским Союзом, между позициями Никсона и Кеннеди могут обнаружиться значительные расхождения.

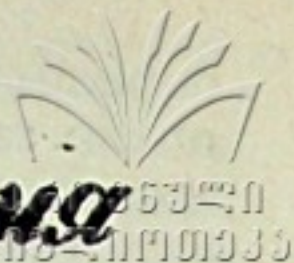
Близкие к Никсону и Рокфеллеру экономисты придерживаются более консервативных концепций, чем советники Кеннеди. Это объясняется тем, что последние являются выходцами из более либерального Гарвардского университета, абсолювентом которого был Кеннеди. Для будущего Америки решающим явится — если исключить самоубийственную военную авантюру — вопрос о том, какую концепцию мирного соревнования будет представлять и реализовывать новый президент США по имени Ричард Никсон или Джон Кеннеди, то есть глава США в период пятого десятилетия победного существования Советского Союза.

Именно поэтому ноябрьские выборы текущего года в США, — несмотря на то, что они по-прежнему носят характер народного развлечения, финансируемого миллионерами и мультимиллионерами, — стали весьма серьезным представлением не только для этой страны, но и для других. Для всего мира отнюдь не безразлично — имеет ли президент главной капиталистической державы ясную концепцию мирного сосуществования с главной социалистической державой, или он готов использовать скверную смесь из «холодной войны» и напряженного сосуществования.

Зная немного Америку, я опасюсь, что сами выборы ответа на столь жгучий вопрос не дадут: они слишком по-американски шумливы и отвлекающи, чтобы не деформировать выявляющихся тенденций. Ответ следует ожидать от нового президента только после выборов и то, по мнению многих специалистов, на второй или третий год его правления. Но по моему личному мнению, это станет ясно сразу же, поскольку в эпоху спутников нельзя откладывать решение таких острых проблем в долгий ящик, даже в старой, любящей спокойную игру в гольф Америке. Социализм не ждет. Он быстро шагает вперед.

ВАРШАВА

Вана Шадури

Неизвестные варианты комедии „Горе от ума“

Известно, что автограф окончательного текста «Горя от ума» не сохранился и бессмертная комедия Грибоедова десятки раз печаталась с искажениями и пропусками. Лучшим считается академическое издание сочинений великого писателя, осуществленное в 1913 году проф. Н. К. Пиксановым, хотя и в нем «Горе от ума» напечатано не по автографу, а по так называемым болгаринскому и жандровскому спискам.

Учитывая это обстоятельство, исследователи всегда придавали большое значение изучению различных вариантов комедии, особенно тех, на которых имеются поправки самого Грибоедова.

Одна из таких рукописей, с поправками автора, хранилась у малоизвестного русского литератора Алексея Петровича Опочинина (1807—1885), служившего в Грузии с 1826 года¹. К великому сожалению, рукопись была утеряна. Об этом сообщил еще в 1879 году грузинский литератор и общественный деятель Давид Георгиевич Эристави (1847—1890)². Воспоминания самого Опочинина были опубликованы два раза — исследователями А. Гачечиладзе (на грузинском языке)³ и Ш. Гозалишвили⁴.

Собственно говоря, воспоминания А. П. Опочинина о том, как у него бесследно пропала тетрадь рукописи, не может представлять для нас особого интереса (ведь речь идет о потере, а не о находке!). Гораздо важнее то, что Опочинин восстановил утраченную рукопись, помня ее от корки до корки наизусть.

«...Утешением осталось то, — пишет А. П. Опочинин, — что всю комедию, по этой самой тетрадке, я выучил с самого начала наизусть. Теперь, когда полвека после того прошло, я, конечно, не могу безостановочно произносить монологи на память; но если в руках у меня книга, то, читая ее, увижу всякий раз, если что-нибудь не так, как врезалось в моей памяти. Но надо иметь в виду, что после того, как эта синяя тетрадка была написана, до смерти А. С. Грибоедова прошло тогда три

¹ О нем см. статью В. Шадури «Грузия в творчестве забытых русских поэтов Н. П. Лукина и А. П. Опочинина» («Труды» Тбилисского университета им. Сталина, т. 83, 1959 г.).

² См. его предисловие к сорок второму изданию «Горя от ума», Тифлис, 1879 г., стр. 3.

³ «ლიტერატურული გაზეთი», 17/VI 1955 г.

⁴ Журнал «Литературная Грузия» № 1, 1957 г.

года, то странно бы было утверждать, что автору ни разу не вздумалось делать в своем сочинении поправки или изменения. А потому и представляю весь этот рассказ мой суду знатоков и любителей, не считая себя вправе полагать, что весь текст комедии, сохранившийся у меня в памяти, был оставлен автором окончательно без изменения»¹.

Из другого источника выясняется, что А. П. Опочинин передал восстановленные им на память варианты «Горя от ума» Д. Г. Эристави, а последний — И. А. Шляпкину, редактору сочинений Грибоедова. И. А. Шляпкин еще в 1889 г. писал:

«Князь Д. Г. Эристов благосклонно сообщил мне копию с письма к нему генерал-лейтенанта А. П. Опочинина... Варианты, сообщенные А. П. Опочининым кн. Д. Г. Эристову на память, не особенно крупны, и мы не рискнули печатать их, зная, что и блестящая память иногда изменяет автору»².

Ознакомившись с воспоминаниями А. П. Опочинина в архивохранилище еще в 1949 г., я долго искал восстановленные им варианты. Поиски увенчались успехом лишь в прошлом году, когда было найдено сразу два документа.

Один из них, обнаруженный мною в Литературном музее Грузии (ф. 289, № 18609), представляет из себя черновую рукопись Д. Г. Эристави, написанную в 1885 г.³ Она интересна во многих отношениях. Д. Г. Эристави пишет:

«Бессмертная комедия Грибоедова, вследствие исчезновения ее оригинала, еще долгое время будет занимать внимание любителей русской словесности относительно верности текста. Находятся люди, которые относятся с презрительною насмешкою к библиофилам и подтрунивают над усилиями их восстановить подлинный текст какого-либо произведения, где часто одно слово имеет важное значение, но мы не из их числа. Нам кажется, что всякая попытка, как бы бессильна она ни была, пролить свет на бессмертную комедию, должна считаться почтенною. Вся Россия благоговеет перед именем Грибоедова. Но мы, грузины, в особенности должны быть признательны творцу русской комедии, завещавшему свой прах нашей родине, за то, что он так сильно любил Грузию и грузин... В Грузии память о нем свежа... Вспомним празднества в Тифлисе в 1879 г., в день пятидесятилетия его кончины; празднества эти были не эффективными фейерверками среди монотонной жизни Тифлиса, а оставили вечный след и еще более увековечили имя гениального писателя. На собранные со спектаклей и лекций деньги учреждена стипендия имени А. С. Грибоедова, и ежегодно в здешней классической гимназии содержатся два стипендианта. К этому времени, под моею редакцией вышло новое издание «Горя от ума» по рукописи 1831 года. В предисловии к этому изданию, говоря о рукописях «Горя от ума», между прочим упомянул, что у генерала от артиллерии А. П. Опочинина (скончавшегося в нынешнем году) была рукопись комедии, поправленная рукою Грибоедова, которая, как мне было известно, также пропала бесследно. Послав изданную мною комедию почтенному кавказскому ветерану и страстному поклоннику Грибоедова (А. П. Опочинину — В. Ш.), я получил от него книгу обратно буквально всю испещренную поправками при ниже следующем письме. С тех пор прошло уже шесть лет, и только теперь,

¹ Институт рукописей Академии наук Грузинской ССР. Фонд Э. Г. Вейденбаума, № 366, л. 38.

² Полное собр. соч. А. С. Грибоедова, под ред. И. А. Шляпкина, т. II, 1889 г., стр. 522.

³ В документе дата не стоит, но ее легко установить на основе содержания: в первых, Д. Г. Эристави говорит, что после 1879 г. прошло шесть лет и, во вторых, об А. П. Опочинине сказано, что он скончался «в нынешнем году».

УДК 82.09
 82.09.01.01

освободившись от мелких забот по текущей журналистике и от редактирования газеты «Кавказ», вспомнил, что я в долгу у библиофилов и поклонников этой чудной неувядаемой комедии».

Далее Д. Г. Эристави пишет, что решил поделиться с читателями полученными от А. П. Опочинина поправками и тем письмом, которым он их сопроводил. Приводится письмо, датированное 17 января 1879 г. Это — то самое письмо, которое нам известно как «воспоминания» А. П. Опочинина об утере рукописи «Горя от ума».

«Нужно видеть, — пишет Д. Г. Эристави вслед за приведенным письмом А. П. Опочинина, — возвращенную мне книгу, чтобы дивиться изумительной памяти семидесятилетнего старца! В ней более двухсот поправок, начиная целыми фразами и кончая знаками препинания. Даже опечатка в моем издании (доказал—вместо досказал), проскользнувшая у двух опытных корректоров, не осталась со стороны покойного А. П. Опочинина без поправки. Некоторые варианты снабжены примечаниями, которые и привожу ниже без изменения. За образец для сравнений беру издание «Горе от ума» г. Гарусова. Привожу варианты только тех мест, которые доселе не встречались ни в одном издании».

Далее приводятся поправки, о которых будет сказано ниже.

Таким образом выясняется, что Д. Г. Эристави в первых числах января 1879 года переслал А. П. Опочинину только что вышедшее «Сорок второе издание» комедии (цензурное разрешение — 1 января 1879 г.) и буквально через несколько дней получил от него как письмо — воспоминания об обстоятельствах потери ценной рукописи, так и самую комедию с поправками, восстановленными на память из пропавшей рукописи.

Судя по всему, с этими материалами, снабженными вышеприведенным предисловием, Д. Г. Эристави в 1885 г. хотел выступить в печати, но в прессе того времени нам не удалось обнаружить такого выступления. Все эти материалы Д. Г. Эристави переслал И. А. Шляпкину, готовившему «Полное собрание сочинений А. С. Грибоедова». Нет никакого сомнения, что именно о них идет речь в упомянутых выше комментариях И. А. Шляпкина ко второму тому сочинений Грибоедова (1889 г.).

Что же касается самой книги, «испещренной поправками» Опочинина, то она, к сожалению, еще не найдена. Потомки Д. Г. Эристави ее не имеют и не знают, куда она исчезла. Однако ее частично заменяют аккуратно переписанные оттуда опочининские поправки, сделанные рукою Д. Г. Эристави. Вот они:

В издании Д. Г. Эристави

Поправки А. П. Опочинина

Действие I

1. Ты верно с умыслом (стр. 3)	А верно с умыслом
2. Ах, зелье, баловница (3)	Ох, зелье, баловница
3. Прочь возьмите руку (7)	Прочь возьмите вашу руку
4. ...через мое содейство (11)	...через мое ж содейство
5. Увидим, будто век знакомы (12)	Встречаем, будто век знакомы
6. Играем и шумим по стульям и столам (21).	Играем и прыгаем по стульям и столам
7. Со всей Европой породнятся (22)	Со всей вселенной породнятся
8. ...и в ком не сыщешь пятен? (23)	Но в ком не сыщешь пятен?
9. Не то, чтобы в науке далеки (24)	Не то, чтобы в науках далеки
10. Софья. Да хорошо — сгорите, если ж нет? (26)	Наверное не утверждаю, но помнится, что эту фразу говорит Лиза, а не Софья
11. Садись-ка, объяви скорей (27)	Садись-ка, расскажи скорей
12. Как замечать девичьи красоты (27)	Как только замечать девичьи красоты
13. Не верь ей, все пустое (28)	Не верь ей, братец, все пустое

Действие II

14. Постой же, на листке (30)
 15. То приглашенья, то обед (30)
 16. ...пришли в забвенье (30)
 17. Я должен у вдовы, у докторши крестить (31)
 18. ...я их не оскорблю (37)
 19. Неужто для друзей не делать (40)
 20. Позвольте нам своими счестся (41)
 21. Как станешь представлять (42)
 22. ...чего не достает? (43)
 23. А, батюшка, признайтесь... (44)
 24. ...уж исстари ведется (44)
 25. Будь плохенький, да если... (44)
 26. Кто хочет к нам пожаловать... (45)
 27. Извольте посмотреть на нашу молодежь (45)
 28. ...уж мало ли кряхтят!
 С тех пор дороги, тротуары,
 Дома и все на новый лад (47)
29. Что старее, то хуже (48)
 30. Уж втянет он меня в беду (50)
 31. Их золоту, шитью дивятся... (51)
 32. Взглянуть, как треснулся он (52)
 33. Хоть незнакомый мне, — до этого... (56)
 34. Княгиня Лелева (56)
 35. ...но нет примеров (56)
 36. Чтобы ездили с ней (56)
 37. Зачем же ей играть (58)

Вон там ты на листе
 То бережемся, то обед
 ...пришло ж в забвенье
 У докторши вдовы я должен крестить

...я их ничуть не оскорблю
 Ужели ж для друзей не делать
 Позвольте нам родными счестся
 Придется-ль представлять
 ...чего ж не достает?
 И, батюшка, признайтесь...
 ...уж с исстари ведется
 Хоть будь плохенький, да если
 Кому угодно к нам пожаловать...
 Взгляните вы на нашу молодежь

...уж мало ли кряхтят*
 С тех пор дома и тротуары,
 И улицы, и все на новый лад.
 * Примечание: «Окрещать на новый лад» — выражение чисто русское. А. Опоч.
 Чем старее они, тем хуже
 Ну, втянет он меня в беду
 Их золотцу, шитью дивятся
 Пойду, взгляну, как треснулся он
 Хоть незнакомый будь, — до этого...

Княгиня Ластова
 Но не было примеров
 Чтобы ездило когда с ней...
 Зачем же ей шутить...

Действие III

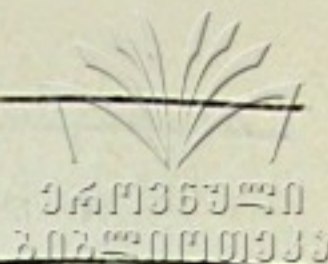
38. Нет, нет, пускай умен... (67)
 39. Что и смиреннейшему пощады нет (68)
 40. Не засижусь, войду, всего минуты две (71)
 41. На что же? (74)
 42. Переведен сюда (75)
 43. Да, брат, теперь не так (81)
 44. Обшито бахромой (82)
45. Тс! Кто это в углу, — вошли мы, — поклонился (83)
 46. Я за уши его дирала, только мало (89)
 47. Нет? Кажется, что нет, он человек заметный (90)
 48. ...Об вас говорено (90)
 49. Вы были прежде здесь в полку (91)
 50. В мундирах выпушки (91)
 51. ...как шелковая шерстка (92)
 52. Угодно ль на себе примерить? (94)
 53. Давно дивлюсь я, как никто его не свяжет! (100)
 54. Попробуй о властях — и невесть что наскажет! (100)
 55. Что нынче, пуше, чем... (101)
 56. И впрямь с ума сойдут... (101)
 57. ...как снаряжался в путь (105)

Пускай себе умен
 Что и смиреннейшему пощады нет
 Не засижусь, всего минуты две

Зачем же?
 Переведен теперь сюда
 Теперь уж, брат, не так
 Примечание: память стала мне изменять, но все-таки помню, что в моей тетрадке было написано «Обшито фалбалой», а не бахромой, наверное не утверждаю. А Опоч.
 Тс! Кто это, мы вошли, в углу там поклонился?
 Я за уши его дирала, да только мало
 Он кажется, что человек заметный

Про вас говорено
 Вы служите в полку
 Мундирны выпушки
 ...какая шелковая шерстка
 Угодно ль на себя примерить?
 Дивлюсь, как его никто еще не свяжет!

Попробуй о властях — невесть он что наскажет!
 Что нынче больше, чем...
 И впрямь сойдешь с ума
 ...как собирался в путь

58. От жалкой тошноты по стороне чужой (106) (Эта строка вычеркнута А. Опочининым)
 59. Как европейское поставить... (107) Как иностранное поставить...

Действие IV

60. Коли явился ты на бал (113)	Нежели явился ты на бал
61. Что бал, братец, где... (113)	Что, братец, бал, где...
62. Его отрывок, взгляд и нечто (118)	Его отрывок, взгляд иль нечто
63. К чему обманывать... (129)	Зачем обманывать...
64. В пустые сени, в ночь! (129)	Пустые сени!.. Ночь!..
65. И Чацкий, как бельмо (129)	А Чацкий, как бельмо
66. Послушайте, извольте (130)	Послушайте, сударь, извольте...
67. Где домовые? (136)	Где домовые? (Берет фонарь из рук человека, подносит к лицам и отдает опять фонарь человеку)
68. Изволь-ка в избу (137)	Подит-ка в избу
69. Ещё дня два терпение возьми (137)	Дня два, не более терпение возьми
70. Растерзан мыслями (138)	Расстроен мыслями
71. Дышал я ими, жил (138)	Дышал я вами, жил
72. Я с вами бы тотчас сношения пресек (139)	Я с вами тотчас бы сношения пресек
73. И перед тем, как навсегда расстаться (139)	И перед тем, как навсегда мне с вами расставаться
74. Все гонят, все клянут (140)	Все гонят, все вредят
75. ...в вражде неутомимых (140)	...в вражде непримиримых
76. А ты меня решилась уморить? (141)	А ты меня, увы, решилась уморить.

Имеется еще другой документ, обнаруженный в Музее Грузии литературоведом В. Цоцелия. Это — «Горе от ума», изданное в Лейпциге в 1858 г. Юрием Приваловским. В. Цоцелия любезно ознакомил меня со своей находкой, за что выражаю ему искреннюю благодарность. Эта книга когда-то несомненно принадлежала А. П. Опочинину. Об этом свидетельствуют как надпись на титульном листе, так и многочисленные поправки в тексте, сделанные рукою А. П. Опочинина в 1862 году, то есть за 17 лет до издания комедии Давидом Эристави.

Ю. Приваловский в предисловии критикует все прежние издания «Горя от ума» и предлагает свое издание как самое авторитетное. Под этим предисловием имеется следующая приписка А. П. Опочинина:

«Желание г. Приваловского не совершенно точно исполнилось. Есть много ошибок и пропусков. Это бы еще ничего, но грех оказался большой в том, что в последнем монологе Чацкого много строк, совсем не принадлежащих сочинению. И кто их смастерил, неизвестно. Зная наизусть Горе от ума, от доски до доски, по тетради, поправленной самим А. С. Грибоедовым, я сделал поправки, где оказалось нужным; а последний монолог Чацкого почти весь написал вновь на прилепленном к книжке этой листочке. Я уверен, что есть издания, где этот монолог гораздо более близок к истинному, а может быть и совершенно напечатан так, как я написал его. А. Опочинин. 1862 г. Тифлис».

В тексте этого издания имеется свыше 180 поправок, не считая целиком написанного заново последнего монолога Чацкого, очень близкого к тексту академического издания. Ознакомимся и с этими поправками.

Действие I

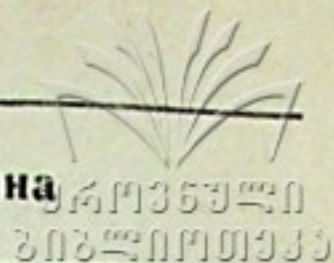
1. Пустите! Ветренники сами (стр. 3)
2. И в чтении прок не велик (4)
3. Минуй нас пуще всех печалей (5)
4. ...не знаю, что врала (6)
5. Осмелюсь я сказать... (9)
6. ...ввел в мое семейство; и будь не я... (9)
7. ... всю суматоху сложишь (9)
8. Цветущий, и я искала (10)
9. Увидим — как будто (10)
10. Но робок... Знать, что в бедности рожден (10)
11. Тут с громом распахнулись двери (10)
12. Искала ты травы (12)
13. Твердила я: в любви не будет (13)
14. ...речист, и больно не хитер (14)
15. Смеется? Можно ли!.. (16)
16. Ваш дядюшка отпрыгал (19)
17. Родней богатые, и с помощью (20)
18. А тетушка? Все дедушкой... (20)
19. Да, кстати, к воспитанию (20)
20. ... он ведь кавалер (21)
21. ...на балах, на праздниках приходских (21)
22. Бывало, песенок где новеньких тетрадь (22)
23. Случалось ли, чтобы смеяся (22)
24. На что же так давно (22)
25. И клонятся к чьему-нибудь вреду?
Я в чудаках иному чуду
Порассмеюсь — потом забуду (23)
26. ...Сон в руки (23)
27. Садись, ну, говори скорей (24)
28. ...другого нету дела,
Как замечать девичьи красоты (24)
29. Не верь ей; все пустое (24)
30. ...сон в руки (25)
31. Ну виnozат, какого-ж я дал крюку (25)

- Отстаньте! Ветренники сами
И в чтении прок-от не велик
Минуй нас, господи, и пуще всех печалей
...не помню, что врала
Осмелюсь я, сударь...
...ввел в мое семейство;
Дал чин ассесора и взял в секретари;
В Москву переведен через мое ж содействие,
И будь не я...
...всю суматоху сложит
Цветущий луг, и я искала
Встречаем, будто
Но робок... Знаете, кто в бедности рожден
Тут с громом распахнули двери
Искала ты себе травы
Твердила я всегда: в любви не будет
...речист, а больно не хитер
Смеешься? Можно ли!..
Ваш дедушка отпрыгал
Родных мильон у них, и с помощью
А тетушка? все девушкой...
Ах, к воспитанию
...он и кавалер
...на балах, по праздникам приходским
- Бывало, где стихков он новеньких тетрадь
Случалось ли, чтоб вы смеяся
Зачем же так давно
И клонятся к чьему-нибудь вреду?
Положимте что так — ум с сердцем не в ладу,
Я в чудаках иному чуду
Раз посмеюсь — потом забуду
...Сон в руку
Садись-ка, расскажи скорей
...другого нет и дела,
как только замечать девичьи красоты
Не верь ей, братец; все пустое
...Сон в руку
Ну виноват, большого ж я дал крюку

Действие II

32. Максим Петрович! (27)
33. Она не родила—по моему расчету
Должна вскоре родить (27)
34. У вас в лице... (28)
35. Ах, батюшка! Нашел загадку! (28)
36. Ведь не скакать же мне в присядку (28)
37. Твердят одно и то же (28)
38. ...на свете нет милей (28)
39. ...сто человек к прислугам (29)
40. Раскланялся тупеем (29)
41. Вельможи в случае... (29)
42. Упал в другой раз (30)
43. ...приветливое слово?
Максим Петрович; — шутка! (30)

- Кузьма Петрович!
Она не родила — но по расчету
По моему должна родить
У вас во всех чертах...
И, батюшка! Нашел загадку!
Не можно же пускаться мне в присядку!
- Твердит одно и то же
...на свете нет пригоже
...сто человек к услугам
Раскланяйся, тупеем
Вельможа в случае...
Упал в другорядь
...приветливое слово?
Кто перед всеми знал почет?
Максим Петрович; — шутка!

44. Как? Тот и славился (30)
 45. Как? не в войне (30)
 46. Кому нужда, — тем спесь, лежи в пыли (30)
 47. ... об дядюшке здесь вашем говорю (30)
 48. Но между тем, кого... (30)
 49. Хоть есть охотники помодничать везде (31)
 50. Хоть нашим временам (32)
 51. Отдушничек откроем поскорее (35)
 52. Вот кресла вам, раскиньтесь (36)
 53. Позвольте нам своими счестся (36)
 54. ...где встретимся, ползком (36)
 55. ... а вам чего не достает? (38)
 56. Да чтоб чины достать (38)
 57. ...племянница, есть дочка (39)
 58. ...А, батюшка, признайтесь (39)
 59. Будь плохенькой, да если (39)
 60. Кто хочет к нам (39)
 61. Возьмите все от головы (39)
 62. ... а, если посмотреть (40)
 63. ...в ус никому не дуют (40)
 64. Их благодравью, не лицам (40)
 65. Не поминайте нам. Уж мало ли мостят
 С тех пор дороги, тротуары,
 Дома и все на новый лад (41)
 66. ...Ни люди, ни парады (41)
 67. Просил я помолчать (41)
 68. К свободной жизни их вражда (42)
 69. ...из брошенных газет (42)
 70. Что старее, то хуже (42)
 71. ...не зажимали рта (42)
 72. ...меня еще с пелен
 Дитёй возили на поклон (42)
 73. В науки ум вперит (43)
 74. И прослышем у них (43)
 75. ...разлитый и красивый (43)
 76. ...за ними путь счастливый (43)
 77. И в женах, дочерях, к мундиру также страсть (43)
 78. ...за ними не увлекся? (43)
 79. ...иные из двора (43)
 80. Уж стянет он (44)
 81. Их золоту, шитью дивятся (44)
 82. И офицеров вам начту притом (44)
 83. Взглянуть, как треснул (45)
 84. Хоть незнакомы мне (49)
 85. ... Но нет примеров (49)
 86. Чтобы ездило с ней (49)
 87. ...Мы в трауре, так бала дать нельзя
 Смотрите ж, опоздать нельзя (50)
 88. Зачем же так играть неосторожно (51)
 89. Смешно — пусть шутят, досадно (52)

- Что? Тот и славился
 Что? Не в войне
 Кому нужда, — к тем спесь, лежи они в пыли
 ...об дядюшке о вашем говорю
 Но пусть теперь, кого
 Хоть есть охотнички поподличать везде
 И нашим временам
 Отдушничек отвернем поскорее
 Вот вам софа, раскиньтесь
 Позвольте нам родными счестся
 ...где встретится, ползком
 ... а вам чего ж не достает?
 Да чтобы чины добыть
 ...племянница, есть дочь
 И, батюшка, признайтесь
 Хоть будь он плохенькой, да если
 Кому угодно к нам
 Возьмите вы от головы
 А если разберешь
 в ус никого не дуют
 Их благодравью, а не лицам
 И, батюшка, не поминайте нам. Уж мало ли крестят
 С тех пор дома и тротуары,
 И улицы, и все на новый лад
 ...ни моды, ни пожары
 Просил ведь помолчать
 К свободной жизни в них вражда
 ...из забытых газет
 Чем старее они, тем хуже
 Не зажимали рты
 ...меня еще с пелен
 Для замыслов каких-то непонятных
 Дитёй возили на поклон
 В науки он вперит
 И прослынешь у них
 ...разшитый и красивый
 ...за ними в путь счастливый
 И в женах, в дочерях, к мундиру та же страсть
 ...за всеми не увлекся?
 ...иные от двора
 Уж втянет он
 Их золоту, шитью дивятся
 И офицеров вам начтем
 Пойду взглянуть, как треснул
 Хоть незнакомый будь
 ...Но не было примеров
 Чтобы ездило когда с ней
 [Вторая строка зачеркнута А. Опочининым]
 Зачем же ей шутить и так неосторожно
 Смешно — пусть шутят их; досадно...

Действие III

90. Испортит все. Веселость ваша (56)
 91. Да грозный взгляд (56)
 92. ...чтоб не мешать, отсюда уклонюсь (57)

- [Первые два слова зачеркнуты А. Опочининым]
 Да быстрый взгляд
 ...чтоб не мешать, отсюда удалось

93. Чтоб кроме вас, мир целый (57)
 94. Чтоб сердца каждого биенье (57)
 95. Любовью ускорялось в нем? (57)
 96. Чтоб мыслям были всем его делам
 (57)
 97. Душою вы, вам угожденье? (58)
 98. Конечно, смирен он, но все такие (58)
 99. Бог знает, для него (58)
 100. Нет, нет! Пускай умен (58)
 101. Так дерзку на язык? (59)
 102. ...Неужель Молчалин твой избранный!
 (62)
 103. С ней век мы не встречались (65)
 104. На что же? (65)
 105. Когда дурачится — дурачусь (65)
 106. Простите! Впрочем тут не вижу (66)
 107. Ведь надобно ж иметь в виду (67)
 108. Чтоб не попасть в беду.
 В чинах мы не больших (67)
 109. Эй, Федька, Фомка! Ну живей (67)
 110. ...мел, щетки, свечи (67)
 111. Когда бы службу продолжал (69)
 112. Обшито фалбалой (73)
 113. Ведь есть же на земле такое племя!
 (78)
 114. Плутиска он, картежник (79)
 115. Да мастер прислужить (79)
 116. И Загорецкий сам не выдержал,
 пропал.

Софья

Вот этот? Чацкий (79)

117. Что нашел смешного? (79)
 118. Я за уши его драла (79)
 119. Мы ждем, где князь наш Петр
 Ильич (80)
 120. Вы прежде были здесь в полку... (80)
 121. И его высочества (80)
 122. Не то, чтобы... чтобы совсем (83)
 123. ...он сейчас здесь в комнате (85)
 124. Как? Чацкий? Кто свел его в тюрьму
 (87)
 125. Давно дивлюсь я, как его никто не
 свяжет! (89)
 126. Попробуй о властях и бог весть, что
 наскжет (89)
 127. Хоть пред монаршеским лицом (89)
 128. К тому же из смешливых (89)
 129. Князь Федор, нам племянник (91)
 130. Там будут лишь учить: раз-два! (91)
 131. А книги сохранят там для...
 132. ...нет уж если зло пресечь (91)
 133. По-христиански жалости достоин (92)
 134. Нет, триста! Уж чужих (92)
 135. Да, мочи нет! И миллион терзаний (93)
 136. ...посмотришь — вечером
 Такой же толк (94)
 137. Нас удержать, как крепкою возжей,
 От жалкой тошноты по стороне чужой
 Пускай... (95)

Чтоб кроме вас, ему мир целый
 Чтоб сердца каждое биенье
 Любовью ускорялось к вам?
 Чтоб мыслям всем и всем его делам

Душою были вы, вам угожденье
 Конечно, смирен, все такие
 Бог знает, за него
 Пускай себе умен
 Так невоздержну на язык?
 ...Неужель Молчалин избран ей!

Божусь, что век мы не встречались
 Зачем же?
 Когда ж дурачится — дурачусь
 Простите! Право тут не вижу
 Ведь надобно ж зависеть от других
 [Первая строчка зачеркнута А. Опочи-
 ниним]

Эй, Филька, Фомка! Ну ловчей
 ...мел, щеток, свечей
 Когда б он службу продолжал
 Обшито бахромой
 Ведь создал же господь такое племя!

Лгунишка он, картежник
 Да мастер услужить
 И Загорецкий сам не выдержал, пропал
 Хлестова (к Софье)
 Кто этот весельчак и звания какого?

Софья

Вот этот? Чацкий.

Ну, а что нашел смешного?
 Я за уши его драла
 Ждем князя мы Петра Ильича

Вы служите в полку...
 Его высочества
 Не то, чтобы... совсем
 ...он сейчас лишь в комнате
 Как? Чацкого? Кто свел в тюрьму?

Дивлюсь, как его никто еще не свяжет

Попробуй о властях, и невесть он что
 наскжет!

Хоть перед монаршим лицом
 Туда же из смешливых
 Князь Федор, наш племянник
 Там будут лишь учить по-нашему: раз-
 два!

А книги сохранят так для...
 ...нет уж коли зло пресечь
 По-христиански так он жалости достоин
 Триста! Уж чужих
 Да, мочи нет! Милльон терзаний
 ...посмотришь, — вечером
 себя он чувствует здесь маленьким
 царьком.

Такой же толк
 [Вторая строчка вычеркнута А. Опочи-
 ниним].

138. ...как отдал все в промен (95)
 139. Кто ж недруг лиц выписных вычур,
 слов кудрявых (96)

...как отдал все в обмен
 Кто недруг вычур лиц выписных, кль
 слов кудрявых

Действие IV

140. А кто жениться... (98)
 141. ...мне душу наполняли (99)
 142. Все тоже, глядь, все степь, и пусто (99)
 143. Кучера нигде вам не найдут (99)
 144. Пил замертво (101)
 145. Чтобы затей прогнать (102)
 146. ...не разжимая губ.
 Ах, Александр! (102)

147. А нон ла — шьяр ми... (104)
 148. Об них не знаешь, что сказать (104)
 149. Сам плачет, а мы... (104)
 150. ...Я конечно не уряд (105)
 151. Однако я когда, умишком принатужась
 Засяду — час сижу... (105)
 152. ...Глядишь-ка в Адрес календарь (107)
 153. ...чины, кресты — душе мытарства
 (107)
 154. Репетилов! вы; Репетилов? (109)
 155. ... день идет к рассвету;
 Поди, сажай (111)
 156. Что это слышал? (111)
 157. Возбудит жалость их и малость ути-
 шит (112)
 158. ...неужели то в виденьи? (112)
 159. В пустые сени... (113)
 160. Послушайте-с, извольте (113)
 161. Погоди (114)
 162. Пойдемте, мы довольно... (116)
 163. Молчите, иль я... (116)
 164. Сударь, не подличайте, отстаньте (116)
 165. Отстаньте, говорю (117)
 166. Ваш батюшка! вот будет (118)
 167. Чуть врознь — уж где-нибудь (119)
 168. За грош продать готовы (119)
 169. Там выучилась ты (120)
 170. Изволь-ка в избу (120)
 171. Еще дня два терпения возьми (120)
 172. И постараюсь, в набат (120)
 173. Чацкий (Софье)
 Не образумлюсь... виноват, —
 Не знаю как я невпопад
 Представил вас себе одной из хладно-
 кровных
 Искательниц фортун и женихов чи-
 новных,
 Которой красоте едва дано расцвести,
 Глубоко уж натвержено искусство
 Не сердцем поискать, а взвесить и
 расчесть
 И торговать собой в замужество.
 Нет, нет! Ошибся я! Намечен был у
 вас

И кто жениться...
 ...мне душу волновали
 Все тоже, гладь, и степь, и пусто
 Кучера нигде, вишь, не найдут
 Пил мертвую
 Чтобы взашен прогнать
 ...не разжимая губ.
 Мне не под силу, брат, и чувствую, что
 глуп.
 Ах, Александр!
 А нон ла — мьер ми...
 Об них не знаю, что сказать
 Сам плачет, и мы...
 ...Я конечно зауряд
 Но ежели и я, умишком принатужась
 Засяду — часа сижу...
 Взгляни-ка в Адрес календарь
 ...чины, кресты — души мытарства

Репетилов! вы; вы Репетилов?
 День идет к рассвету;
 (Лакею). Поди, сажай
 Что это слышал я?
 Возбудит жалость их и жалость утишит

...неужели в виденьи?
 Пустые сени...
 Послушайте, сударь, извольте
 Поди
 Пойдемте же, довольно...
 Молчите, я...
 Не подличайте, встаньте.
 Вставайте, говорю
 Ваш батюшка! вам будет
 Чуть врознь — она уж где-нибудь
 За грош меня продать готовы
 Там научилась ты
 Поди-ка в избу
 Дня два, не более терпения возьми
 Я постараюсь, я — в набат
 Чацкий (после некоторого молчания)
 Не образумлюсь... виноват,
 И слушаю, не понимаю;
 Как будто все еще мне объяснить хотят.
 Расстроен мыслями, чего-то ожидаю, —
 Слепец, я в ком искал награду всех
 трудов;
 Спешил, летел, дрожал: вот, думал, сча-
 стье близко; —
 Пред кем я давеча, так страстно и так
 низко
 Был расточитель нежных слов. —
 А вы? — о боже мой — кого себе из-
 брали,

Любовник миленький, которого подчас
Могли бы, не смотря, что в возрасте
он зрелом,
Беречь и пеленать и посылать за делом.
Муж мальчик, муж слуга, из жениных
пажей,
Высокий идеал московских всех
мужей!!
Но боже мой, кого себе избрали?
Когда размыслию я — кого вы пред-
почли?
Зачем меня изменили, завлекли?
Повергли в бездну зол, мучений и
печали?
Слепец я! в ком узнал награды всех
трудов?
Спешил, дрожал, летел — вот счастье,
думал, близко!
Пред кем и давеча так страстно и так
низко
Был расточитель нежных слов!..
Но что! Наказаны все горем справед-
ливым...
А вы, сударь, отец! вы жертвуйте чи-
нам
Собой и дочерью; желаю быть счаст-
ливым! (стр. 120—121)

[На полях этого текста — приписка
А. Опочинина: «Откуда взяты все эти
стихи?»]

174. Мечтанье с глаз как пелена! (121)
175. Теперь не худо б сряду (121)
176. ... куда закинула судьба? (121)
177. Все гонят, все клянут!.. (121)
178. В любви предателей, в вражде неукро-
тимых (121)
179. Рассказчиков неутомимых (121)
180. ...над выдумками вздоров (122)
181. Безумным вы меня прославили! нет
споров (122)
182. Скажи серьезно:
«Низкопоклонник тесть!» и про Москву
так грозно! (122)
183. А ты меня решилась уморить? (122)
184. ...что станет говорить (122)

Когда подумаю, кого вы предпочли?
Зачем меня надеждой завлекли, —
Зачем мне прежде не сказали,
Что все прошедшее вы обратили в смех;
Что память даже вам постыла
Тех чувств в обоих нас, движений тех,
Которые во мне ни даль не охладила,
Ни развлечение, ни перемена мест. —
Дышал я вами, жил, был занят беспре-
рывно;
Сказали бы, что вам внезапный мой
приезд,
Мой вид, мои слова, поступки — все
противно;
Я с вами тотчас бы сношения пресек
И перед тем, как навсегда мне с вами
расставаться,
Не стал бы очень добиваться,
Кто этот вам любезный человек, —
Вы помиритеесь с ним по размышленьи
зрелом;
Себя крушить — и для чего?
Подумайте, вы можете его
Беречь и пеленать и посылать за делом.—
Муж мальчик, муж слуга; из жениных
пажей,

Высокий идеал московских всех мужей.—
Довольно. — С вами я горжусь моим
разрывом!
А вы, сударь, отец, вы страстные к чинам;
Желаю вам дремать в неведение счаст-
ливом.

Мечтанье с глаз долой и спала пелена!..
Теперь не худо б было сряду
...куда меня закинула судьба?
Все гонят, все вредят!..
В любви предателей, в вражде непри-
миримых
Рассказчиков неукротимых
...над выдумками вздором
Безумным вы меня прославили! всем
хором;
Скажи серьезно:
Ну что он тут чепуху молол:
«Низкопоклонник тесть!» и про Москву
так грозно!
А ты меня, увы, решилась уморить
...что будет говорить

Таким образом, в нашем распоряжении — два интересных докумен-
та, в которых содержится восстановленный А. П. Опочининым на память
текст утраченной рукописи, исправленной когда-то самим Грибоедовым.
Сравнение этих двух документов показывает, что большинство по-
правок 1879 г., приведенных в письме Д. Г. Эристави, Опочининым было

внесено значительно раньше и в лейпцигское издание 1858 г. Но исследователя не может не озадачить то обстоятельство, что в 1879 г. появился ряд новых «опочининских вариантов».

Так, например, слова Лизы в III явлении I действия «Прочь возьмите руку!» Опочинин в лейпцигском издании оставил без изменения, а в тифлисском издании исправил: «Прочь возьмите вашу руку!» То же самое можно сказать и о словах Чацкого во II явлении II действия — «На что ж? Я их не оскорблю», которые только в издании 1879 г. исправляются так: «На что ж? Я их ничуть не оскорблю».

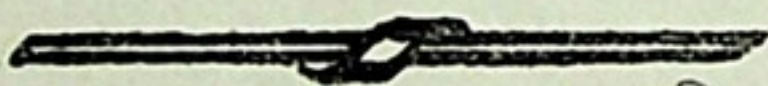
Таких новых поправок насчитывается более тридцати.

Откуда они появились? Если они действительно содержались в утраченной рукописи, то почему Опочинин не внес их в лейпцигское издание? Ведь в 1862 году он лучше должен был помнить текст пропавшей тетради, чем 17 лет спустя? Все это заставляет насторожиться, отказаться от особого доверия к поздним поправкам Опочинина.

Что же касается исправлений 1862 г., то они заслуживают большего доверия. Сравнение их с различными известными вариантами показало, что А. П. Опочинин внес в лейпцигское издание около ста таких исправлений, правильность которых подтвердилась в дальнейшем, когда были опубликованы так называемые болгаринский и жандровский списки, легшие в основу академического издания «Горя от ума».

Изучение материала показывает, что, исправляя текст лейпцигского издания, А. П. Опочинин значительно приблизил его к предполагаемому подлиннику комедии.

Сейчас, когда существует академическое издание Грибоедова, эти поправки, конечно, уже не имеют такого значения, какое они могли иметь сто лет назад, когда «Горе от ума» печаталось в изуродованном виде. Но если учесть, что автограф окончательного текста комедии не сохранился и что в таком гениальном произведении, как «Горе от ума» каждое слово имеет очень важное значение, то обнаруженные в Грузии документы и теперь заслуживают внимания не только исследователей-литературоведов, но и всех, кого волнует волшебный язык бессмертной комедии.

ношения этих стран с Великобританией.

Вторая половина девятнадцатого века... В портовые города грузинского побережья Черного моря—Сухуми, Батуми, Потти, в первую очередь Потти, заходят иностранные корабли. И это вполне понятно: Потти—морской порт, ближайший к Чиатура. Из города марганца «черное золото», дающее жизнь металлу, транспортировалось по железной дороге к морю. Марганец закупали многие страны мира—в том числе и Англия. Вот почему закономерна связь между грузинским марганцем и началом грузинского футбола, вот почему любовь к этому национальному английскому виду спорта мы позаимствовали не из вторых рук, а непосредственно у самих англичан...

Теперь представьте себе следующую картину.

В потийском порту стоит английское судно. Оно пришло за марганцем. Моряки долгие недели плыли через моря и проливы, они истосковались по твердой земле, устали от напряжения суровых будней морской жизни. Стоять в этом чужом порту придется долго—может быть, месяц, а может, и больше. Не забывайте, что потийский порт тех времен был совсем не таков, каким мы привыкли видеть его сегодня. Нет многотонных порталных кранов, которые величаво несут над пристанью и кораблями громадные ковши на длинных стрелах-руках, не снуют неутомимые автопогрузчики. Угрюмые и безучастные, бредут по сходням грузчики. Они сгибаются под тяжестью мешков и ящиков. В них груз—«черный» и «белый» («черным» грузом называли потийцы марганец, «белым»—сахар, муку; но к этому я вернусь ниже). Ясно: таким путем не закончишь погрузку большого океанского судна за короткий срок. Куда же все это время деваться морякам? Потти—город деловой, строгий, здесь особенно не развлечешься. Скучно. Про-

сыпается тоска по туманным родным берегам, по всему, что связано со словом «отчизна».

И вот гости сходят на берег, провожаемые взглядами мальчишек, пришедших поглазеть на «иностранца». Облюбовав полянку попросторнее и поровнее, англичане трудолюбиво стаскивают камни, сваливают их в четыре кучи—по две друг против друга, на противоположных краях поляны, и...

Есть отчего прийти в изумление любопытным, во все сующим свой нос портовым мальчишкам! Вы только поглядите, что делают эти чудаки, пришедшие в Потти на «англичанине»! Разделись, на ноги нацепили какие-то диковинные ботинки с круглыми шишками на подошве, до колен чем-то обмотали и пошли себе, в трусах и майках, гонять по полю мяч. Двадцать два здоровенных парня норовят отобрать друг у друга один-единственный мяч, причем стараются сделать это только ногами или головой... То топчутся на месте, то бегут все скопом на край полянки, где между камней суетится долговязый дедина в черном, в перчатках, в кепке. Ох и чудаки! Взвился мяч в самое поднебесье, гулко шлепнулся в низкую траву, к нему бросились сразу трое, столкнулись, разошлись, и—на тебе!—один остался на земле, тяжело перекатился на бок, держится за колено...

— Эгей, ребята! Пошли лучше купаться—передерутся они здесь. Помнишь, как прошлый месяц в трактире?

— Не-е, это не те.

— Много ты понимаешь!

— Сам ты ничего не понял. Это же... Это...

— Ну, кто это? Эх, ты!

— Да знаю, дай только вспомнить... Это—фут... футболисты, вот кто!

— Чего-о?

— Стойте, вы, не мешайте! Глядите, к самому черному подбежал...

— Ох, как саданул! Забросил!

— Ну и что? «Забросил!» Те все равно ловчей...

— Смотри ты: «ловчей»!..

Я отлично знаю: нынешнего, эрудированного, искушенного болельщика, приходящего на футбольный матч во всеоружии разнообразнейших специальных знаний, такой диалог заставит лишь презрительно усмехнуться. Только ведь нельзя требовать от мальчишек тех лет такой же осведомленности в тонкостях этого любимого теперь большинством спорта. Они смотрели на футбол как на диковинку, не знали слов «гетры», «гол», «вратарь» и «пенальти». Но они, эти первые в Грузии болельщики футбола, были восприимчивы, жадны ко всему новому, и в них жила готовность увлечься здоровым спортивным азартом — увлечься самозабвенно, до конца.

А если интересно, если увлекательно, почему бы не попробовать самим?

В Поти и других наших портовых городах начали создаваться первые футбольные команды. Это были «дикие» команды любителей и подражателей. Лишенные всякого представления о тактике, но самоотверженные, как солдаты, ребята из этих команд играли неумело, но страстно. В то же время они пылливо присматривались к тому, как играют иностранные моряки, и учились у них.

Эволюция «диких» команд протекала по законам своеобразного естественного отбора. Если поначалу составы команд менялись от матча к матчу, то со временем они стали более стабильными. «Дикие» команды превращались в коллективы — со своими традициями, негласными обычаями и даже намеком на собственный стиль игры. К 1905 году в Поти было уже несколько организованных команд. Все ошутимее становилось у ребят чувство коллективизма, а вместе с ним приходила уверенность в своих силах. Как-то, набравшись муже-

ства, потийцы дерзнули ^{вызвать} на единоборство футболистов одного из иностранных кораблей. Наконец, наступил знаменательный день — ученики выиграли матч у своих учителей.

Так родился грузинский отечественный футбол, ставший массовым увлечением, «неизлечимым заболеванием» многих советских людей.

С 1908—1909 гг. сборная команда Поти проводила игры с гостями уже систематически; еще через несколько лет начались встречи с коллективами Сухуми, Батуми, Одессы, Новороссийска.

Это была тяжелая школа. Каждая игра стоила больших усилий, потому что отсутствовали не только опыт, но и элементарные представления об основах тактики футбольного поединка. К тому же о спортсменах не заботился никто, у них не было даже необходимого инвентаря. Впрочем, потийцы нашли довольно остроумный выход. Перед встречей с футболистами очередного заморского гостя часто оговаривалось условие: проигравший отдает победителю бутсы, майки, гетры... Это было довольно своеобразное зрелище: финальный свисток судьи служил одновременно и неумолимым напоминанием потерпевшим о необходимости честно платить по счетам. А предвкушение несколько необычного приза вселяло в потийцев поистине героическое настроение. Не думайте, что это создавало нездоровую атмосферу стяжательства. Ничего подобного! Ведь речь шла только о возможности играть и тренироваться еще лучше.

В таких, далеко не благоприятных, условиях проходило становление грузинского футбола в дореволюционной Грузии. Поэтому нам так дорога память о представителях первого поколения наших футболистов — подлинных энтузиастах спорта. Борис Чистяков, Сергей и Владимир Пайчадзе, А. Квачадзе,

1957 год. Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов вручает Борису Пайчадзе орден «Знак Почета». В центре — секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе.

В. Рибянский, Г. Золотарев, Вано Дидия, Арменак Туркянц, Рубен Алхазов... На энтузиазме этих «первых ласточек» создавался фундамент отечественной школы грузинского футбола.

Примерно с 1918 года в его развитии наступил качественно новый этап. Говоря так, я подразумеваю, прежде всего, становление спортивной квалификации, которая начала властно теснить стихийность, и «голый», не подкрепленный настоящей технической подготовкой, энтузиазм. В связи с этим новым этапом надо назвать имена безусловно выдающихся, ставших сильнейшими в Закавказье, футболистов. Это — Шалва Дарчия, Георгий Гогоберидзе, Шалва Пайчадзе, братья Николай и Гоги Гогинава, Григорий Хорава, Ефрем Лаитадзе, Иона Куруа, Иван Микадзе, Митро Асатиани, Котэ Гуния. По пути, проложенному ими, пошли мы — следующее поколение: Григорий Гагуа,

Гоги Антадзе, Владимир Бердзенишвили, Эдуард Николаишвили, Аслан Харбедия, Како Каличава, Саша Элнава и многие, многие другие.

Кто из вас, дорогие товарищи-спортсмены и болельщики, не вспоминает с улыбкой узенькую пыльную улочку детства или край двора, отвоєванный у ретиво защищавших неприкосновенность развешанного белья домохозяек? Кто из вас не носился в самозабвенном азарте за «мячами» самых чудовищных разновидностей — за старым носком, набитым тряпками, или старательно перевязанным бечевкой комком бумаги?

Так же начинали свою «футбольную карьеру» и мы — потийские мальчишки. Не назову с уверенностью года, но во всяком случае шестилетним мальчишкой я уже познал горечь поражений и радость побед. Мы добросовестно месили уличную грязь и исправно гоняли

босыми ногами . тряпичный мяч по колючей траве предместий. Иногда ослепительным светом вспыхивал над нашими головами счастливый случай — кто-нибудь с гордостью притаскивал свиной пузырь! Его надували терпеливо и бережно. Нас не смущала дынеобразная форма, которую неизбежно принимало это странное творение, — матчи с таким «мячом» проходили под знаком подлинного вдохновения.

О, мы любили футбол самозабвенно и бескорыстно, жертвуя для него всем. Больше того: боясь, что нам запретят играть, мы даже учились, как правило, хорошо, чтобы родительский гнев за неудовлетворительные оценки не обратился против нашего увлечения футболом.

Нашей тренировкой были непрерывные встречи различного масштаба — от матчей между двумя улицами до «международных» встреч с футболистами, скажем, Супса. Позже, когда подросли, мы удирали в порожних товарных вагонах в Цхакая, Абаша... А поскольку поезда были из-под марганца, то возвращались мы черными и очень похожими на негрятят. Свято уважая славные футбольные традиции города, мы считали позором для себя не только поражение — даже «ничью» и боролись на поле из последних сил. Правда, «поле» — это, пожалуй, слишком громко сказано, если принять во внимание, что играли мы обычно на какой-нибудь сельской или загородной полянке, очерченной, в лучшем случае, неглубокой канавкой; воротами служили кучи камней... Азартные болельщики, увлекшись игрой, к середине матча неминуемо нарушали границы, что нам отнюдь не могло нравиться. Однажды мы с разгромным счетом обыгрывали команду какой-то деревни. Мяч попал ко мне, я обвел двоих представителей «враждующей державы» и, окрыленный предчувствием неминуемого гола, повел его к воротам соперника. Занес но-

гу для удара и... замер. Из толпы зрителей выскочил здоровенный парень в чохе, перепрыгнул канаву, оттолкнув плечом вратаря, широко раздвинул ноги, вытащил из ножен длиннющий кинжал и выставил его перед собой. Потом свирепо предложил:

— А ну ударь!

Конечно, я не ударил. Негодующие зрители уволокли слишком экспансивного болельщика, а мы получили наглядный урок того, как необходим порядок на футбольном поле.

Впрочем, сами мы нарушали этот порядок без малейших угрызений совести. В Поти был построен первый в Закавказье стадион со специальным травяным покровом. Здесь проводились товарищеские и международные встречи, которых мы, разумеется, не пропускали. А так как никто из нас не собирался приобретать билетов, перед началом каждого матча мы заново оценивали знакомую обстановку. Одной своей стороной стадион примыкает к порту, другой выходит к берегу Риони, третья закрыта контролерами. Остается единственный путь — вплавь через речку. Подобно древним воинам, мы раздевались, укладывали одежду на головы и бесстрашно приступали к форсированию Риони. У нас был один, наиболее опасный враг — милиционер Але Габисония. В неизменной черкеске, с внушительным кинжалом у пояса, он кричал на нас страшным голосом и имел обыкновение нападать врасплох, из засады. Его тактическая ошибка состояла в том, что он всегда пытался поймать всех сразу, а потому, естественно, оставался ни с чем. Однажды, одержимый служебным рвением, милиционер во всем своем великолепии бросился за нами в воду... Понятно, из этого тоже ничего не вышло. Да мы его и не особенно боялись, потому что при всех своих устрашающих повадках Але Габисония был человеком добрейшей души. Как-то, захватив одного из нас

в плен, он долго смотрел на него в недоумении, потом наградил шлепком и грозно крикнул вдогонку:

— Поймаю — застрелю!

Освободившийся пленник на глазах у своего недавнего стража прыгнул в Риони и благополучно присоединился к нам.

Итак, мы на стадионе. Колоссальных размеров железная бочка забронирована нами на все матчи нынешнего и грядущих сезонов. Запасшись большими камнями, мы влезаем на нее и ждем судейского свистка с тем нетерпением, которое понятно лишь настоящему болельщику. Нет, мы не собираемся швырять камни в команду противника. Они предназначены для другого... Первый гол! 1:0 в нашу пользу. В ту же секунду стадион оглушается гулом — это мы барабаном камнями по бочке. Ведь далеко не всем удалось попасть на матч — пусть же наши товарищи, которым не повезло, узнают о победе нашей команды. Так мы выполняли роль первых футбольных комментаторов в Потти. И довольно успешно, потому что производимый нами невыносимый грохот разносился повсюду.

2

Да, мы крепко любили наш город и радовались его победам во всех областях, а уж в футболе — подавно. «Наш город», «мой город», — говорю я. Между тем моя родина — Чохатаури, точнее — село Ончискеди, откуда происходил и мой отец Соломон Гигоевич. Это был человек большой души, неукротимой энергии и очень ясных, твердых суждений. Шестнадцатилетним юношей, имея всего лишь трехклассное образование, он покинул родителей и, чтобы найти свое собственное, новое счастье, ушел из села. Он работал грузчиком в Баку, учился жизни, познакомился с революционерами, и они дали ему главное — сознание того, что далеко не все в мире справед-

ливо и что за иной мир надо бороться. Вернувшись в Грузию, в Потти, отец остался грузчиком, но теперь его жизнь была освещена большой, ясной целью. Он вел революционную пропаганду среди рабочих порта — таких же, как и он, обездоленных, измученных тяжелым трудом людей. Помните, я говорил о «черном» и «белом» грузах? Отец работал на погрузке марганца, но он слишком хорошо видел и понимал: дни работающих на муке и сахаре не стали светлее оттого, что они переносят «белый» груз. Отца отлично знали в порту — он нес рабочим слова правды. Потом его арестовали, некоторое время держали в Кутаисской тюрьме, наконец, отправили по этапу на каторжные работы. Поэтому мать, ожидая моего появления на свет, уехала в Чохатаури, и здесь в 1915 году я родился. Когда отец вернулся домой, мы поселились в Потти, однако, вместе с матерью и сестрами я часто гостил в доме родителей отца.

Чем может заниматься городской мальчишка, приехав на каникулы в деревню, где и воздух прозрачнее, и небо выше, и даже солнце ярче? Ну ясно, тем же, чем заполнял он свободное от уроков время в городе. В Чохатаури у меня было множество друзей — местных ребят. По долгу горожанина я привозил с собой маленький резиновый мячик — богатство, которым уже обзавелся к тому времени, и мы с утра до вечера гоняли его по траве.

Чохатаури — горный район. Поэтому в селах, расположенных высоко, — Хеви, Ончискеди, Набеглави, Квабга, — играть было негде. Играли только в районном центре. А народ в тех местах рослый, сильный, недаром чохатаурская сборная — неоднократно чемпион республики по лело. Сейчас, вспоминая, до чего же мало было в годы моего детства в районе футболистов, я испытываю чувство гордости

за своих соотечественников: сегодня в районных первенствах принимает участие более восьмидесяти футбольных команд, а некоторые из них выступают и в республиканских соревнованиях.

В футбол я играл везде — и в Поти, и в Чохатаури, и в наших «гастрольных» вылазках в Абаша, Цхакая, Супса. У меня есть твердое убеждение: футбол — занятие, которое требует подлинной увлеченности и даже вдохновения. Вот мы и отдавали футболу весь жар своих мальчишеских душ — видели во сне захватывающие матчи международного масштаба, в которых, разумеется, участвовали мы сами, и даже иногда спали с мячом под подушкой! И все-таки будет ошибкой думать, что мы занимались только футболом. Я и сейчас далеко не приветствую непомерно развитую «футбольную» мускулатуру ног, с которой сочетаются узкая грудная клетка и дряблые бицепсы. Нет, еще больше футбола мы любили ясное небо и яркое солнце, и бодрящий ожог прохладной воды — все то, что наполняет тело радостным ощущением избытка энергии, и вызывает неодолимую потребность расходовать ее широко, не скупясь.

Когда нам надоедало гонять мяч, кто-нибудь, порою в самый разгар игры, предлагал:

— Может, купаться пойдем, ребята?

И мы бежали к морю, чтобы вымокнуть до оранжевых кругов в глазах, а потом целый час бегать взапуски по лесу.

Если становилось скучно карабкаться на вышку и прыгать с нее в зеленое зеркало воды, слышалось:

— Айда на рыбалку!

И мы бросались в лодку — не столько ради рыбной ловли, сколько для того, чтобы, с удовольствием откидываясь всем телом назад, ощущать движение — движение, которое родила сила наших рук!

Прошли годы, для большинства из нас спорт остался «пожизненным» увлечением, и только тогда мы узнали такие слова, как «общественная физическая подготовка», «всестороннее развитие спортсмена», «общая закалка». Оказалось, все, что составляет содержание этих слов, мы делали в детстве — бессознательно, из одной естественной потребности бегать, прыгать, плавать, радоваться земле и солнцу.

В 1929 году в Тбилиси состоялся первый слет пионеров Грузии. Я поехал на него в составе юношеской сборной команды по баскетболу. Мы заняли второе место в республике, проиграв лишь кутаисцам. В 1933—34 гг. я играл, защищая спортивную честь города, на республиканских соревнованиях по водному поло. В те же годы выступал и в сборной команде Поти по плаванию.

Продолжение следует.

Технический редактор М. Соселия

Подписано к печати 16 ноября 1960 г. 6 печ. листов

Формат бумаги 70×108¹/₁₆.

Тираж 2.500

Заказ № 162/950

УЭ 05426

Цена 4 руб.

ჟურნალი „ლიტერატურული გრუზია“

(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ხარია ვოსტოკა“

Типография «Заря Востока» им. А. Ф. Мясникова издательства ЦК КП Грузии, Тбилиси, пр. Руставели, № 42.

1950

